PG 3337
.L5 O8

1867

LIBRARY OF CONGRESS
0000401776 6

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

35

ОСТРОВИТЯНЕ.

ПОВѢСТЬ

М. СТЕБНИЦКАГО.

(АВТОРА РОМАНА «НЕКУДА» И «ОБОЙДЕННЫЕ»).

ИЗДАНІЕ

М. ИВАНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ОСТРОВИТЯНЕ.

(Повѣсть).

Leskov, N. S. (Nikolai Semenovich)

ОСТРОВИТЯНЕ.

ПОВѢСТЬ

М. СТЕБНИЦКАГО.

(АВТОРА РОМАНА «НЕКУДА» И «ОБОЙДЕННЫЕ»).

ИЗДАНІЕ

М. ИВАНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

PG3337
.L5 O8
1867

Въ типографіи А. А. Краевскаго, (Литейная, № 38).

88-150149
EP35
6-15-88

Овцы царя Авгіаса не вмѣстѣ, въ стадахъ раздѣленныхъ,
Въ кругахъ разныхъ пасутся: однѣ по долинамъ —
Вдоль береговъ Элизента, другія у водъ освященныхъ
Старца-Алфея, иныя по злачнымъ Бупроза вершинамъ,
Прочія въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо
Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣльныя надо.

Идилія Ѳеокрита.

---

*
* *

Очень давно когда-то всего на нѣсколько минутъ я встрѣтилъ одно весьма жалкое существо, которое потомъ безпрестанно мнѣ припоминалось въ теченіе всей моей жизни, и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами: это была слабая, изнеможенная и посинѣвшая отъ мокроты и стужи дѣвочка на высокихъ ходуляхъ. Въ тотъ день, когда я увидѣлъ этого ребёнка, въ Петербургѣ ждали наводненія; съ моря сердито свисталъ порывистый вѣтеръ и носилъ по улицамъ цѣлыя облака холодныхъ брызгъ, которыми раздобывался онъ гдѣ-то за угломъ каждаго дома, но гдѣ именно онъ собиралъ ихъ—надъ крышей, или за цоколемъ—это оставалось его секретомъ, потому что съ чернаго неба не падало ни одной капли дождя. Въ этотъ ненастный, холодный день, она

вошла на грязный, мощеный дворъ изъ-подъ черной арки воротъ, въ сопровожденіи еще болѣе ея изнеможеннаго итальянскаго жида, который находился съ нею въ товариществѣ по добыванію хлѣба, и въ сопровожденіи цѣлой толпы зѣвакъ, съ утра бродившихъ для наблюденія, какъ выступаютъ изъ береговъ Лиговка, Мойка и Фонтанка. Блѣдный, чахоточный жидъ, сгибаясь въ три погибели, несъ покрытую клеенчатымъ чахломъ шарманку; праздные люди гордо несли на своихъ лицахъ спокойную тупость безсмыслія. Дѣвочка на ходуляхъ была самымъ замѣчательнымъ лицомъ во всей этой компаніи и съ помощію своихъ ходуль вызвышалась нагляднымъ образомъ надо всѣми. По силѣ производимаго ею впечатлѣнія, съ нею не могъ соперничать даже ея товарищъ, хотя это былъ экземпляръ, носившій, кромѣ шарманки, чахотку въ груди и слѣды всѣхъ страданій, которыми несчастнѣйшій изъ жидовъ участвуетъ съ банкиромъ Ротшильдомъ въ искупленіи грѣховъ падшаго племени Израиля. Вопервыхъ, дѣвочка была богиней: на ней былъ фантастическій нарядъ изъ перемятой бисеи и рыжаго плиса; все это было украшено гирляндами каленкоровыхъ цвѣтовъ, позументомъ и блестками; а на ея высокомъ, бѣломъ лбу лежала блестящая мѣдная діадема, придававшая что-то трагическое этому блѣдному профилю, напоминавшему длинный профиль Рашели, когда эта пламенная еврейка одѣвалась въ костюмъ Федры. Нѣтъ сомнѣнія, что вошедшая на ходуляхъ дѣвочка тоже должна была воплощать въ себѣ понятіе о какомъ-то трагическомъ величіи. Она вошла твердою и спокойною поступью, и когда сопровождавшій ее жидъ завертѣлъ свою шарманку, она запѣла:

Въ Нормандіи баронъ,
Большой любитель псовъ
Жилъ съ деревенской простотою.

Въ ея голосѣ, которымъ она пропѣла эту рыцарскую пѣсню, было столько же скромной твердости, сколько въ ея тихомъ шествіи на ходуляхъ; но эта рыцарская пѣсня не нашла сочувствія ни въ комъ, кромѣ одной слабонервной дворняшки, начавшей подвывать пѣвицѣ самымъ раздирающимъ голосомъ и успокоившейся только послѣ пинка, отпущеннаго ей сострадательнымъ прохожимъ.

Несравненно болѣе общаго вниманія у зрителей дѣвочка встрѣтила тогда, когда она проплясала передъ ними на ходуляхъ какой-то импровизированный matelot. Я видѣлъ, какъ при самомъ началѣ этого танца всѣ самыя тупыя лица осклабились и праздныя руки безсмысленно зашевелились, а когда дѣвочка разошлась и запрыгала, каждую секунду рискуя поскользнуться и, въ самомъ счастливомъ случаѣ, только переломить себѣ ногу, публика даже начинала приходить въ восторгъ. Изъ всѣхъ людей, стоявшихъ на дворѣ, и изъ всѣхъ глазѣвшихъ на эту пляску въ окна, лишь одно мрачное лицо еврея упорно хранило свое угрюмое выраженіе, да еще было спокойно лицо самой танцорки. Черные глаза жида то обходили дозоромъ окна всѣхъ окружающихъ дворъ пяти этажей, то съ ненавистью и презрѣніемъ устремлялись на публику партера, вовсе и непомышлявшую достать изъ кармана мѣдный грошъ на хлѣбъ голодному искуству.

— Еслибы она плясала въ длинномъ платьи, она бы по крайней-мѣрѣ вымела бы мнѣ дворъ, проговорилъ присутствовавшій въ партерѣ дворникъ.

Дворникъ сдѣлалъ именно такое заключеніе, какое онъ долженъ сдѣлать: «собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку». Естественнѣй этого ничего быть не можетъ.

По мановенію дворника, прежде всѣхъ и проворнѣе всѣхъ поспѣшила исчезнуть подъ аркою воротъ захожая публика, насла-

ждавшаяся par grace всѣми вокальными и хореграфическими талантами дѣвочки на ходуляхъ; за публикой, сердито ворочая большими черными глазами въ просторныхъ орбитахъ, потянулъ, изнемогая подъ своей шарманкой, чахоточный жидъ, которому дѣвочка только что успѣла передать выкинутый ей за окно пятакъ, и затѣмъ уже сзади всѣхъ и спокойнѣе всѣхъ пошла сама дѣвочка на ходуляхъ. Она удалялась въ томъ же спокойномъ и гордомъ молчаніи, съ которымъ входила назадъ тому нѣсколько минутъ на этотъ дворъ, но изъ глазъ моихъ до сихъ поръ не скрывается ея блѣдный, спокойный лобъ, ея взоръ гордый и профиль Рашели, этой царственной жидовки, знавшей съ нею умершій секретъ трогать до глубины онѣмѣвшія для высокаго чувства сердца буржуазной Европы. Память моя въ своихъ глубочайшихъ нѣдрахъ сохранила дѣтскій обликъ ходульной плясуньи и сердце мое и нынче рукоплещетъ ей, какъ рукоплескало въ тотъ ненастный день, когда она, серьёзная и спокойная, не даря ни малѣйшаго вниманія ни глупымъ восторгамъ, ни дерзкимъ насмѣшкамъ, плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ и ушла на нихъ съ гордымъ сознаніемъ, что не даровано помазанья свыше тѣмъ, кто не почувствовалъ драмы въ ея даровомъ представленіи.

Я никогда ни одного слова не разсказывалъ о томъ, какъ приходила эта дѣвочка и какъ она плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ, ибо во мнѣ всегда было столько такта, чтобы понимать, что во всей этой исторіи ровно нѣтъ никакой исторіи. Но у меня есть другая исторія, которую я вознамѣрился разсказать вамъ, и эта-то исторія такова, что когда я о ней думаю, или лучше сказать, когда я начиналъ думать объ одномъ лицѣ, замѣшанномъ въ эту исторію и играющемъ въ ней столь важную роль, что безъ него не было бы и самой исторіи, я каждый разъ совершенно невольно вспоминаю мою дѣвочку на ходуляхъ. И

такъ-какъ онѣ не разлучались въ головѣ моей и глядѣли на меня обѣ, когда я думалъ только объ одной изъ нихъ, то я не хочу разлучать ихъ передъ твоими глазами, читатель. Тебѣ было-бъ жалко, какъ онѣ заплакали-бы, какъ заплакали-бы разлучаясь эти милыя дѣти.

Я лучше желаю, чтобы въ твоемъ воображеніи въ эту минуту пронеслось блѣдное, спокойное личико полуребенка въ парчевыхъ лохмотьяхъ и приготовило тебя къ встрѣчѣ съ другимъ существомъ, которое въ нашъ вѣкъ, шагающій такой практической походкой, вошло въ жизнь не трубя передъ собою, но на очень странныхъ ходуляхъ, и на нихъ же и ушло съ гордымъ спокойствіемъ въ темную, неизвѣстную даль.

Маничка Норкъ! гдѣ бы ни была ты теперь, восхитительное дитя Васильевскаго Острова, по какой бы далекой землѣ ни ступали нынче твои маленькія, слабыя ножки; какое бы солнце ни грѣло твое хрустальное тѣло—всюду я шлю тебѣ мой душевный привѣтъ и мой поклонъ до земли. Всюду я шлю тебѣ, незлобный земной ангелъ, мою просьбу покорную, да простишь ты мнѣ, что я рѣшаюсь разсказать людямъ твою сердечную повѣсть. Протяни мнѣ твои маленькія, прозрачныя ручки; дохни на эти строки твоимъ чистымъ дыханіемъ и поклонись изъ нихъ своей граціозной головкой всему широкому міру божьему, куда случай занесетъ неискусный разсказъ мой про твою заснувшую весну, про твою любовь до слезъ, про твои горячіе, пламенные восторги! И чувствуетъ сердце мое, что дошла до тебя моя просьба; я слышу откуда-то, изъ какого-то суроваго далека твой благословляющій голосъ, вижу твою милую головку, поэтическую головку Титаніи, мелькающую въ тѣни темныхъ деревьевъ стараго, сказочнаго лѣса Оберона, и начинаю свой разсказъ о тебѣ, приснопамятный другъ мой.

I.

Я обязанъ представить вамъ героиню моей повѣсти и нѣкоторыхъ лицъ ея семейства. Маничка Норкъ была петербургская, василеостровская нѣмка. Ея мать, Софья Карловна Норкъ, тоже была нѣмка русская, а не привозная; да и нетолько Софья Карловна, а даже и ея-то матушка, Мальвина Ѳедоровна, которую лѣтъ пятнадцать уже перекатываютъ по комнатамъ на особо устроенномъ креслѣ на высокихъ колесцахъ, такъ и она и родилась и прожила весь свой вѣкъ на Островѣ. Отца своего Маничка Норкъ не помнила, потому что осталась послѣ него груднымъ ребёнкомъ: онъ умеръ, когда еще старшей маниной сестрѣ, Бертѣ Ивановнѣ, шелъ всего только шестой годъ отроду. Софья Карловна Норкъ овдовѣла въ самыхъ молодыхъ годахъ и осталась послѣ мужа съ тремя дочерьми: Бертой, Идой и Марьей или Маней, о которой будетъ идти начинающійся разсказъ. Мужъ Софьи Карловны, Іоганъ-Христіанъ Норкъ былъ по ремеслу токарь, а по происхожденію петербургскій нѣмецъ. Онъ былъ человѣкъ пунктуально вѣрный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный. Работая всѣми этими качествами, Іоганъ-Христіанъ Норкъ за сорокъ лѣтъ неусыпнаго труда успѣлъ сгоношить себѣ кое-какую копейку и, отходя къ предкамъ, оставилъ своей вѣрной подругѣ, Софіи Норкъ, кромѣ трехъ до-

черей и старой бабушки, еще три тысячи рублей серебромъ государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведеніе. Софія Норкъ, схоронивъ мужа, не опустила ни головы, ни рукъ. Оплакавъ свою потерю; она стала думать, какъ ей прожить съ дѣтьми своей головою. Софья Карловна была въ состояніи это обдумать, потому что у нея отъ природы былъ ясный практическій смыслъ, и она знала свое маленькое дѣло еще при мужѣ. Еще и ему она была серьёзною помощницею. Не говоря о томъ, что она была хорошей женою, хозяйкою и матерью, она умѣла и продавать въ магазинѣ разныя издѣлія токарнаго производства; понимала толкъ въ работѣ на столько, что могла принимать всякіе, относящіеся до токарнаго дѣла заказы и—мало этого—на окнѣ ихъ магазина на большомъ, бѣломъ листѣ шляпнаго картона было крупными, четкими буквами написано, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: *здѣсь починяютъ, чистятъ, а также и вновь обтягиваютъ матеріей всякіе, дождевые и лѣтніе зонтики.* Это было уже собственное производство Софьи Карловны, которымъ она занималась не по нуждѣ какой крайней, а единственно по страстной любви своей къ труду и изъ желанія собственноручно положить хоть какую нибудь, хоть маленькую, хоть крохотную лепту въ свою семейную корвану. Результаты, однако, скоро показали, что лепта, добываемая Софьею Карловною черезъ обтягиваніе матеріей всякихъ дождевыхъ и лѣтнихъ зонтиковъ, совсѣмъ и не была даже такою ничтожною лептою, чтобы ея не было замѣтно въ домашней корванѣ; а главное-то дѣло, что лепта эта, какъ грошъ евангельской вдовицы, клалась весело и усердно, и нетолько радовала Іогана-Христіана Норка при его счастливой жизни, но даже помогла ему и умереть спокойно, съ упованьемъ на Бога и съ надеждой на Софью Карловну.

— Софья! говорилъ онъ, мучительно борясь со смертью:—дѣти... я на тебя... на тебя надѣюсь...

— О, мой Іоганусъ! отвѣчала рыдая Софья Карловна.

— Маньхенъ, продолжалъ хрипя умирающій:—береги ее... мою горсточку... мою маленькую...

— О, всѣхъ! всѣхъ, мой Іоганусъ! отвѣчала опять Софья Карловна, и василеостровскій нѣмецъ Іоганъ-Христіанъ Норкъ такъ спокойно глядѣлъ въ раскрывавшіяся передъ нимъ темныя врата сѣни смертной, что еслибы вы видѣли его тихо меркнувшіе очи и его посинѣвшую руку, крѣпко сжимавшую руку Софьи Карловны, то очень можетъ быть, что вы и сами пожелали бы предъ вашимъ походомъ въ вѣчность услыхать не вопль, не вой, не стоны, не многословныя увѣренія за тѣхъ, кого вы любили, а только одно это слово; одно ваше имя, произнесенное такъ, какъ произнесла имя своего мужа Софья Карловна Норкъ, въ отвѣтъ на его просьбу о дѣтяхъ.

Но дороже всего не то, что Софья Карловна умѣла хорошо сказать это слово; это, конечно, важно было только для умиравшаго, а для оставшихся жить всего важнѣе было, что всю музыку этого слова она выдержала.

Токарное производство мужа послѣ его смерти у Софьи Карловны не прекратилось и шло точно такъ же, какъ и при покойникѣ, а на другомъ окнѣ магазина, въ pendant къ вывѣскѣ о зонтикахъ, выступила другая, объявлявшая, что *здѣсь чистятъ и передѣлываютъ соломенныя шляпы, а также берутъ въ починку резиновыя калоши и клеятъ разбитое стекло.* Прошелъ годъ, два, пять лѣтъ, вывѣски эти неизмѣнно оставались на своихъ мѣстахъ; Софья Карловна неизмѣнно содержала то же самое заведеніе и исправно платила деньги за ту же самую квартиру на Большомъ проспектѣ. Въ это время дѣти подросли, бабуш-

ка совсѣмъ выжила изъ вѣка, хотя, впрочемъ, все-таки попрежнему ѣздила на своемъ колесномъ креслѣ, а Софья Карловна все трудилась, трудилась безъ отдыха, безъ сторонней помощи и вся жила въ своихъ дѣтяхъ. Берта и Ида ходили въ нѣмецкую школу и утѣшали мать прекрасными успѣхами; любимица покойника, Маньхенъ, его крохотная «горсточка», какъ называлъ онъ этого ребёнка, бѣгала и шумѣла, то съ сафьяннымъ мячикомъ, то съ деревяннымъ обручемъ, который гоняла по всѣмъ комнатамъ и магазину.

— О, мой Іоганусъ! думала Софья Карловна, вздыхая и уныло глядя на рѣзвившагося ребёнка.

— О, мой милый Іоганусъ! говорила она вслухъ, ловя убѣгавшую Маньхенъ и прижимая дѣвочку къ своему увядшему плечу, откуда трудовой потъ давно вытравилъ поцалуи истлѣвшаго Іогануса, но съ которыми, можетъ быть, не хотѣла разставаться упрямая память.

Такъ опять шли годы. Состояніе Норкъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ матери, не разстроивалось; фрейлейнъ Берта «отъучилась» въ школѣ и прямо съ скамьи сдѣлалась невѣстой нѣкоего Фридриха Шульца, очень хорошаго молодого человѣка, служившаго въ одной коммерческой конторѣ и получавшаго большое содержаніе. Приданымъ за Бертой Ивановной пошли: вопервыхъ, ея писаная красота и молодость, а вовторыхъ, доброе имя ея матери, судя по которой практичный Фридрихъ Шульцъ ждалъ найти доброе яблочко съ добраго дерева. Берта его не обманула. Вторая дѣвица Норкъ, Ида Ивановна, только что доучилась; а одиннадцатилѣтнюю Маничку только отвели въ школу.

II.

Въ народныхъ сказкахъ нашихъ часто сказывается, что изъ трехъ дѣтей, рожденныхъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, третій, самый младшій, задается либо всѣхъ умнѣе, либо всѣхъ сильнѣе, либо всѣхъ счастливѣе и удачливѣй. Ходя по русской землѣ, зашла эта сказка и въ семью покойнаго русскаго нѣмца Іогана Норка. Маня была дитя совершенно, что говорятъ, «особенное», какое-то совсѣмъ необыкновенное. Умна и пытлива она была необычайно; добротѣ и чистосердечію ея не было мѣры и предѣловъ: никто въ цѣломъ домѣ не могъ припомнить ни одного случая, чтобы Маничка когда нибудь на кого нибудь разсердилась, или кого нибудь чѣмъ нибудь обидѣла. Всѣ знавшіе этого ребенка, удивлялись на него и со страхомъ говорили: охъ, она не будетъ жить на свѣтѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, настаивала старая русская кухарка Норковъ: — что наша барышня Марья Ивановна не жилецъ на этомъ свѣтѣ, такъ я за это голову свою дамъ на отсѣченье, что она не жилецъ.

Кухаркѣ головы не отрубили, и Маша росла на общую семейную радость и утѣшеніе.

Для матери и разсыпавшейся пепломъ бабушки этотъ ребёнокъ былъ идоломъ; сестры въ ней не слыхали души; слуги любили

ее до безумія; а старый подмастерье Норка, суровый Германъ Верманъ, даже часто отказывалъ себѣ въ пятой гальбѣ пива единственно для того только, чтобы принести завтра фрейлейнъ Марьѣ хоть апельсинъ, хоть два пирожныхъ, хоть наконецъ пару яблокъ. Однимъ словомъ, Маня была домашній идолъ въ полномъ значеніи этого слова. Одно только въ ней съизрана начало тревожить ея мать и бабушку—это какой-то странный, необъяснимый для нихъ переломъ въ ея характерѣ, подготовленный, конечно, ея слишкомъ раннимъ развитіемъ и совершившійся на девятомъ году ея дѣтской жизни. Переломъ этотъ выразился тѣмъ, что неудержимая рѣзвость и безпечная веселость Мани вдругъ оставили ее, словно отлетѣли: легла спать вечеромъ одна дѣвочка, встала другая. Думали, что она больна, попробовали полечить—ничто не помогло; добивались у нея, не видала ли она чего нибудь необыкновеннаго во снѣ—это стало сильно досаждать дѣвочкѣ, она разстроилась и заплакала. Ее оставили въ покоѣ, думая, что это она такъ загрустила и что это непремѣнно пройдетъ. Опять ошиблись: ни игры, ни шалости больше не манили къ себѣ Маню—возвратить ее къ нимъ не было никакой возможности. Маня, которую, щадя ея слабое здоровье, долго не сажали за книжку, вдругъ выучилась читать понѣмецки необыкновенно быстро: порусски она стала читать самоучкой безъ всякаго указанія. Съ этихъ поръ ее нельзя было разлучить съ книгою. Ручнымъ работамъ она училась усердно и понятливо, но обыкновенно спѣшно, торопливо кончала свой урокъ у старой бабушки, или у старшей сестры и сейчасъ же бѣжала къ книгѣ, забивалась съ нею въ уголъ и зачитывалась до того, что не могла давать никакого отвѣта на самые простые, обыденные вопросы домашнихъ. Ни веселаго хохота, ни дѣтскихъ игръ не знала съ этихъ поръ Маня; всѣ тѣ, небольшія конечно, удовольствія, которыя достав-

ляла ей мать, она принимала съ благодарностію, но онѣ ее вовсе не занимали. Чтеніе развивало въ ней страшную впечатлительность, которая обратила на себя серьёзное вниманіе родныхъ только послѣ слѣдующаго случая. Взяла ее замужняя сестра одинъ разъ въ театръ на *Уголино*, и сама была не рада съ нею, ни спектаклю, ни жизни. Маня разрыдалась въ ложѣ и послѣ того шесть недѣль вылежала въ нервной лихорадкѣ. Каждую почти ночь во время болѣзни она срывалась съ кроватки, плакала и кричала: «Съѣшьте меня! Меня, меня съѣшьте скорѣй!» — Впечатлительности дѣвочки стали бояться серьёзно. Ее старались удалять отъ всего, что̀ могло, по соображенію родныхъ, сильно вліять на ея душу: отнимали у нея книги, она безропотно отдавала ихъ и садясь молчала по цѣлымъ днямъ, лишь машинально исполняя что̀ ей скажутъ, но попрежнему часто невпопадъ отвѣчая на то, о чемъ ее спросятъ. Родные теряли голову съ этой воспріимчивостью Маши. Какъ тщательно они ни берегли ее, но невозможно же все-таки было удалить ее ото всего, что̀ различными путями добивалось въ ея душу, съ чѣмъ говорило ея чуткое сердечко. Оно говорило съ визгливою пѣснью русской кухарки; съ восящимся на солнце ощипаннымъ орломъ, котораго напоказъ зѣвакамъ таскалъ лѣтомъ по острову ощипанный и полуголодный мальчикъ; говорило оно и съ умными глазами остриженнаго пуделя, танцующаго въ красномъ фракѣ, подъ звуки разбитой шарманки—со всѣми и со всѣмъ умѣло говорить это маленькое, чуткое сердечко, и унять его говорливость, научить его молчанію не смогъ даже самъ пасторъ Абель, который, по просьбѣ Софьи Карловны Норкъ, со всѣхъ рѣшительно сторонъ, глубокомысленно обсудилъ душевную болѣзнь Мани и снабдилъ ее книгами особеннаго выбора.

III.

Мое знакомство съ семействомъ Норкъ началось въ гораздо позднѣйшую эпоху, чѣмъ манино дѣтство, и началось это знакомство довольно оригинальнымъ образомъ, и притомъ непосредственно черезъ Маню.

Дѣло это-таки, впрочемъ, ужь было давненько. Жилъ я тогда на Васильевскомъ Островѣ, неподалеку отъ извѣстной нѣмецкой школы. Одинъ разъ лѣтомъ возвращался я откуда-то изъ-за Невы; погода была ясная и жаркая; но вдругъ съ Ладоги дохнулъ вѣтеръ; въ воздухѣ затряслось, зашумѣло; небо нахмурилось, волны на Невѣ сразу метнулись, какъ бѣшеныя; набѣжалъ настоящій шквалъ, и яликъ, на которомъ я переправлялся къ Румянцевской площади, зашвыряло такъ, что я едва держался, а у гребца то одно, то другое весло, не попадая въ воду и сухо вертясь въ уключинахъ, звонко ударялось по бортамъ. Кое-какъ я перебрался на свой Островъ, и чуть только ступилъ на берегъ, какъ хлынулъ азартнѣйшій холодный ливень; вѣтеръ неистово засвисталъ и понесся вдоль линій; крупныя капли били какъ градины: душъ былъ необыкновенный. Я бросился бѣжать, какъ поспѣвали ноги, словно ребенокъ, преслѣдуемый страшными привидѣніями, и влетѣвъ на свой подъѣздъ, совсѣмъ было-сбилъ съ ногъ спрятавшихся здѣсь отъ дождя двухъ молоденькихъ дѣво-

чекъ. Обѣ онѣ были мокрехоньки и робко жались у стѣнки. На обѣихъ на нихъ были коричневыя, люстриновыя платьица и черные переднички съ лифами и гофрированными черными же обшивками. Поверхъ платьица на одной изъ дѣвочекъ, черномазенькой и востролиценькой брюнеточкѣ, была надѣта пестрая шерстяная тальмочка, а на другой, которую я не успѣлъ разглядѣть сначала, длинная черная тальма изъ легкаго дамскаго полусукна. На головѣ первой дѣвочки была швейцарская соломенная шляпа съ хорошенькими цвѣтами и широкой коричневой лентой, а на второй почти такая же шляпа изъ сѣраго кастора, съ одною черною бархаткой по тульѣ и безъ всякой другой отдѣлки. У обѣихъ на рукахъ висѣли зеленые шерстяные мѣшечки, въ которыхъ, сквозь взмокшую матерію, ясно обрисовывались корешки книгъ и пинали.

— Бѣдныя двѣ дѣвочки, какъ тутъ пріютились у насъ на подъѣздѣ! сказалъ я, представляясь въ видѣ Язона мутнымъ очамъ добродѣтельнѣйшей въ мірѣ чухонки Эрнестины Крестьяновны, исправлявшей въ моей одинокой квартирѣ должность кухарки и камердинера и называвшей, въ силу многосложности лежавшихъ на ней обязанностей, свое единственное лицо собирательнымъ именемъ: *прислуги*.

— О, мейнъ Готъ! дасъ истъ шреклихъ! заговорила моя «прислуга».

— Да, говорю, позвать бы ихъ къ намъ, Эрнестина Крестьяновна, чтобъ не простудились онѣ тамъ стоючи мокрыя на сквозномъ вѣтру.

— О ja, ja! Goth bewahr, залепетала «прислуга» и побѣжала на лѣстницу.

— Ну, сто? начала она, появляясь черезъ минуту назадъ съ растопыренными руками и съ неописаннымъ смущеніемъ на лицѣ:—

одинъ какъ совсѣмъ коцитъ, а другой совсѣмъ не коцитъ; ну, и сто я здѣляйть?

Я вышелъ на подъѣздъ самъ. Дѣвочки попрежнему жались у стѣнки; черненькая нѣсколько выдавалась впередъ, а другая совсѣмъ западала за ея плечико.

— Войдите, сдѣлайте милость, къ намъ, пока перейдетъ дождикъ, сказалъ я, обращаясь къ обѣимъ дѣтямъ безразлично.

Черненькая взглянула на меня быстро, но ничего не отвѣтила, а по глазамъ ея видно было, что ей тутъ очень неловко, и что она рѣшительно не прочь бы зайдти и пообогрѣться въ комнатѣ.

— Пожалуйста, зайдите! повторилъ я, и въ эту минуту замѣтилъ изъ-подъ локтя передней дѣвочки крошечную ручонку, которая безпрестанно теребила и трясла этотъ локотокъ сосѣдки изо всей своей силы.

— Мы вамъ ничего худаго не сдѣлаемъ; намъ только жаль, что вы здѣсь стоите, обратился я къ черненькой и снова замѣтилъ, что ручонка ея сосѣдки подъ ея локоткомъ задергала съ удвоеннымъ усердіемъ.

— Она не хочетъ, а я безъ нея не могу, отвѣчала краснѣя и застѣнчиво улыбаясь черненькая дѣвочка, и чуть только она произнесла эти слова, какъ безпокойная ручка, назойливо теребившая ея локотокъ, отпала и юркнула подъ мокрую черную тальму.

— Какъ вамъ не стыдно бояться!

— Я ничего не боюсь, чуть слышно прошептала задняя дѣвочка, и въ ту же секунду тронулась съ мѣста; черненькая тоже пошла съ нею и обѣ рядышкомъ онѣ вступили въ мои аппартаменты, которые, впрочемъ, выглядывали очень уютно и даже комфортно, особенно со входа съ непогожаго надворья. Впрочемъ, теперешній видъ моего жилья очень много выигрывалъ оттого,

что предупредительная Эрнестина Крестьяновна въ одну минуту развела въ каминѣ самый яркій, трескучій огонекъ.

Завидя въ передней гостей, «прислуга» моя выбѣжала уточкой и начала около нихъ кататься, стаскивая съ нихъ мокрыя тальмы и шляпы, встряхивая ихъ юбочки и обтирая ихъ козловые сапожки.

Черезъ минуту гостьи, держась рука за руку, робко вступили въ мою зальцу и, пройдя три шага отъ двери, тотчасъ сдѣлали мнѣ самый милый книксенъ.

— Пожалуйте сюда къ камину, попросилъ я ихъ въ кабинетъ.

Дѣвочки двинулись впередъ, снова держась рука за руку, и оглянувшись по новой комнатѣ, обѣ стали у огня.

— Садитесь, попросилъ я ихъ, пододвигая имъ два кресла. Дѣвочки вмѣстѣ поклонились, очень оригинально усѣлись вдвоемъ на одномъ креслѣ, расправили юбочки и сушили ножки.

— А я спасъ будить горяцій кофе давай, радостно объявила Эрнестина Крестьяновна и уплыла въ кухню.

Я сталъ себѣ свертывать папироску и молча разсматривалъ моихъ гостей. Обѣ онѣ были не дѣвочки и не дѣвушки, а среднее между тѣмъ и другимъ, какъ говорятъ—*подросточки*. Черненькой, на видъ, было лѣтъ пятнадцать и правильныя, тонкія черты ея лица обѣщали изъ нея современемъ что-то очень красивое; но это должно было случиться, когда линіи лица протянутся до назначенныхъ имъ точекъ и живыя краски юности разцвѣтятъ дѣтскую смуглость нѣжной, тонкой кожи. Другая, которая, стоя въ коридорѣ, все западала за свою подругу, была совсѣмъ въ иномъ родѣ: по росту и сложенію ей можно было дать лѣтъ тринадцать, а по лбу и бровямъ гораздо болѣе, чѣмъ ея подругѣ. Эта дѣвочка была некрасивая и никогда необѣщав-

шая быть красавицей, но вся она была какое-то счастливѣйшее сочетаніе ума, граціи и прелести. Фигурка ея была необыкновенно стройная, такая «миньйонная», волосы тонкіе, легкіе, свѣтло-пепельнаго цвѣта; носикъ строгій, губки довольно полныя; правильно заканчивающійся подбородкъ и удивительной тонкости и бѣлизны шейка, напоминающая красивую и гибкую шейку цыцарки. Но всего замѣчательнѣй въ этомъ лицѣ были глаза, эти окна души, какъ ихъ называли поэты—окна, въ которыя внутренній человѣкъ смотритъ на свѣтъ изъ своего футляра. Большіе бирюзовые глаза эти были непремѣнно очень близоруки. Это заключеніе возникало у меня вслѣдствіе того, что дѣвочка при каждомъ, относящемся къ ней вопросѣ, поворачивалась къ говорящему всѣмъ тѣломъ, выдвигала нѣсколько впередъ головку, и мило щурила свои глазки, чтобы лучше разглядѣть того, кто говорилъ съ нею. Ничего въ мірѣ нѣтъ мудренѣе и неразгаданнѣе такихъ близорукихъ глазъ. Можно подумать, что они долго глядятъ не видя ничего, кромѣ свѣта, и вдругъ сосредоточатся на чемъ нибудь одномъ, взглянутъ глубоко, и тотчасъ же спрячутся за свои таинственныя рѣсницы, точно робкія серны, убѣгающія за нагорныя сосны.

Замѣчаютъ, что большинство близорукихъ людей бываютъ очень мечтательны и что у нихъ весьма часто бываетъ сильно развита фантазія. Можетъ быть, въ этомъ замѣчаніи есть своя доля правды.

Въ то время, когда я, разсматривая моихъ гостей, предавался всѣмъ этимъ соображеніямъ, «прислуга» вошла и поставила на столъ подносъ съ тремя чашками горячаго кофе.

— Фрейлейнъ, битте зеръ тринкенъ зи шнеллеръ кафе, пригласила Эрнестина Крестьяновна.

Черненькая дѣвочка толкнула слегка локоткомъ пепельную блондинку, и обѣ ни съ мѣста.

Я всталъ и подалъ имъ кофе.

— Ахъ, поставьте, мы возьмемъ сами, отвѣчала конфузясь брюнетка.

Она встала, отряхнула начинавшія высыхать юбочки, и подойдя къ столу, кликнула: *Маньхенъ*!

— Мм! отозвалась Маньхенъ и, полуоборотясь, прищурила глазки.

— Бери же! произнесла, продолжая безпрестанно мѣняться въ лицѣ, чернушка.

Маня еще прищурилась, пока разсмотрѣла стоящій на столѣ кофе, и торопливо отвѣчала понѣмецки: Ich danke sehr, Klara; ich will nicht.

— Отчего же вы не хотите согрѣться? спросилъ я какъ съумѣлъ ласковѣе.

— Благодарю васъ, отвѣчала чистымъ русскимъ языкомъ Маня.

— Вы церемонитесь?

— Нѣтъ... я... не озябла.

— Чашка кофе все-таки вамъ не повредитъ.

Маня опять прищурила глазки, встала и, слегка покачиваясь на своихъ ножкахъ, подошла къ столику.

Теперь я разсмотрѣлъ, что платья обѣихъ дѣвушекъ были не совсѣмъ коротенькія, но на подъемѣ такъ, что всѣ ихъ полусапожки и даже съ полвершка бѣленькихъ чулочекъ были открыты. Дождь на дворѣ не прекращался; вѣтеръ сердито рвалъ въ каминной трубѣ и ударялъ въ окна цѣлыми потоками крупнаго ливня; а вдалекѣ гдѣ-то грянулъ громъ и раскатился по небу.

— Громъ! проговорила Маня.

— Да, а вы боитесь грома?

— Я?—да, я боюсь грома; а моя мама... Ида... Онѣ знаютъ, что я боюсь.

— Хотите, мы пошлемъ сказать, чтобы о васъ не безпокоились? Далеко вы живете?

— Вотъ тутъ всего черезъ двѣ линіи; тутъ магазинъ нашъ, магазинъ Норкъ.

Я отвѣчалъ, что знаю, гдѣ ихъ магазинъ.

— Но посылать, пожалуйста, не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, какъ можно! заговорила она, увидя, что я хотѣлъ повернуться къ кухнѣ.

— Нѣтъ, прошу васъ, пожалуйста, не посылайте бѣдную старушку.

Я вызвался сходить самъ.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо!

— Но ваши будутъ безпокоиться.

— Нѣтъ, пожалуйста... Они догадаются, что мы съ Кларинькой куда нибудь зашли. Теперь я вспомнила, что они подумаютъ, что мы ждемъ въ школѣ.

Сколько я ни старался уговаривать Маньхенъ, она ни за что не соглашалась ни пустить меня по дождю, ни послать «бѣдную старушку».

А погода дѣйствительно разыгралась во всю свою финскую мочь: все небо заволокло черною, свинцовою тучею; удары грома катились быстрѣе и непосредственнѣе вслѣдъ за скользившими зигзагами молніи.

— Маня, сколько здѣсь книгъ! сказала изъ угла, стоя у моего книжнаго шкафа, Кларинька.

*

Маня сощурила глазки, и держа въ зубкахъ отломленный кусочекъ сухарика, наклонила головку впередъ по голосу Клары.

— Гдѣ? спросила она очень внимательно и необыкновенно тихо.

— Вотъ цѣлый шкафъ.

Маня такъ и пошла къ шкафу съ чашкою въ рукахъ и кусочкомъ сухарика между зубками.

— Вы любите книги? спросилъ я, подходя вслѣдъ за нею къ шкафу.

— Да, я люблю, уронила она едва слышно.

— Сколько ихъ тутъ! удивлялась Клара.

Маня воззрилась въ корешки книгъ, какъ газель въ лѣсную чащу; сухарикъ такъ попрежнему оставался неразгрызенный въ ея губкахъ.

— Вы много читаете? спросилъ я Клару.

— Я? Нѣтъ; я такъ читаю... когда захочется; а она всегда читаетъ. Маньхенъ! добавила она:—посмотри, цѣлый Пушкинъ.

Маня передвинулась молча, и опять стала глядѣть въ переплеты; я не сводилъ глазъ съ ея живыхъ, то щурившихся, то широко раскрывавшихся глазъ и блѣднаго, прозрачнаго личика.

Она читала названья книгъ съ такою жадностію, какъ будто кушала какой нибудь сладкій запрещенный плодъ, и читала не одними глазами, а всѣмъ своимъ существомъ. Это видно было по ея окаменѣвшимъ ручкамъ, по ея вытянутой шейкѣ, по ея губкамъ, которыя хотя не двигались сами, но около которыхъ, подъ тонкой кожицей, что-то шевелилось какъ гусеница.

Такъ прошло семь или восемь минутъ. Маня все стояла у шкафа, и червячокъ все ворочался около ея губокъ, какъ вдругъ раздался страшный ударъ грома и съ трескомъ раскатился по небу. Маня слабо вскрикнула, быстро бросила на полъ чашку, и забывъ всякую застѣнчивость, сильно схватилась за мою руку.

Разлетѣвшаяся въ дребезги чашка и зазвенѣвшая по полу ложечка испугали ее еще болѣе.

— Идти! идти! прошептала она, схватившись въ испугѣ за мою руку, и совсѣмъ подбиваясь подъ мой локоть.

Я не могъ понять, что̀ значитъ ея *идти*, и старался какъ умѣлъ и какъ могъ ее успокоить; но она все тревожилась, вздрагивала зорко, смотрѣла впередъ, и каждый разъ крѣпче жалась ко мнѣ при всякомъ новомъ ударѣ.

— Какъ жаль, что вы такъ боитесь грома! началъ я, когда гроза утихла и небо стало понемножку свѣтлѣть и разъясниваться.

Маня молча взглянула на меня, потомъ на разбитую чашку и пролитый кофе, и опять прошептала: *идти*.

— Теперь невозможно идти.

Дѣвушка задумалась.

— Васъ вѣрно напугалъ кто-нибудь?

— Н...нѣтъ... это такъ... вліяніе...

Все существо Мани опять разомъ выразило, что ей очень тяжело отъ этого *вліянія*, и тоненькій червячокъ снова забѣгалъ подъ кожей около ея губокъ.

— Идти, заговорила она, крѣпко сжимая мою руку: — нужно скорѣе идти... идти....

Она задрожала, и жалась ко мнѣ съ выраженіемъ ужаса и какъ будто съ мольбой, чтобъ я удерживалъ ее, чтобъ не пускалъ ее куда-то *идти*.

Гроза стихла.

Я ничего не сталъ разспрашивать Маню объ этомъ, какъ она называла, «вліяніи», и какъ только немножко распогодилось, одѣлся и пошелъ проводить ихъ. Магазинъ Норкъ былъ отъ моей квартиры въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Мы всѣ втроемъ перешли это разстояніе очень скоро, и едва успѣли взяться за

дверную ручку, какъ въ магазинѣ раздался сумасшедшій крикъ, и въ одно мгновеніе, Маня совсѣмъ исчезла въ какой-то необъятной кучѣ свѣтлаго ситца. Ситецъ этотъ закутывалъ Маню, шевелился около нея, пожиралъ ее, и издавалъ слабое, почти мышиное пищаніе; а вдалекѣ, гдѣ-то комнаты за-двѣ, послышалось порывистое дерганье, какъ-будто кто-то тянулъ слабою рукою колодезный цѐборъ. Звуки эти все слышались ближе и ближе, и наконецъ, въ противоположной двери показалось высокое желѣзное кресло съ большими колесами, круглые ободы которыхъ были тщательно обмотаны зеленой суконной покромкой. На этомъ креслѣ, положа руки на ободья колесъ, сидѣла сама старость съ младенчески шаткой головой и ушедшими въ затылокъ глазами. Темный полосатенькій капотъ и бѣлый чепецъ, которымъ была покрыта подъѣхавшая фигура, слегка тряслись и дрожали. Даже пестрый шотландскій плэдъ, закрывавшій недвижимыя ноги старушки, слегка шевелился.

При появленіи этого кресла, ситецъ, поглотившій Маню, заворошился еще сильнѣе; изъ него поднялись двѣ красноватыя руки, взмахнули на воздухѣ и опять утонули въ складкахъ, а насупротивъ ихъ показалась пара другихъ, болѣе свѣжихъ рукъ, и эти тоже взмахнули и такъ же исчезли въ ситцевой пѣнѣ. Затѣмъ показалась головка Мани, а возлѣ нея, у самыхъ щокъ отцвѣтшая женская голова съ полусѣдыми локонами и гладко причесаная бѣлокурая головка дѣвушки, волоса которой громко объявляли о своемъ ближайшемъ родствѣ съ волосами Мани. Это были ея мать и сестра Ида, а въ дверяхъ на креслѣ — манина бабушка.

Мы съ дѣвочкой Кларой двое оставались сторонними зрителями этой сцены, и на насъ никто не обращалъ ровно никакого вниманія. Маню обнимали, цаловали, ощупывали ея платьице, во-

лосы, трогали ее за ручки, за шейку, ласково трепали по щечкамъ, и вообще какъ-бы старались удостовѣриться, не сонъ ли все это? не привидѣніе-ли? дѣйствительно ли это она, живая Маня съ своей маленькой и слабою плотью?

Мнѣ очень хотѣлось уйдти и не мѣшать этой семейной сценѣ, но въ то же время я чувствовалъ необходимость разсказать въ оправданіе дѣвушекъ, гдѣ онѣ были и по какому случаю попали ко мнѣ.

— Ахъ, какъ мы васъ можемъ благодарить! Я не умѣю сказать вамъ, какъ я вамъ благодарна, отвѣчала мнѣ восторженно Софья Карловна, когда Маня перешла въ объятія бабушки, а я наскоро разсказалъ кое-какъ всю эту исторію.

Софья Карловна непремѣнно просила меня остаться пить чай; она говорила, что сейчасъ будетъ ея зять, который уже цѣлый часъ рыщетъ съ своимъ знакомымъ художникомъ Истоминымъ по всему острову, отыскивая вездѣ бѣдную Маню. Я отказался отъ чаю и вышелъ.

Софья Карловна, прощаясь, взяла съ меня слово, чтобы я непремѣнно зашелъ къ нимъ и былъ бы ихъ хорошимъ знакомымъ. Я далъ такое слово и сдержалъ его, даже и во второмъ отношеніи.

IV.

На другое утро ко мнѣ зашелъ незнакомый, очень щеголевато и въ то же время очень солидно одѣтый, плотный, коротко остриженный господинъ съ здоровымъ смуглымъ лицомъ, бархатными бакенбардами и очень хорошими черными глазами. Онъ назвалъ себя Фридрихомъ Шульцемъ; сказалъ, что онъ зять мадамъ Норкъ, и что пришелъ поблагодарить меня отъ тёщи и отъ себя за вниманіе, оказанное вчера дѣтямъ. Фридрихъ Шульцъ говорилъ немного, держался съ тактомъ и вообще велъ себя человѣкомъ выдержаннымъ. Въ заключеніе своего короткаго визита онъ выразилъ надежду, что мы будемъ знакомы, и мы съ нимъ простились.

Черезъ день послѣ визита, сдѣланнаго мнѣ Шульцемъ, я отправился къ Норкамъ узнать о здоровьѣ Мани. Это было передъ вечеромъ. Маня сама отперла мнѣ двери и этимъ сдѣлала вопросъ о ея здоровьѣ почти неумѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе меня всѣ встрѣтили здѣсь очень радушно, и я очень скоро нетолько познакомился съ семействомъ Норковъ, но даже сталъ въ немъ почти своимъ, или по крайней-мѣрѣ очень близкимъ человѣкомъ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать нѣкоторое, весьма короткое, впро-

чемъ, отступленіе, для того, чтобы познакомить читателя со всѣми лицами семейства Норковъ въ ту именно пору, къ которой относится этотъ разсказъ, и при этомъ показать ихъ чистенькое жилище.

Самымъ старымъ лицомъ здѣсь была утлая бабушка Норкъ. Ей было уже восемьдесятъ-три года; она была нѣкогда и умна, и красива, и добродѣтельная; нынче она была просто развалина, но развалина весьма опрятная, необдававшая ни пылью, ни плесенью и нераздражавшая ничьего уха скрипомъ желѣзныхъ ставень, которыя во всѣхъ развалинахъ такъ безтолково двигаются изъ стороны въ стороны и несносно скрипятъ на заржавѣвшихъ крючьяхъ. У старушки Норкъ оставалось довольно ума и очень много сердца, для того, чтобы любить каждый листочикъ дерева, выросшаго изъ ея праматеринскаго лона, и между всѣми этими вѣточками и листочками, самымъ любимымъ листкомъ старушки была опять-таки та же младшая внучка, Маничка Норкъ. О Софьѣ Карловнѣ мы знаемъ достаточно, чтобы не говорить о ней въ особенности. Она осталась навсегда доброю матерью и хорошею хозяйкою, но съ лѣтами послѣ мужа значительно располнѣла; горе и заботы провели у нея по лбу двѣ глубокія морщины; а торговыя столкновенія и разсчеты пріучили ея лицо къ нѣсколько суровому, такъ-сказать, суходѣльному выраженію, которое замѣчается почти у всѣхъ женщинъ, поставленныхъ въ необходимость лично вести дѣла не женскаго хозяйства. Берта Ивановна Шульцъ была прежде всего и больше всего красавица, здоровая, свѣжая, бѣлая, роскошная, очень добрая, угодливая, вѣрная жена, страстно нѣжная мать и безцѣнная хозяйка. Лучшимъ аттестатомъ семейнымъ добродѣтелямъ Берты Ивановны былъ мужъ ея, Фридрихъ Фридриховичъ Шульцъ. Всегда практически умный, здоровый, и веселый Фридрихъ Шульцъ въ ка-

чествѣ мужа Берты Ивановны раздобрѣлъ еще болѣе; его веселый смѣхъ со времени женитьбы сталъ слышаться еще чаще и громче, а на лицѣ его явилось еще болѣе самоувѣренности. Въ этой самоувѣренности, которая лежала на лицѣ Шульца, не было, впрочемъ, ничего запосчиввго и обиднаго. Только при взглядѣ на свою жену, или при разговорѣ о ней, Фридрихъ Шульцъ примѣшивалъ къ своей безобидной самоувѣренности нѣкоторую надменность.

— Ну-ка, говорило тогда его лицо гостямъ, угощавшимся у его хлѣбосольной трапезы: — ну-ка, скажите-ка, мои голубчики, у кого изъ васъ есть такая жена?

— А ни у кого у васъ нѣтъ такой жены, да и ни у кого не можетъ быть такой жены, добавляло оно, слѣдя за плававшей лебедью Бертой Ивановной.—А вотъ посмотрите, какой еще я куплю моей Бертинькѣ домъ — такъ тоже у васъ ни у кого и дома такого никогда не будетъ.

Ссоръ и неладовъ у этого супружества никогда не бывало. Ибо если иногда Берта Ивановна, отягощаясь далеко за полночь заходившими у мужа пирушками, и говорила ему понѣмецки: «лучше бы они, Фрицъ, пораньше къ тебѣ собирались», то Фридрихъ Фридриховичъ обыкновенно отвѣчалъ на это своей женѣ порусски: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, чтобъ мы съ вами, мой другъ, какъ нибудь не поссорились!» и тѣмъ все дѣло и кончалось.

Ида Ивановна, остававшаяся до сихъ поръ дѣвушкою, была иной человѣкъ, чѣмъ ея сестра, Берта Шульцъ, и совсѣмъ иной, чѣмъ сестра ея Маня. Ида была очень недурна собой. Ростъ у нея былъ прекрасный и фигура очень стройная, такъ что глядя сзади на ея роскошныя плечи, гибкую талію и граціозную шейку, на которой была граціозно поставлена пропорціональная головка,

обремененная густѣйшими, русыми волосами, можно было держать пари, что передъ вами женщина, не разъ заставлявшая усиленно биться не одно мужское сердце; но стоило Идѣ Ивановнѣ повернуться къ вамъ своимъ милымъ и даже, пожалуй, красивымъ лицомъ, и вы сейчасъ же спѣшили взять назадъ составившееся у васъ на этотъ счетъ предположеніе. У Иды Ивановны былъ высокій, строгій профиль, почти безъ кровинки во всемъ лицѣ; открытый, благородный лобъ ея былъ просто прекрасенъ, но его ледяное спокойствіе дѣйствовало какъ-то очень странно; оно не говорило: «оставь надежду навсегда», но говорило: «прошу на благородную дистанцію!» Небольшой, тонкій носъ Иды Ивановны шелъ какъ нельзя болѣе подъ стать ея холодному лбу; широко разставленные, глубокіе сѣрые глаза смотрѣли умно и добро, но немножко иронически; а въ блѣдныхъ щекахъ и нѣсколько узенькомъ подбородкѣ было много какой-то пассивной силы, силы терпѣнія. Въ губахъ у старшей дѣвицы Норкъ, было нѣчто общее съ Манею, но это *нѣчто* и здѣсь было совершенно неуловимо Оно и здѣсь тоже совсѣмъ не принадлежало самимъ устамъ Иды Ивановны, а это именно былъ опять такой же червячокъ, который шевелился, пробѣгалъ по ея верхней губѣ и снова скрывался гдѣ-то, не то въ крови, не то въ воздухѣ.

Самыя уста Иды Ивановны были необыкновенно странны: это не были тонкія, блѣдныя губы, постоянно ропщущія на свое малокровіе; это не былъ пунсовый ротикъ, протестующій противъ спокойнаго величія стальнаго лица живыхъ особъ, напрасно носящихъ холодную маску Діаны. Уста Иды были въ мѣру живы и въ мѣру красны; но и опять вы почему-то понимали, что онѣ никогда никого не поцалуютъ инымъ поцалуемъ, какъ поцалуемъ родственной любви и дружбы. Оставивъ пансіонъ, Ида Ивановна на другой же день поставила себѣ стулъ за прилавокъ магазина, и

сдѣлалась самой усердной и самой полезной помощницей своей матери. Софья Карловна не ставила Иду Ивановну никому въ примѣръ, и даже не такъ, можетъ быть, нѣжно любила ее, какъ Маню, но за то высоко ее уважала и скоро привыкла ничего не предпринимать, и ни на что не рѣшаться безъ совѣта Иды. О томъ, что Ида Ивановна тоже дѣвушка, что она тоже можетъ кого нибудь полюбить и выйдти замужъ, въ семействѣ Норкъ, кажется, никто не подумалъ ни одного раза. Даже практическому Шульцу, относившемуся къ свояченицамъ и къ тёщѣ съ самымъ горячимъ участіемъ, и ему сдавалось, что Ида совсѣмъ что-то такое, такъ собственно и рожденное исключительно для семьи Норковъ, и имѣющее здѣсь, въ этой семьѣ, свое вѣковѣчное мѣсто. Есть такія странныя дѣвушки, такъ уже вотъ и прикрѣпленныя на всю жизнь свою къ родимой семьѣ. Такъ это на нихъ и знаменуется: взглянешь, и сейчасъ это видишь. Такихъ дѣвушекъ очень часто приходится встрѣчать въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ, и особенно много ихъ въ благовоспитанныхъ семьяхъ небогатыхъ петербургскихъ нѣмцевъ. Чуть не съ колыбели какая-то роковая судьба обрекаетъ ихъ въ хранительницъ родительской старости, да въ няньки сестриныхъ дѣтей, и этотъ оброкъ такъ вѣрно исполняется ими до гроба. Онѣ дѣлаются *крѣпкими* своему положенію, до того, что упасть, или нежножко пошатнуться, или скользнуть хотя немножечко одной ногою для нихъ ужь невозможно. Не знаю, надобно ли къ этому ужь прямо родиться, или можно себя пріучить жить для такихъ цѣлей, но знаю, что такова именно была Ида, хотя на прекрасномъ лицѣ ея и не было написано: «на вѣкъ оставь надежду». Печать иная почивала на этомъ обликѣ: вамъ ввѣрить ей хотѣлось все, что̀ вамъ мило и дорого на свѣтѣ, и ваше внутреннее чувство вамъ за нее клялось, что ни соблазнъ любовныхъ словъ, ни золото,

ни почести, ни діадема королевы врасплохъ ее застать не могутъ, и не возьмутъ ее въ осаду. Око ея было свѣтло, сердце чисто.

Въ заключеніе упомяну еще о подмастерьѣ Германѣ Верманѣ, который самъ себя не отдѣлялъ отъ семейства Норковъ, и котораго грѣхъ было бы отдѣлить отъ него въ этомъ разсказѣ.

Германъ Верманъ былъ небольшой, очень коренастый старикъ, съ угловатою головою и густыми черными, съ просѣдью волосами, которые всѣ называли *дикими*, и по которымъ Ида Ивановна самого Вермана прозвала «Соважемъ». Соважъ былъ старикъ честнѣйшій и добрѣйшій, хорошій мастеръ и хорошій пьяница. По наружности онъ болѣе былъ похожъ на француза, чѣмъ на нѣмца, а по нраву на англичанина; но въ существѣ онъ былъ все-таки нѣмецъ, и самый строгій нѣмецъ.

Жили Норки въ небольшомъ деревянномъ домѣ на углу одной изъ ближайшихъ линій и Большого проспекта, домà котораго, какъ извѣстно, имѣютъ вдоль фасадовъ довольно густые и тѣнистые садики, дѣлающіе проспектъ едва-ли не самою пріятною улицею нетолько острова, но и всего Петербурга. Въ пяти окнахъ, выходившихъ на линію, у Норковъ помѣщался магазинъ и мастерская, въ которой жилъ и работалъ съ учениками Германъ Верманъ. Жилыя комнаты (которыхъ счетомъ было четыре) всѣ выходили окнами въ густой садикъ по Большому проспекту. Здѣсь, тотчасъ влѣво изъ магазина, была большая, очень хорошо мёблированная зала, съ занавѣсками, вязанными руками Иды Ивановны, съ мёбелью, покрытою бѣлыми чехлами, и съ хорошимъ фортепьяно. Далѣе шла маленькая гостиная, для коротких друзей. Это просто былъ кусокъ спальни Софьи Карловны, отдѣленный красивыми ширмами краснаго дерева и установленный мягкою голубою мёбелью. За ширмами была сама спальня. Дру-

гія двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ, отдѣлялись отъ двухъ первыхъ широкимъ, свѣтлымъ коридоромъ. Въ углѣ коридора, совершенно въ сторонкѣ, была комната бабушки, а прямо противъ импровизированной гостиной — большая и очень хорошая комната Иды и Мани. Комната эта была ихъ спальнею, и тутъ же стояли два маленькіе письменные столика. Далѣе въ концѣ коридора, сейчасъ за комнатою дѣвицъ, была кухня, имѣвшая, посредствомъ особаго коридорчика, сообщеніе съ мастерскою, гдѣ жилъ Германъ Верманъ; а изъ кухни на дворъ шелъ особый, черный ходъ съ деревяннымъ крылечкомъ.

Квартира эта по улицѣ была въ первомъ этажѣ, но со двора подъ нею былъ еще устроенъ невысокій полуэтажъ, и какъ разъ подъ однимъ изъ оконъ дѣвицъ выходило крыльцо этого полуэтажа, покрытое широкимъ навѣсомъ изъ кровельнаго желѣза.

Жило семейство Норковъ какъ нельзя тише и скромнѣе. Кромѣ какихъ-то двухъ старушекъ и пастора Абеля, у нихъ запросто не бывалъ никто. Съ выходомъ замужъ Берты Ивановны, которая поселилась съ своимъ мужемъ черезъ два дома отъ матери, ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ сдѣлался зять. Шульцъ вмѣстѣ съ женою навѣщалъ тёщину семью аккуратно каждый вечеръ и былъ настоящимъ ихъ семьяниномъ и сыномъ Софьи Карловны. Потомъ въ домѣ ихъ, по извѣстному читателямъ случаю, появился я, и въ тотъ же день, вслѣдъ за моимъ выходомъ, Шульцъ привезъ художника Истомина.

Художникъ Романъ Прокофьевичъ Истоминъ, еще очень незадолго передъ этимъ событіемъ, выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей одною, весьма талантливою работою, давшею ему сразу имя, деньги, знакомства многихъ великихъ міра сего и расположеніе множества женщинъ. Все это, вмѣстѣ взятое, съ одной стороны дѣлало Истомина уже въ то время лицомъ до-

вольно интереснымъ, а съ другой снабжало его кучею враговъ и завистниковъ, которыхъ всегда такъ легко пріобрѣтаетъ себѣ всякое дарованіе, нетолько въ средѣ собратій по профессіи, но и вообще у всего мѣщанствующаго разума, живо чувствующаго безсиліе своей практической лошади передъ огневымъ конемъ таланта. Талантливости Истомина не отвергалъ никто, но одни находили, что талантливость эта все-таки не имѣетъ того значенія, которое придаютъ ей; другіе утверждали, что талантъ Истомина самъ по себѣ великъ, но что онъ принимаетъ ложное направленіе; что деньги и покровительства губятъ его, а въ это время Истоминъ вышелъ въ свѣтъ съ другою работою, показавшею, что талантъ его не губится ни знакомствами, ни деньгами, и его завистники обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Истомину шла удача за удачею въ жизни и необыкновенное счастье въ любви. У него бывали любовницы во всѣхъ общественныхъ слояхъ, начиная съ академическихъ натурщицъ до... ну, да до самыхъ неприступныхъ Діанъ и грандесъ, покровительствующихъ искуствамъ. Послѣднее обстоятельство имѣло на художественную натуру Истомина свое неотразимое вліяніе. Красивое, часто дышавшее истиннымъ вдохновеніемъ и страстью лицо Истомина, стало дерзкимъ, вызывающимъ и надменнымъ; на зло своимъ врагамъ и завистникамъ, онъ началъ выставлять на видъ и на показъ всѣ выгоды своего положенія — квартиру свою онъ обратилъ въ самую роскошную студію, одѣвался богато, жилъ весело, о женщинахъ говорилъ нехотя, съ гримасами, пренебрежительно и всегда цинически.

Я слышалъ объ Истоминѣ много хорошаго и еще больше худого, но самъ никогда не видалъ его. Извѣстно мнѣ было, что онъ существуетъ, что онъ едва-ли не одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ талантовъ въ академіи, что онъ идетъ въ

гору — и только. Зналъ я также, что Истоминъ состоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ Шульцемъ, а отъ Иды Ивановны слыхалъ, что Шульцъ вообще страстный охотникъ водить знакомство съ знаменитостями и потому ухаживаетъ и за Истоминымъ. — «Это ахиллесова пята нашего Фрица», шутила Ида. Только я и зналъ объ Истоминѣ. Въ домѣ Норковъ со дня своего перваго посѣщенія онъ не былъ ни разу, да и нечего было ему здѣсь и дѣлать въ этой тихой, скромнѣйшей семьѣ.

V.

Сблизясь съ семействомъ Норковъ, я, разумѣется, познакомился ближе и съ Фридрихомъ Шульцемъ. Человѣкъ этотъ, какъ я уже сказалъ выше, съ первой же встрѣчи показался мнѣ образцомъ самой хорошей порядочности, но... Богъ его знаетъ, что̀ въ немъ было такого, что̀ какъ-то не располагало къ нему и не влекло. Фридрихъ Фридриховичъ былъ и хлѣбосолъ, и человѣкъ нетолько готовый на всякую послугу, но даже напрашивавшійся на нее; онъ и патріотизму русскому льстилъ, стараясь какъ нельзя болѣе, во всемъ русить; и за дѣла его можно было только уважать его, а все-таки онъ какъ-то не располагалъ человѣка искренно въ свою пользу. Опредѣлительно въ немъ чувствовался недостатокъ простоты, благоуханно почивавшей въ воздухѣ, которымъ дышало семейство Норковъ. Зайдешь, бывало, къ Фридриху Фридриховичу — онъ встрѣчаетъ радушно: «добро пожаловать!» кричитъ, бывало, еще чуть ногу за порогъ переставишь: — «Проходите, батюшка, къ моей бабѣ, а я тутъ съ людишками поразверстаюсь», докончитъ онъ, указывая на стоящихъ артельщиковъ. Кажется, будто и чистосердечно, и привѣтливо, и просто, а чувствуешь, что нѣтъ во всемъ этомъ ни чистосердечія, ни простоты, ни привѣта. Пойдешь къ Бертѣ Ивановнѣ — та тоже встрѣтитъ съ

улыбкой, съ вѣчно одинакой, доброй улыбкой; разскажетъ, что ея Фрицъ совсѣмъ измучился; что они ѣздили вчера смотрѣть Газе, и что Газе въ Лудовикѣ, по ея мнѣнію, гораздо лучше, чѣмъ въ Кромвелѣ, а что о Раабе и о Гювартъ, право, гораздо больше говорятъ, чѣмъ они заслуживаютъ. Но и отъ этой доброй улыбки Берты Ивановны, и отъ этихъ ея разсказовъ не согрѣвается душа и не теплѣетъ на сердцѣ. Проболтаешь съ полчаса, входитъ Фридрихъ Фридриховичъ, отдуется, упадетъ съ видомъ утомленія на диванъ, и разгладивъ бархатные бакенбарды, начинаетъ: «А у меня, милостивецъ мой, опять какой мудреный крендель нынче завернулся. Гуть, прости меня Господи, съ этой ерундой съ своей не можешь никакъ себя хорошенько сообразить, а вчера только пріѣзжаю, застаю повѣстку, что молодые Коровниковы выпросили меня себѣ попечителемъ. Ну, помилуйте, скажите, что̀ это такое?! Вѣдь это же, наконецъ, наказаніе! Развѣ мало, говорю, у васъ, господа, своихъ русскихъ? — Найдется, чай, довольно охотниковъ, мильоннымъ состояніемъ опекать. — Нѣтъ, свое твердятъ: — «Мы васъ, Фридрихъ Фридриховичъ!» «Да, что̀, говорю, васъ! кислый квасъ! Что̀ такое неправда за *меня?* что̀ я, въ самомъ дѣлѣ, за такое особенное? вѣдь я, говорю, господа, нѣмецъ, шпрехензиденчъ, Иванъ Андреичъ колбасникъ! — Нѣтъ, опять свое: *вы* да *мы*, *мы* да *вы*, да и давай цаловаться. Ну, что̀ вы тутъ съ такимъ народомъ прикажете разговаривать?»

Поставитъ, бывало, Фридрихъ Фридриховичъ въ самое непріятное положеніе, такимъ, совершенно, впрочемъ, правдивѣйшимъ разсказомъ, и смотритъ въ глаза, пока ему сочинишь какую-нибудь любезность. Впрочемъ, если онъ замѣтитъ, что ужь вы очень затрудняетесь, то, не дожидаясь отвѣта, крикнетъ: «Бертинька! а ну, дай намъ, матушка, что-нибудь такое позабавиться», и изъ комнаты Берты Ивановны тотчасъ же появляется подносъ съ хо-

лодною закускою, графинчикомъ Doppel-corn, бутылкой хересу и бутылкой портеру.

— Безъ соли безъ хлѣба — худая бесѣда. Нашъ братъ, русскій человѣкъ, любитъ почàвкать, начинаетъ Фридрихъ Фридриховичъ, давая вамъ чувствовать, что когда онъ, десять минутъ назадъ, называлъ себя нѣмецкимъ человѣкомъ, то это онъ шутилъ, а что, въ самомъ-то дѣлѣ, онъ-то и есть настоящій русскій человѣкъ, и вслѣдъ за этой оговоркой, Шульцъ заводитъ за хлѣбомъ-солью бесѣду, въ которой ужь гостю приходится только молчать и слушать Фридриха Фридриховича со всяческимъ, впрочемъ, правомъ хвалить его умъ, его добродѣтель, его честность, его жену, его лошадь, его мёбель, его хлѣбъ-соль и его сигары.

У Норковъ же было совершенно иное. Проходишь, бывало, черезъ магазинъ — Ида Ивановна чаще всего стоитъ съ какимъ-нибудь покупателемъ, и продаетъ ему папиросную машинку, или салатную ложку; поклонишься проходя, какъ попало, Идѣ, она кивнетъ головою, тоже чуть замѣтно, и попрежнему ведетъ свое дѣло съ покупателемъ. Прійдешь въ залу — никого нѣтъ, но все смотритъ такъ привѣтно: и фортепьяно, и закрытая чехлами мёбель, какъ-будто говорятъ вамъ: «Здравствуйте-съ! просимъ покорно садиться». Вы и садитесь. Такъ именно было со мною въ третье посѣщеніе Норковъ. Я прошелъ мимо Иды Ивановны, стоявшей въ магазинѣ, и сѣлъ, не зная что̀ мнѣ дѣлать, но чувствуя, что мнѣ совсѣмъ здѣсь хорошо и ловко.

Черезъ двѣ или три минуты, Ида Ивановна сбыла съ рукъ покупателя, и показалась въ залѣ. Выйдя изъ магазина, она въ обѣихъ рукахъ держала по ломтю спѣлой дыни, посыпанной сахаромъ.

— Нехорошая дыня, сказала она, протягивая мнѣ ломтикъ въ своей тонкой, бѣлой рукѣ, и въ то же время сама начала другой.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, отвѣдавъ дыни.

— Водянистая; ныньче лѣто такое гадкое, всѣ фрукты какіе-то водянистые.

— А что̀ ваша сестра?

— Маня? Она все возится съ вашими книгами.

— А я ей еще принесъ.

Ида Ивановна покачала головой, и выговорила:

— Вы намъ ее совсѣмъ испортите. Подите къ ней, если хотите, въ ея комнату.

— Можно?

— Отчего же? Тамъ убрано. Я одна тутъ; мнѣ нельзя отойти отъ магазина; мамы нѣтъ дома, а бабушка ужь закатилась и спитъ.

Я поблагодарилъ и коридорчикомъ прошелъ къ комнатѣ Иды и Мани.

— Войдите, сказала Маня, когда я второй разъ постучался у ея двери.

Я засталъ Маню, сидѣвшую на окнѣ, съ котораго до половины была сдвинута синяя, тафтяная занавѣска. На колѣняхъ у Мани лежала моя книга.

— Здравствуйте! сказала она, щурясь и осторожно спуская на полъ свои крошечныя ножки. — А я такъ и думала, что это вы.

— Отчего же это вы такъ думали?

— Такъ... читала и какъ-то про васъ вспомнила, а вы и пришли. — Садитесь.

Я сѣлъ. Маня выбѣжала на минуту, и вернулась съ пепельницею, сигарою и спичками.

— Курите, сказала она, ставя передо мною спички и подавая мнѣ сигару.

Я поблагодарилъ.

— Это фрицева сигара: — онъ всегда хорошія сигары куритъ; вы попробуйте.

Я взялъ сигару и закурилъ: сигара точно оказалась очень хорошею.

— Довольны вы книгою? началъ я, чтобы съ чего-нибудь начать.

— Да, отвѣчала торопливо Маня.—Это такъ порусски; такое... дѣйствительное.

— Вы любите болѣе дѣйствительное?

Дѣвушка задумалась.

— Я много читала, начала она тихо: — но вы меня не разспрашивайте. Я все читаю. Это вотъ хорошая книга, продолжала она, указывая на мой томикъ «Записокъ охотника»: — нравится мнѣ, а я не могу разсказать, почему... Такъ какое-то вліяніе такое... Жаль прочесть скоро. А другія книги читаешь... даже спѣшишь. Такъ читаешь... Маня махнула ручкой.

— Безъ вліянія?

Дѣвушка смотрѣла на меня долго, и пожавъ плечиками, сказала: «Я не знаю, право, какое жь другое слово?»

Мнѣ стало стыдно своей попытки слегка подтрунить надъ Маней.

— Видите, говорила она, робѣя и потупляя глазки: — Шиллера, Гёте, Ауэрбаха — все это я брала у Фрица; все кое-какъ знаю; и еще разныя тамъ книги у него брала... а это новое совсѣмъ, и такое понятное... какъ самой будто все это хочется почувствовать: вѣдь это жь вліяніе значитъ?

— Вы знаете, говорила она мнѣ, прощаясь: — вы не думайте, что мои родные, въ самомъ дѣлѣ, сердятся, что я читаю книги. Фрицъ сказалъ, что ваши книги мнѣ всегда можно читать, и мама мнѣ тоже позволила.

— Очень радъ, отвѣчалъ я, и ушелъ, пожавъ ея ручку.

Фридрихъ Фридриховичъ, значитъ, ко мнѣ благоволилъ, и я далъ себѣ слово дорожить этимъ благоволеніемъ для Мани.

Такъ прошло нашему знакомству, надо полагать, мѣсяца три или четыре. Въ это время я познакомился у Шульца съ нѣсколькими знаменитостями, впрочемъ, не первой руки — и между прочимъ, съ Романомъ Прокофьевичемъ Истоминымъ. При всѣхъ предубѣжденіяхъ противъ этого человѣка, онъ мнѣ очень понравился. Кромѣ таланта, выразительной наружности, и довольно рѣдкой въ русскомъ художническомъ кружкѣ образованности, къ нему влекла его хорошая, страстная рѣчь, гордое пренебреженіе къ врагамъ и завистникамъ, и смѣлая, твердая рѣшимость, соединенная (когда онъ хотѣлъ этого) съ утонченнѣйшею мягкостью и теплотою обращенія. Я на Романа Прокофьича тоже, кажется, произвелъ впечатлѣніе довольно выгодное, и со второго или съ третьяго свиданія, мы стали держать себя по отношенію другъ къ другу добрыми пріятелями. Это еще не рѣшено, да и врядъ-ли это когда-нибудь будетъ рѣшено, почему съ однимъ человѣкомъ почти ни съ того, ни съ сего, легко сходишься, самъ того не замѣчая, а съ другимъ ни отъ того, ни отъ сего, при всѣхъ усиліяхъ сойтись, никакъ не сойдешься. Почти совершенно другъ друга путемъ не зная и не вѣдая, сошлись мы съ Романомъ Прокофьичемъ такъ, что вдругъ очутились на одной квартирѣ. Онъ, напалъ случайно очень хорошій бельэтажъ небольшого домика; въ этомъ бельэтажѣ приходилось по три одинокихъ комнаты: со сторонъ и посерединѣ необыкновенно изящный круглый залъ, оклеенный темносиними парижскими обоями съ широкимъ золотымъ карнизомъ. Я взялъ себѣ три комнатки налѣво, а Романъ Прокофьичъ три комнаты направо, да этотъ очаровательный залъ подъ мастерскую. Дверь изъ залы на мою половину заперли, завѣсили синимъ сукномъ, и зажили мы съ Истоминымъ, сходясь часто, но никогда не мѣшая

другъ другу не во время. Ко всему этому для меня было большою находкой, что Истоминъ часто, и не заходя ко мнѣ изъ-за своей стѣны, разсѣевалъ налегавшую на меня тоску одиночества музыкою, которую онъ очень любилъ, и въ которой зналъ толкъ, хотя никогда ею не занимался путемъ, а игралъ на своемъ маленькомъ, звучномъ піанино такъ, самъ для себя, и самъ для себя пѣлъ очень недурно, даже довольно трудныя вещи.

Живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ я, противъ всякаго желанія, убѣдился, что Истоминъ дѣйствительно былъ женскимъ кумиромъ. Минуту, кажется, трудно было улучить такую, когда бъ у него не была въ гостяхъ какая-нибудь женщина, и все это были женщины комильфотныя — «дамы сильныхъ страстей и густыхъ вуалей». Невольно слыхалъ я изъ-за моихъ дверей и нѣжныя ласки, и страстные, кровь кипятящіе вздохи, и бѣшеные взрывы ревности, и опасенія, и страхи, и тѣ ехидныя слова, которыми страсть оправдываетъ себя передъ разсудкомъ, и привыкъ я ко всему этому очень скоро и на все это не обращалъ давно никакого вниманія.

— Я очень часто слышу, любезный Истоминъ, что̀ говорятъ ваши дамы, разъ или два намекалъ я моему сосѣду.

— Нельзя же, голубчикъ, безъ этого—надо же имъ гдѣ нибудь и поговорить, отвѣчалъ онъ мнѣ, словно не понимая моего намека.

Такъ мы и жили. Къ намъ обоимъ заходилъ иногда Фрицъ Фрицовичъ (такъ звалъ Шульца Истоминъ), и мы частенько навѣщали Фрица Фрицовича. Навѣщая насъ, бездомовниковъ, Фридрихъ Фридриховичъ являлся человѣкомъ самымъ простодушнымъ и безпретендательнымъ: все ему, бывало, хорошо, что̀ ни подашь; все ловко, гдѣ его ни посадишь. Зайдя же ко мнѣ второй разъ, онъ прямо спросилъ: а не пьютъ ли у васъ въ деревнѣ въ это время водки?

— Извините, говорю, Фридрихъ Фридриховичъ, водка есть, но закусить, кажется, нечѣмъ.

— Ну, что тамъ, отвѣчаетъ, за закуска еще; истинные таланты не закусываютъ. А вы вотъ, говоритъ, поакомпанируйте-ка!

Я опять извиняюсь; говорю: рано, не могу утромъ пить.

— Ну, да я впрочемъ солистъ, отвѣчалъ Шульцъ, и спокойно выпилъ вторую рюмку. Таковъ онъ былъ, и всегда, и во всемъ, и я, и Истоминъ держались съ нимъ безъ всякой церемоніи. Къ Норкамъ Истоминъ не ходилъ и не тянуло его туда. Только нужно же было случиться такому грѣху, что попалъ онъ наконецъ въ эту семью, и что на общее горе-злосчастіе его туда потянуло.—Объ этомъ теперь и наступаетъ повѣствованіе.

VI.

Разъ, вскорѣ какъ стала зима, сижу я у себя и работаю. Вдругъ этакъ часу въ первомъ слышу звонокъ. Является моя «прислуга» и шепчетъ: «тамъ одинъ какой-то дама васъ спрасивать». Выхожу я — смотрю, Ида Ивановна сидитъ на диванѣ и улыбается, а возлѣ нея картонный ящикъ и большущій свертокъ въ толстой синей бумагѣ.

— Здравствуйте! говоритъ Ида Ивановна:—устала я до смерти.

— Кофе, говорю, чашечку хотите?

— А крѣпкій, спрашиваетъ, у васъ кофе варятъ?

— Какой хотите сварятъ.

— Ну, такъ дайте; только самаго крѣпкаго.

«Прислуга» моя захлопотала.

— А вѣдь я къ вамъ это какъ попала? начала съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ Ида Ивановна.—Я вотъ контрабанды накупила и боюсь нести домой, чтобъ не попасться съ нею кому не слѣдуетъ. Къ Бертѣ зайдти еще пуще боюсь, чтобы не встрѣтиться.—Пусть это все у васъ полежитъ

— Извольте, говорю — съ радостью.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это не то что̀ контрабанда, а разныя, знаете, такія финти-фанты, которыя надо сберечь, чтобъ

ихъ пока не увидали дома. Дайте-ка мнѣ какой-нибудь ящикъ въ вашемъ комодѣ; я сама все это хорошенько уложу своими руками, а то вы все перемнете.

Я очистилъ ящикъ; Ида Ивановна все въ него бережненько посложила.

— Вы знаете, что̀ это такое? начала она, садясь за кофе.— Это здѣсь платьице, мантилька и разныя такія вещицы для Мани. Вѣдь черезъ четыре дня ея рожденіе; ей шестнадцать лѣтъ будетъ—первое совершеннолѣтіе; ну, такъ мы всѣ готовимъ ей сюрпризы и я не хочу, чтобы кто нибудь зналъ о моемъ подаркѣ. Я нарочно даже чужой модисткѣ заказывала. Вы тоже, смотрите, пожалуйста, не проговоритесь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!

— То-то: зачѣмъ! Это всегда такъ не зачѣмъ дѣлается.—Я тогда утромъ пришлю дѣвушку, вы ей все это и отдайте.

— Хорошо-съ, говорю, Ида Ивановна, и тотчасъ, какъ проводилъ ее за двери, отправился на Невскій, взялъ новое изданіе Пушкина и отдалъ его Миллеру переплесть въ голубой атласъ со всякими приличными украшеніями и съ вытѣсненнымъ именемъ Маріи Норкъ.

Вечеромъ въ тотъ же день я зашелъ къ Норкамъ и засталъ въ магазинѣ одну Иду Ивановну.

— Послушайте-ка! позвала она меня къ себѣ:—вотъ умора-то! Бабушка посылала Вермана купить канарейку съ клѣткой, и этотъ Соважъ таки-протащилъ ей эту клѣтку такъ, что никто ея не видалъ: бабушка теперь ни одной души не пускаетъ къ себѣ въ комнату, а канарейка трещитъ на весь домъ и Манька-плутовка догадывается, на что эта канарейка.—Преуморительно!

— Да чего это, говорю, вы, Ида Ивановна, такъ ужь очень со всѣмъ этимъ секретничаете?

— Ахъ, какъ же! Вѣдь ужь если все это дѣлать, то надо сюрпризомъ! Неужто-жь вы не понимаете, что это сюрпризомъ надо?

При всемъ желаніи Иды Ивановны ничѣмъ не нарушать обыденный порядокъ, весь домъ Норковъ точно приготовлялся къ какому-то торжественному священнодѣйствію. Маня замѣчала это, но дѣлала видъ, что ничего не понимаетъ, краснѣла, тупила въ землю глаза и безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ.

Наступилъ наконецъ и долгожданный день совершеннолѣтія. Дѣвушка Иды Ивановны ранехонько явилась ко мнѣ, за оставленными вещами; я отдалъ ихъ и побѣжалъ за своимъ Пушкинымъ. Книги были сдѣланы. Часовъ въ десять я вернулся домой, чтобы переодѣться и идти къ Норкамъ. Когда я былъ уже почти совсѣмъ готовъ, ко мнѣ зашелъ Шульцъ. Въ рукахъ у него была длинная цилиндрическая картонка и небольшой свертокъ.

— Посмотрите-ка, отецъ родной! сказалъ онъ, вытаскивая изъ картонки огромную соболью муфту съ бѣлымъ атласнымъ подбоемъ и большими шелковыми кистями.

— Прелесть, произнесъ я, погладивъ рукою муфту.

Фридрихъ Фридриховичъ подулъ противъ шерсти на то мѣсто, гдѣ прошла моя рука, и, встряхнувъ муфту, опустилъ ее снова въ картонку.

— А эта-съ штукенція? запыталъ онъ, раскатавъ дорогой соболій же воротникъ, совсѣмъ ужь готовый и настеганный на шелковую подкладку.

— Хорошо.

— Оцѣните?

— Рублей триста.

— Пятьсотъ!

— Очень хорошо.

— А Бертинька повезла этакую бархатную, нынѣшнюю шубку на гагачьемъ пуху; знаете, какія ныньче дѣлаютъ, съ этакой кружевной пелериной. Понимаете, ее и осенью можно носить съ кружевомъ, и зимой: пристегнула вотъ этотъ воротничишко—вотъ и зимняя вещь. Хитра голь на выдумки; правда? воскликнулъ онъ, самодовольно улыбнувшись и ударивъ меня фамильярно по плечу.

— Да это все кому же?

— Да Манькѣ же, Манькѣ! Шульцъ перемѣнилъ голосъ и вдругъ заговорилъ тономъ особенно мягкимъ и серьёзнымъ:—вѣдь, что жь, правду сказать, нужно, въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится, соблюдать не одну же форменность.

Гдѣ это, и при какихъ это случаяхъ *говорится*, что «нужно соблюдать не одну форменность» — это осталось секретомъ Фридриха Фридриховича. Онъ очевидно цацкался передо мною съ своими дорогими подарками и, попросивъ меня одѣваться поскорѣе, понесъ свои коробки къ Истомину.

Черезъ пять или десять минутъ я засталъ ихъ съ Истоминымъ, разсуждавшихъ о чемъ-то необыкновенно весело. Рядомъ съ муфтою Мани, на диванѣ лежала другая муфта, нѣсколько поношенная, но несравненно болѣе дорогая и роскошная.

— Эта, ваше степенство, не по нашимъ капиталамъ, говорилъ Фридрихъ Фридриховичъ, выводя пальцемъ эсы по чужой муфтѣ, которая видимо сбила съ него изрядную долю самообожанія. — Какія ручки, однако, должны носить эту муфту?

— Ручки весьма изрядныя, отвѣчалъ, тщательно повязывая передъ зеркаломъ галстухъ, Истоминъ.—На счетъ этихъ ручекъ есть даже нѣкоторый анекдотъ, добавилъ онъ, повернувшись къ Шульцу.—У этой барыни мужъ дорогого стоитъ. У него руки совсѣмъ мацерованныя: по двадцати разъ въ день ихъ моетъ;

самъ ни за что почти не берется, руки никому не подаетъ безъ перчатки, и увѣряетъ всѣхъ, что и жена его не можетъ дотронуться ни до чьей руки.

Фридрихъ Фридриховичъ вдругъ такъ и залился счастливѣйшимъ смѣхомъ.

— Ну, что жь, онъ вѣдь и правъ! Мужъ-то, я говорю, онъ вѣдь и правъ! взвизгивалъ Фридрихъ Фридриховичъ.—Она вѣдь *за руки* только не можетъ трогаться.

Я видѣлъ въ зеркало, какъ Истоминъ, снова взявшійся за свой галстухъ, тоже самодовольно улыбнулся.

— Понюхайте-ка, сказалъ, завидя меня и поднимая муфту Фридрихъ Фридриховичъ:—чѣмъ, сударь, это пахнетъ?

Не понимая, въ чемъ дѣло, я поднесъ муфту къ лицу. Она пахла тѣми тонкими англійскими духами, которые, по словамъ одной моей знакомой дамы, сообщаютъ всему *запахъ счастья*.

— Счастьемъ пахнетъ, отвѣчалъ я, кладя на столъ муфту.

— Да-съ, вотъ какія у Романа Прокофьича бываютъ гостьи, что все отъ нихъ счастьемъ пахнетъ.—Шульцъ опять расхохотался.

— А позвольте-ка, господа, лучше прибрать это счастье къ мѣсту, проговорилъ Истоминъ:—сравнили, и будетъ ею любоваться, а то чего добраго... ее тоже, пожалуй, кое-кто знаетъ.

— Ну-съ! такъ во походъ пошли гусары? спросилъ Шульцъ, видя, что Истоминъ совсѣмъ готовъ.

Я взялъ мою шляпу и мои книги, обернутыя яркою цвѣтною бумагою.

— Тоже подарокъ? спросилъ Шульцъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

Истоминъ остановился посреди комнаты.

— Что жь это, господа? заговорилъ онъ.—Вѣдь это ужь нехорошо: всѣ вы съ подарками, а я съ пустыми руками.

— Ну, ничего! что̀ тамъ еще за подарки! Вы нечаянный гость; я скажу, что утащилъ васъ насильно, убѣждалъ его Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да! да позвольте-ка-съ еще! У меня и у самого сейчасъ найдется для нея подарокъ, воскликнулъ Романъ Прокофьичъ, и торопливо вытащивъ изъ-за мольберта одинъ изъ стоявшихъ тамъ запыленныхъ картоновъ, вырѣзалъ изъ него прихотливый, неправильный овалъ, обернулъ этотъ кусокъ бумагою, и мы вышли. Не знаю почему, но мнѣ было ужасно непріятно, что Истоминъ, послѣ этого циническаго разговора о дамской муфтѣ, идетъ въ домъ Норковъ, да еще вмѣстѣ съ нами, и въ этотъ святой для цѣлаго семейства день совершеннолѣтія Мани. Тѣмъ, кто знакомъ съ предчувствіями, я могу сказать, что у меня были самыя гадкія предчувствія, и они усилились еще болѣе, когда передъ нами отворилась дверь въ залу и отъ стѣны, у которой стояло бабушкино кресло и сидѣло нѣсколько родныхъ и стороннихъ особъ, отдѣлилась на встрѣчу намъ фигура Мани, бѣленькая и легонькая, какъ морская пѣна.

Я никогда не забуду всѣхъ мельчайшихъ подробностей здѣшней картины, навсегда запечатлѣвшейся въ моей памяти.

Вся зала была обновлена въ это самое утро. Обновленіе ея состояло въ томъ, что на окнахъ были повѣшены новыя занавѣсы; съ фортепьяно была снята клеенка, бронзовые канделябры были освобождены изъ окутывавшей ихъ цѣлый годъ кисеи и обитые голубымъ рисомъ стулья и кресла нескромно сбросили съ себя свои коленкоровыя сорочки. Кромѣ того, почти во всю залу (она же и гостиная) былъ разостланъ огромный англійскій коверъ, принесенный съ собою въ приданое еще бабушкой. Вдоль одной стѣны, прямо противъ двери, на своемъ подвижномъ креслѣ, сидѣла сама бабушка. Старушка была одѣта въ бѣломъ пи-

кейномъ капотѣ, съ множествомъ кружевныхъ обшивокъ и кругленькими, похожими на горошенки, бѣленькими же пуговками. На старческой головѣ бабушки былъ высокій полуфламандскій чепчикъ съ туго накрахмаленными оборками и полосатыми лентами, желтой и ранжевой. Рядомъ съ кресломъ старушки, въ другомъ креслѣ, помѣщался пасторъ Абель въ длинномъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ. Возлѣ пастора сидѣла мадамъ Норкъ, тоже въ бѣломъ платьѣ и съ натуральными сѣдыми буклями; у плеча мадамъ Норкъ стоялъ Германъ Верманъ, умытый, вычищенный и долго чесавшійся, но непричесаный, потому что его «дикіе» волосы ни зачто не хотѣли ложиться и топорщились, по обыкновенію, во всѣ стороны. На Германѣ Верманѣ былъ свѣтло-коричневый фракъ, бѣлый жилетъ, очень кургузые синіе панталоны и красный галстухъ, едва схватывавшій огромнѣйшіе тугіе полисоны немилосердно накрахмаленной манишки. Далѣе сидѣла Ида Ивановна, Берта Шульцъ, булочница Шперлингъ и ея дочь, наша старая знакомая, подруга Мани, Клара Шперлингъ. Кромѣ пастора и Вермана, всѣ рѣшительно были одѣты во все бѣлое, а черненькая Клара Шперлингъ смотрѣла настоящей мухой въ сметанѣ.

Маня стояла между бабушкой и пасторомъ, который говорилъ ей что-то такое, что̀ дѣвушку видимо приводило въ состояніе нѣкоторой ажитаціи, а у ея старой бабушки выдавливало слезы.

При нашемъ появленіи въ дверяхъ, пасторъ и бабушка разомъ освободили ручки Мани, и дѣвушка, заколыхавшись какъ кусокъ бѣлой пѣны, вышла на встрѣчу намъ на середину комнаты.

Далѣе Шульцъ не пустилъ ее. Онъ поднялъ торжественно передъ собою ладонь и далъ почувствовать, что сейчасъ начнется что-то такое, требующее благоговѣйшей тишины и вниманія.

Съ этимъ онъ кашлянулъ, поднялъ на Маню самый офиціальный взглядъ и произнесъ:

— Сестра!

— Тсс! пронеслось по залѣ, хотя, впрочемъ, и безъ того никто ни нарушалъ ни малѣйшей тишины.

— Привѣтствую тебя въ этотъ торжественный день твоей жизни! началъ Шульцъ тономъ и дикціею проповѣдника.—Привѣтствую тебя некакъ ребёнка, а какъ женщину—какъ человѣка, который отнынѣ получаетъ въ обществѣ свои права и принимаетъ свои обязанности передъ семьей и передъ обществомъ. Дай Богъ... (пасторъ, а за нимъ и всѣ присутствующіе при словѣ «Богъ» поднялись съ мѣстъ и стали. Шульцъ продолжалъ еще торжественнѣй...) Дай Богъ, повторяю я, преданнѣйшій слуга и братъ твой, усердно моля за тебя, умершаго на крестѣ Спасителя, чтобы всѣ великія и святыя обязанности женщины стали для тебя ясны, какъ ясно это солнце, освѣщающее дорогой для всѣхъ насъ день твоего совершеннолѣтія (солнце ярко и весело смотрѣло въ окна черезъ невысокія деревья палисадника). Дай Богъ, чтобы зло и неправда человѣческая бѣжали отъ тебя, какъ тьма бѣжитъ отъ лучей этого солнца! Honestus rumor alterum patrimonium est, говоритъ мудрая латинская пословица, то-есть: хорошая репутація замѣняетъ наслѣдство; а потому болѣе всего желаю тебѣ, чтобы въ твоемъ лицѣ и мы, и всѣ, кто тебя встрѣтитъ въ жизни, видѣли повтореніе добродѣтелей твоей высокопочтенной бабушки, твоего честнаго отца, душа котораго теперь присутствуетъ здѣсь съ нами (Софья Карловна заморгала глазами и заплакала), твоей матери, взлелѣявшей и воспитавшей своими неусыпными трудами, и тебя и сестеръ твоихъ, изъ которыхъ одной я обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ! (Берта Ивановна заплакала; Шульцъ подошелъ, поцаловалъ руку жены, тоже отеръ слезу и закончилъ). Дѣвица

Марія Норкъ! дорогая, новорожденная сестра наша, прими наше братское привѣтствіе и осчастливь себя и насъ воспитаніемъ въ себѣ тѣхъ высокихъ качествъ, которыхъ мы въ правѣ ждать отъ твоего прекраснаго сердца.

Произнеся эту, всеконечно заранѣе обдуманную рѣчь, Фридрихъ Шульцъ вдругъ сталъ на колѣни, взялъ Маню за обѣ руки, и сильно растроганнымъ голосомъ, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ дрожали искреннія слезы,проговорилъ: Матушка! Машуточка! утѣшь-оправдай на себѣ нашу родную, русскую пословицу, что «отъ яблонки яблочко недалеко катится»!

Шульцъ взялъ и поклонился Мани въ ноги, вѣско ударивъ лбомъ объ полъ.

Маня быстро опустилась, схватила зятя за плечи, и оба вмѣстѣ поднялись на ноги.

Фридрихъ Фридриховичъ поцаловалъ ее въ губы, и потомъ еще разъ поцаловалъ одну за другою обѣ ея руки.

Я подошелъ и въ замѣшательствѣ тоже поцаловалъ манину руку. Маня, у которой глаза давно были полны слезъ, смѣшалась еще болѣе, и рука ея дрогнула. За мною въ ту же минуту подошелъ къ ней Истоминъ, сказалъ что-то весьма почтительное, и смѣло взялъ и также поцаловалъ руку Мани. Дѣвушка совсѣмъ переконфузилась и пошатнулась на мѣстѣ.

На ея счастье, Шульцъ, который въ это время успѣлъ уже обмахнуть голубымъ фуляромъ свои панталоны и лацканы фрака, сказалъ:

— Позволь, матушка, отдать тебѣ на память объ этомъ днѣ вотъ эти бездѣлушки.

Онъ вынулъ муфту и воротникъ и, подавая ихъ Мани, добавилъ:

— Пусть это будетъ дополненіемъ къ подарку сестры твоей, Берты.

— На что такъ много? заговорила Маня, потерянно глядя во всѣ стороны и прикладывая къ пылающимъ щекамъ свои ручки.

— Марья Ивановна! позвольте мнѣ просить васъ принять и отъ меня на память вотъ это — сказалъ я, подавая ей пять томовъ Пушкина.

Маня прищурила глазки, взглянула на переплетъ, протянула мнѣ обѣ ручки и отвѣчала:

— Благодарю васъ: я возьму.

— А я, Марья Ивановна, не зналъ, что сегодня день вашего рожденія и что я васъ увижу нынче, началъ Истоминъ. — Я принесъ вамъ тò, чтò у меня было дома, и вы тоже будете такъ снисходительны — возьмете это отъ меня на память о моемъ знакомствѣ съ вами и о вашемъ совершеннолѣтіи.

Истоминъ сбросилъ съ картона бумагу, и подалъ его Мани; та взглянула, и зардѣлась.

Всѣ мы подошли къ картону и всѣ остановились въ изумленіи и восторгѣ. Это былъ кусокъ прелестнѣйшаго этюда, приготовленнаго Истоминымъ для своей новой картины, о которой уже многіе знали и говорили, но которой до сихъ поръ никто не видалъ, потому что при каждомъ появленіи посѣтителей, допускавшихся въ мастерскую художника, его мольбертъ съ подмалеваннымъ холстомъ упорно поворачивался къ стѣнѣ.

На поднесенномъ Мани кускѣ картона, величиною болѣе полуаршина, была молодая русалка, въ первый разъ всплывшая надъ водою. Этюдъ былъ писанъ въ три тона. Русалка, впервые вынырнувшая со дна рѣчки, прыгнула на сонный берегъ, гдѣ дикій тминъ ростетъ, и гдѣ цвѣтутъ, качаяся, фіалки возлѣ буквицъ. Вся она была цѣломудренно закрыта тминомъ, сквозь стебли котораго только кое-гдѣ, чуть-чуть очерчивались свѣжіе контуры ея тѣла. Одна голова съ плечами любопытно выставлялась впередъ и внимательно смотрѣла удивленными очами на невѣдомый

для нея надводный міръ. Никакое другое искуство, кромѣ живописи, не могло такъ выразить всего, что̀ выражала эта восхитительная головка. Любопытство, ужасъ, восторгъ и болѣзненная тревога — все это разомъ выступало на этихъ сломаныхъ бровкахъ, полуоткрытомъ ротикѣ, прищуренныхъ глазкахъ и поблѣднѣвшихъ щекахъ. Но всего болѣе поразило всѣхъ въ этой головкѣ какое-то странное, наводящее ужасъ сходство русалки съ Манею. Это не былъ вѣрный голбейновскій портретъ и не эфектная головка Грёза: это было что-то такое... какъ-бы случайное сходство, какъ-бы портретъ съ двойника, или какъ будто это она, Маня, но въ лунатизмѣ, что-ли, или въ какомъ-то непонятномъ для насъ восторженномъ состояніи.

— Она впервые видитъ свѣтъ. По миѳологіи, у нихъ тоже есть совершеннолѣтіе, до котораго молодая русалка не можетъ всплыть надъ водою, началъ мягко и пріятно разсказывать Истоминъ. — Это очень поэтическій, славянскій миѳъ. Вообразите себѣ, что она, до извѣстныхъ тамъ лѣтъ своей жизни, жила въ кристальныхъ палатахъ на днѣ рѣки; слыхала тамъ о корабляхъ, о буряхъ, о людяхъ, о ихъ любви, ненависти, о горѣ. Она плавала въ глубинѣ, видала, какъ въ воду опускается столбъ луннаго свѣта, слышала на берегахъ шумъ другой жизни; надъ головою ея пробѣгали корабли, отрѣзавшіе лунный свѣтъ отъ дна рѣчнаго; но она ничего, рѣшительно ничего не видала, кромѣ того, что̀ тамъ есть у нихъ подъ водою. Она знаетъ, что ея мать когда-то утонула оттого, что былъ когда-то человѣкъ, который любилъ ее, потомъ разлюбилъ, «покинулъ и на женщинѣ женился»; но ка̀къ все это тамъ? что̀ тамъ такое? какіе это живые люди? ка̀къ тамъ надъ водою дышатъ? ка̀къ любятъ и покидаютъ?—все это ей совершенно непонятно. И вотъ ея совершеннолѣтіе исполнилось; здѣсь вы видите, какъ она только

что всплыла; надводный воздухъ остро рѣжетъ ея непривычное тѣло, и въ груди ей больно отъ этого воздуха, а между тѣмъ все, что̀ передъ нею открылось, поражаетъ ее; вдругъ все это, что̀ понималось смутно, уясняется; все начинаетъ ей говорить своимъ языкомъ, и она... Видите... Здѣсь на этомъ кускѣ, впровемъ, нѣтъ этого, а тамъ—на цѣлой картинѣ, тутъ влѣво рѣзсятся другія русалки хохотуши, щекотуши — всѣ молодыя, красивыя... Одна изъ нихъ слышитъ, что

Птичка подъ кустами
Встрепенулася во млѣ;

Другая шепчетъ:

Между мѣсяцемъ и нами,
Кто-то ходитъ по землѣ.

— А эта вся... одна, закрывшись дикимъ тминомъ, въ сто глазъ и столько же ушей все слушаетъ, все видитъ; и не птичка, нетотъ, кто ходитъ гдѣ-то по землѣ, а *все*, *все разомъ* оковало ее, и вотъ она, вы видите, какая! Не знаю, впрочемъ, съумѣлъ ли я хоть плохо передать холсту, что̀ думалъ, и что̀ хотѣлось бы сказать этой картиной чувству, докончилъ тихо Истоминъ, осторожно поставивъ картонъ на свободное кресло.

Истоминъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Еслибы здѣсь было нѣсколько женщинъ, впечатлительныхъ и способныхъ увлекаться, мнѣ кажется, онѣ всѣ вдругъ полюбили бы его. Это былъ художникъ-творецъ въ самомъ обаятельномъ значеніи этого слова. Фридрихъ Фридриховичъ, глядя на него, пришелъ въ неподдѣльный, художественный восторгъ. Онъ схватилъ обѣ руки Истомина, сжалъ ихъ, и глядя ему въ глаза, проговорилъ съ жаромъ:

— Вы будете велики! Вы будете нашею гордостью; вы будете славою русскаго искуства!

Истоминъ покраснѣлъ, обнялъ Шульца и торопливо отошелъ

къ окошку, и — чудо чудное! на глазахъ его вдругъ мелькнули нервныя слезы.

— Чортъ его знаетъ, до чего онъ становился прекрасенъ въ этомъ разстройствѣ!

Я подошелъ къ окну и сталъ рядомъ съ Истоминымъ.

— Дьяволъ бы совсѣмъ взялъ эту глупость! началъ онъ мнѣ на ухо, стараясь въ то же время сморгнуть и утереть свою слезу.— Выдумать еще надо что-нибудь глупѣе, какъ прійдти на семейный праздникъ, для того чтобы поздравить дѣвушку и вдругъ самому напроситься на общее вниманіе!

Истоминъ нетерпѣливо дернулъ зубами уголокъ своего платка, и сунулъ его сердито въ карманъ фрака.

Онъ былъ совершенно правъ. О Манѣ и ея празднествѣ совершенно забыли. Всѣ столпились около этюда, который теперь держалъ въ рукахъ пасторъ Абель. Даже старушка-бабушка взялась руками за колеса своего кресла и поѣхала, чтобы соединиться съ прочими у картины. Пасторъ Абель держалъ картину въ одной лѣвой рукѣ и, сильно откинувшись головою назадъ, разсматривалъ ее съ чинной улыбкой аугсбургскаго исповѣданія; всѣ другіе жались около пасторовыхъ плечъ, а выѣхавшая бабушка зазирала съ боку. Однако, старушкѣ было очень хорошо видно картину, потому что она первая заговорила: «aber warum?... какъ она совсѣмъ выглядитъ похожа на Маньхенъ!»

Всѣ въ одну минуту оглянулись на Маню, которая стояла на своемъ прежнемъ мѣстѣ и смотрѣла на Истомина, вытягивая впередъ голову, точно хотѣла сейчасъ тронуться и подбѣжать къ нему.

— Есть сходство, произнесъ съ достоинствомъ пасторъ.

— Совсѣмъ Маня! подтвердила съ восклицаніемъ Ида Ивановна.

— Романъ Прокофьичъ! Зачѣмъ это такое сходство? Вѣдь это

не нарочно писано; я самъ видѣлъ, какъ вы вырѣзали этотъ кусокъ изъ цѣлаго картона, заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Истоминъ обернулся, закинувъ назадъ разсыпавшіеся черные кудри, и дѣлая шагъ къ сгруппировавшейся семьѣ, сказалъ.

— Это?... это художественная вольность, которую вы должны простить мнѣ и которую никто не въ правѣ поставить намъ ни въ судъ, ни въ осужденіе. Фантазія сама по себѣ все-таки фантазія человѣческая; она слаба и ничтожна передъ осуществленною фантазіею природы, передъ натурою. Я очень долго бился съ этой головкой, и она мнѣ все не удавалась. Для такихъ лицъ нѣтъ много натурщицъ. Наши натурщицы все слишкомъ обыкновенныя лица, а остановить первую встрѣчную женщину, которая подходитъ подъ вашъ образъ, слишкомъ романтично и ни одна не пойдетъ. На столько нѣтъ ни въ комъ сочувствія къ искуству. Въ тотъ именно день, когда, помните, Марья Ивановна въ бурю долго не приходила домой и когда мы ее искали, я въ первый разъ увидѣлъ ея головку и... это была именно та головка, которой мнѣ недоставало для картины.

— Зачѣмъ же вы ее, мой голубчикъ, вырѣзали-то? говорилъ съ добродушнымъ упрекомъ Фридрихъ Фридриховичъ.

— А что-съ?

— Да вѣдь она жь нужна вамъ.

— Я теперь сто разъ къ ряду нарисую вамъ ее на память, отвѣчалъ небрежно Истоминъ.

— Только она, что-то, знаете какъ будто... измѣнена въ чемъ-то.

— Да, выраженіе, конечно... Это дѣлаетъ масса новыхъ впечатлѣній, которыя охватываютъ ее... Это такъ и нужно.

— И есть что-то страшное, замѣтила бабушка.

— Да-да, именно страшное есть, утверждалъ пасторъ, вертя

мизинцемъ свободной руки надъ блйками, падавшими на носъ и освѣщенную луною щеку русалки.

— Гм! наша Маньхенъ попадаетъ на историческую картину, которою будутъ восхищаться десятки тысячъ людей... Богъ-знаетъ, можетъ быть, даже и цѣлыя поколѣнія! воскликнулъ весело Фридрихъ Фридриховичъ, оглядываясь на Маню, которая только повернулась на ногахъ и опять стояла на томъ мѣстѣ, не сводя глазъ съ Истомина.

— Извольте, фрейлейнъ Марія, вашу картину, произнесъ пасторъ, подавая ей картину.

Маня взяла этюдъ и, зардѣвшись, сдѣлала Истомину полудѣтскій книксенъ.

— Нѣтъ, господа, ужь потрудитесь ваши подарки сами положить на ея совершеннолѣтній столикъ, попросила насъ Софья Карловна.

— Пожалуйте! позвала она, подходя къ двери своей крошечной гостиной.

Мы всѣ довольно торжественно прошли съ своими приношеніями черезъ маленькую гостиную и коридорчикъ и вступили въ комнату новорожденной. Комната эта была вся освѣжена и глядѣла олицетвореніемъ дѣвственнаго праздника Мани. На окнахъ были новыя бѣлыя кисейныя занавѣски съ пышными оборками на верху и съ такими же буфами у подвязей; посерединѣ окна, подходившаго ближе къ ясеневой кроваткѣ Мани, на длинной мѣдной проволокѣ висѣла круглая металическая клѣтка, въ которой порхала подаренная бабушкой желтенькая канарейка; весь уголъ комнаты, въ которомъ стояла кровать, былъ драпированъ новымъ голубымъ французскимъ ситцемъ и надъ этою драпировкою, въ самомъ углѣ, склоняясь на манино изголовье, висѣло большое черное распятіе съ вырѣзанною изъ слоновой кости

бѣлою фигурою Христа. Вся дѣвственная постелька Мани, ничѣмъ, впрочемъ, неотличавшаяся отъ постели Иды Ивановны, была бѣла какъ кипѣнь, и въ головахъ ея стоялъ небольшой столъ, весь сверху до низу обдѣланный бѣлою кисею съ буфами, оборками и широкими розовыми лентами по угламъ. На этомъ столѣ, посрединѣ помѣщался на большомъ подносѣ очень хорошій тортъ съ латинскими буквами «M и N». Около торта размѣщались принесенныя сегодня пасторомъ нѣмецкая библія въ зеленомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; большой красный дорогой стаканъ съ гравированнымъ видомъ Мюнхена, и на немъ, на бѣлой ниточкѣ, чья-то карточка; рабочая корзиночка, съ бумажкою, на которой было написано «Клара Шперлингъ», и наконецъ необыкновенно искусно сдѣланный швейцарскій домикъ, съ слюдовыми окнами, балкончиками, дверьми, загородями и камнями на крышѣ. На чистомъ липовомъ ящикѣ, изъ котораго домикъ этотъ былъ вынутъ и въ который онъ снова могъ вдвигаться, на дощечкѣ было тщательно выписано имя Германа Вермана, а ниже годъ, мѣсяцъ и число настоящаго празднества. Рядомъ съ этимъ бѣлымъ столомъ, стоялъ роскошный, ажурный, рабочій столикъ, отдѣланный внутри зеленою тафтою. Это былъ подарокъ матери. На этомъ столикѣ лежало бархатное пальто, принесенное Бертой Ивановной, и сюда же Шульцъ положилъ соболевый воротникъ и муфту. Я положилъ сочиненія Пушкина къ стѣнѣ на бѣломъ столикѣ, а Истоминъ поставилъ на эти книги свою картину.

— Какая прекрасная работа! сказалъ онъ, разсматривая деревянный, швейцарскій домикъ.

— Это нашъ добрый Германъ сдѣлалъ, отвѣчала ему Софья Карловна.

— Прелестная, замѣчательная работа! продолжалъ Истоминъ, обращаясь къ Герману.

Тотъ заложилъ большой палецъ правой руки въ петлю своего коричневаго фрака и поклонился Истомину съ достоинствомъ.

Пасторъ, Ида и всѣ, кромѣ бабушки, были въ этой комнатѣ и цѣлой компаніей всѣ снова возвратились въ залу, гдѣ насъ ждалъ кофе, русскій пирогъ съ дичиннымъ фаршемъ и полный завтракъ со множествомъ всякаго вина. Софья Карловна безпрестанно выбѣгала и суетилась, Маня сидѣла возлѣ бабушки; Берта Ивановна усердно кушала, держа какъ-то на отлетѣ оба тоненькіе мизинца своихъ маленькихъ бѣлыхъ ручекъ. Мужчины всѣ ѣли очень прилежно, но Ида Ивановна все-таки наблюдала за ними и, стоя у стола, безпрестанно подкладывала то тому, то другому новыя порціи.

— Ѣшьте, говорила она мнѣ, кладя второй кусокъ очень вкусной рыбы.

— Полноте, Ида Ивановна! не могу никакъ, отпрашивался у нея я.

— Ѣшьте-ка, ѣшьте, отвѣчала она съ вѣчнымъ своимъ спокойствіемъ, не принимая отъ меня никакихъ оправданій. Съ другими она поступала совершенно такъ же, только вмѣсто фамильярнаго *ѣшьте*, на всѣ ихъ отговорки тихо отвѣчала имъ *кушайте*.

— Не выбрасывать же стать, шепнулъ я ей, возлѣ ея локтя.

Ида Ивановна съ едва замѣтной улыбкой толкнула меня въ плечо и опять потащила кому-то новый кусокъ жаркого.

Фридрихъ Фридриховичъ не уступалъ свояченицѣ: какъ она угощала всѣхъ явствами, такъ онъ, еще усерднѣе, наливалъ гостей то тѣмъ, то другимъ виномъ. Даже когда пустыя блюда совсѣмъ сошли со стола и половина маничкинаго торта была

проглочена съ шампанскимъ, Фридрихъ Фридриховичъ и тогда все-таки не давалъ намъ отдыха.

— Позвольте, господа, говорилъ онъ, не выпуская никого изъ-за стола.—Это все требуется непремѣнно допить.

— Помилуйте, Фридрихъ Фридриховичъ, куда же намъ еще пить! отмаливались гости въ виду цѣлыхъ трехъ бутылокъ шампанскаго съ подрѣзанными проволоками у пробокъ.

— Нѣтъ, позвольте! Это совсѣмъ невозможно такъ оставлять, убѣждалъ Фридрихъ Фридриховичъ.—Открытую бутылку нельзя оставлять въ хозяйствѣ. Это, вопервыхъ, значитъ зло оставлять, а потомъ отъ этого, наконецъ, прислуга балуется.

— Пожалуйте-ка, относился онъ, приближая горлышко бутылки къ стакану пастора.

— О, ихь канъ нихтъ, либеръ геръ Шульцъ! отмаливался пасторъ.

— Ничего, господинъ пасторъ, ничего; это васъ подкрѣпитъ, убѣждалъ Шульцъ и, дополнивъ стаканъ его аугсбургскаго преподобія, относился съ тѣми же доводами къ другимъ.

— Это васъ подкрѣпитъ, говорилъ онъ, упрямо заставляя насъ непремѣнно допить все, и прибавлялъ:—пожалуйста, господа! пожалуйста, потрудитесь! пожалуйста, прошу васъ, чтобъ послѣ насъ люди не баловались.

Пасторъ, отстрадавъ, стукнулъ пустымъ стаканомъ и отдулся, а Шульцъ наступалъ на него снова, приглашая выпить «въ пользу дѣтскихъ пріютовъ».

— Капли не выпью больше, господинъ Шульцъ, отказывался пасторъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ-то, господинъ пасторъ?

— Ни за что, господинъ Шульцъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ ни за что?

— О, mein Gott! вздыхалъ сдававшійся на сильные доводы пасторъ.

Шульцъ налилъ ему стаканъ и внушительно замѣтилъ, что въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и думать нельзя отказываться.

И въ пользу дѣтскихъ пріютовъ было дѣйствительно допито все, такъ, что людямъ послѣ насъ ужь нѐ надъ чѣмъ было баловаться.

Вино рѣшительно оказало на всѣхъ свое, пока впрочемъ, только хорошее вліяніе. Всѣ сдѣлались сердечнѣе и веселѣе.

Истоминъ, вставши изъ-за стола, отнесся съ большими комплиментами къ Верману.

— О, помилюйте! конфузился старый токарь, попрежнему стараясь усмирять свои торчащіе волосы.

— Я вамъ говорю не любезность, а я вамъ говорю просто, что я не видалъ такой легкой и отчетливой работы; это просто художественная... прекрасная вещь, настаивалъ Истоминъ.

— Ню что это? Это, такъ будемъ мы смотрѣть совсѣмъ какъ настоящая бездѣлица. Что говорить о мнѣ? Вотъ вы! вы артистъ, вы художникъ! вы можете—ви загтъ манъ дизэ?... *творить!* А мы, мы люди... мы простой *ремесленникъ*. Мы совсѣмъ не одно... Я чувствую какъ это, что есть очень, что очень прекрасно; я все это могу очень прекрасно понимать... но я шары на бильярды дѣлать умѣю! Вотъ мое художество!

Истоминъ съ неподдѣльнымъ жаромъ взялъ Вермана за обѣ руки, и привлекая его къ себѣ, сказалъ:

— Всякій, кто чувствуетъ прекрасное, тотъ, либеръ геръ Верманъ, художникъ и истинный художникъ.

Истоминъ поцаловалъ старика, и такъ крѣпко поцаловалъ его и обнялъ, что обѣ крюковатыя ножки Соважа приподнялись отъ пола, дрыгнули на воздухѣ и показали свои подошвы.

Маничка смотрѣла на все это, и (можетъ быть, мнѣ это показалось) смотрѣла теперь именно тѣмъ самымъ взглядомъ, какимъ глядѣла изъ-за тмина и буквицъ истоминская русалка.

Сильно подгулявшіе разошлись по домамъ гости Норковъ, и разошлись съ тѣмъ, чтобы вечеромъ непремѣнно сойдтись здѣсь снова. Шульцъ хотѣлъ, чтобы мы всѣ провели вечеръ у него.

— У меня свободнѣй, очень дольше побаловать будетъ можно, убѣждалъ онъ тёщу, говоря, что здѣсь у нея неловко безпокоить бабушку; но сама бабушка, которой ближе всѣхъ касалась эта отговорка, рѣшительно возстала противъ перенесенія манинаго праздника изъ материнскаго дома къ зятю.

— Ну, такъ ко мнѣ, господа, завтра зубы поласкать? приглашалъ неотступный Шульцъ.

— Это можете, сказала ему съ тихой улыбкою близко стоявшая Ида.

— Могу-съ?

— Можете, а сегодня это очень странно, что̀ вамъ за фантазія пришла уводить къ себѣ нашихъ гостей!

— Ну, да, да; у васъ, Ида Ивановна, всегда все странно.

— У васъ, продолжалъ выходя Шульцъ: — все это... цирлихъ—манирлихъ... все это на тонкой деликатности; а у насъ, знаете, все попросту, помужицки. Такъ? спросилъ онъ, ударивъ по плечу довольно крѣпко Истомина. Тотъ сильно вздрогнулъ и разсердился, не знаю, за то ли, что Шульцъ такъ пошутилъ съ нимъ, или за то, что онъ самъ вздрогнулъ.

Такъ окончился нашъ сытный завтракъ, а въ восемь часовъ вечера мы снова были у Норковъ.

VII.

Несмотря на то, что семейство Норкъ, какъ я уже одинъ разъ сказалъ, жило очень скромно и мнѣ никогда не доводилось видѣть у нихъ почти никого стороннихъ, но въ этотъ вечеръ оказалось, что знакомство у нихъ все-таки гораздо обширнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Кромѣ семейства пастора, который явился съ женою и двумя взрослыми дочерьми, набралось еще штукъ до восьми молодыхъ нѣмецкихъ дамъ и дѣвицъ. Мужчинъ, правда, было немного: всего три какіе-то неизвѣстные мнѣ солидные господина, молодой помощникъ пастора, учитель изъ Анненшулэ, неизбѣжный на всякомъ земномъ пространствѣ полякъ, съ черными висячими усами, котораго Шульцъ весьма фамильярно называлъ почему-то «паномъ Кошутомъ», и сынъ булочника Шперлинга, свѣжій, веселый, бѣлокурый нѣмецъ, точно испеченный въ собственной булочной на домашнихъ душистыхъ сливкахъ и розовомъ маслѣ. Вечеръ шелъ понѣмецки. Солидные господа и пасторъ сѣли за карты, курили гамбургскія сигары и потягивали некрѣпкіе пунши, а остальное все немилосердо плясало. Плясалъ Шульцъ, плясала Ида Ивановна; плясала Софья Карловна, хотя и отказывавшаяся, но весьма слабо отказывавшаяся и, наконецъ, даже вовсе

неотказавшаяся отъ гросфатера, который, при общихъ аплодисментахъ, протанцовала съ зятемъ. Не танцовала рѣшительно только одна бабушка, которая не могла оставить своего кресла; но и она сидѣла весь вечеръ и любовалась молодыми. На счастье ея, дѣйствительно было чѣмъ любоваться. Извѣстное дѣло, что если не гнаться за легкостью построенія рукъ и ногъ, да не требовать отъ каждаго лица особаго выраженія, то едва-ли гдѣ нибудь въ Петербургѣ можно набрать столько свѣженькихъ лицъ, бѣлыхъ плечъ и хорошихъ бюстовъ, сколько увидишь ихъ, находясь между добродѣтельнѣйшими васильевскими островитянками нѣмецкаго происхожденія. Разгорѣвшись отъ кадрилей и вальсовъ, пышныя гостьи Норковъ были точно розы: одна другой краше, одна другой свѣжѣе, и всѣ ихъ сочные бюсты, и всѣ ихъ добродѣтельныя уста, говорили въ одно слово: «Oh! Wir möchten *noch* ein bischen tanzen!» (о, мы хотимъ еще танцовать). Но лучше всѣхъ, эффектнѣй всѣхъ и всѣхъ соблазнительнѣй на этомъ праздникѣ все-таки была дочь хозяйки, Берта Ивановна Шульцъ, и за то ей чаще всѣхъ доставался и самый лучшій кавалеръ, Романъ Прокофьичъ Истоминъ. Какъ только Романъ Прокофьичъ первый разъ ангажировалъ Берту Ивановну на туръ вальса, и роскошная нѣмка встала и положила свою бѣлую, далеко открытую матовую руку на плечо славянскаго богатырь-молодца, въ комнатѣ даже все тихо ахнуло и зашептало: «Ein hübschen Pärchen! (красивая пара!) Nu das ist Mal ein Pärchen! Ein bessers Paar kann's nicht. (Вотъ такъ пара! Лучше этой пары ужь быть не можетъ!)

Одинъ изъ солидныхъ гостей, стоя на этотъ случай у дверей залы, забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ говоритъ, и изогнувшись сладострастнымъ сатиромъ, таинственно шепталъ на ухо Шульцу:

— Вотъ бы, я говорю, этой дамѣ какого мужа-то надо.

— И я то же самое думаю, отвѣчалъ спокойно Фридрихъ Фридриховичъ, и съ невозмутимой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ продолжалъ любоваться могучимъ Истоминымъ, поворачивающимъ на своей рукѣ вальяжную и какъ лебедь красивую Берту Ивановну.

Чуть только эта пара окончила второй вругъ, и Истоминъ, остановившись у кресла Берты Ивановны, низко ей поклонился, всѣ словно по сигналу захлопали имъ въ ладоши и усерднѣе всѣхъ другихъ хлопалъ самъ, пробиравшійся къ женѣ, Фридрихъ Фридриховичъ.

— О, вы! говорилъ онъ, улыбаясь и грозя пальцемъ стоявшему возлѣ Берты Ивановны Истомину.—Нѣтъ, ужь вы меня извините, я съ вами мою жену на необитаемый островъ ни за что не отпущу.

Берта Ивановна вспыхнула. Истомину тоже эта выходка не понравилась.

— Отчего же это? отвѣчалъ онъ съ недовольной гримасой Шульцу.

— Отчего? Ну, батюшка, не хитрите, мы васъ не сегодня знаемъ! Нѣтъ, Бертинька; нѣтъ, мой другъ, какъ ты хочешь, а я тебя съ нимъ на необитаемый островъ не отпущу.

— Фридрихъ! произнесла краснѣя и качая съ упрекомъ головкой Берта Ивановна, которую все это конфузило, но въ то же время однако было въ свою очередь и довольно пріятно.

— Ну, ну, ну, мамушка, пущу ужь, пущу, отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ, цалуя женину руку и отходя затѣмъ подъ руку съ тёщей въ сторону, для какихъ-то хозяйственныхъ совѣщаній.

Всѣхъ незамѣтнѣе на этомъ танцовальномъ вечерѣ были Ида Ивановна и Маня. Ида Ивановна танцовала много и съ чисто-

нѣмецкимъ упоеніемъ, но все-таки она была совершенно незамѣтна, а Мани совсѣмъ даже было и не видно. Истоминъ, какъ вѣжливый кавалеръ, пригласилъ на одну кадриль и одинъ вальсъ Иду Ивановну, и потомъ ангажировалъ на слѣдующій вальсъ Маню. Миніатюрная Маня рядомъ съ Истоминымъ смотрѣла совсѣмъ ребёнкомъ. Крошечной, граціозной пташечкой она носилась возлѣ сильной фигуры Истомина, совсѣмъ лежа на его рукѣ и едва касаясь пола своими крохотными, вовсе не нѣмецкими ножками. Балъ Норковъ заходилъ уже за полночь; гдѣ-то за стѣною началъ раздаваться стукъ посуды и ложекъ, и солидные господа уже неразъ посматривали на свои брегеты. Танцамъ приходилъ конецъ; нужно было ужинать и послѣ ужина расходиться, а сочныя плечи и добродѣтельно-пряныя уста еще просились потанцовать. «Oh! nur *noch* ein mal! Nur noch ein einziges, kleines Mal!» (О! еще одинъ разочекъ! Одинъ маленькій, крошечный разочекъ!) говорили, складываясь сердечкомъ, пряныя губки. Фридрихъ Фридриховичъ вступился въ ихъ спасенье; онъ далъ солиднымъ господамъ по настоящей гаванской сигарѣ, попросилъ тёщу повременить съ ужиномъ; усадилъ Иду Ивановну за рояль и далъ черноусому поляку порученіе устроить какую-нибудь мазурку похитрѣе.

— Панъ Кошутъ! бондзь-ну, панъ ласковъ, зробь намъ мазурѐчку... этакую... Шульцъ закусилъ губу и проговорилъ:—этакую, чтобъ кровь старая заговорила.

— Mogę, moj pane, mogę, отвѣчалъ расшаркиваясь панъ Кошутъ, и вдругъ вошелъ въ свою сферу. Онъ попросилъ немножко въ сторону одну изъ дочерей пастора и, переговоривъ съ нею, объявилъ оригинальную мазурку *par confidence*. Условіями этой мазурки требовалось, чтобы дамы сѣли по одной стѣнѣ, а мужчины стали по другой, напротивъ дамъ, и чтобы дамы выбирали себѣ кавалеровъ, довѣряя имя своего избраннаго одной общей

довѣренной, которою и взялась быть младшая дочь пастора. Каждый мужчина долженъ былъ угадать, какая дама его выбрала, выйти и передъ тою остановиться. Если же мужчина ошибался—причемъ обыкновенно начинался веселый хохотъ—то плохой отгадчикъ, при общемъ смѣхѣ, возвращался съ носомъ на свое мѣсто и выходилъ слѣдующій, и затѣмъ, когда эта пара кончила, дама, избравшая прежняго кавалера, отосланнаго за недогадливость за фронтъ, должна была сама встать, подать руку недогадливому избраннику и танцовать съ нимъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, особенно съ незнакомыми почти дамами, мужчины безпрестанно ошибались и при смѣнѣ каждой пары въ залѣ Норковъ начинался самый веселый хохотъ. Наконецъ дошла очередь и до Истомина. Онъ стоялъ предпослѣднимъ; послѣ него оставался только одинъ дирижеръ мазурки, самъ черноусый Кошутъ. Истоминъ замѣтилъ давно, что всѣ подходившіе къ Манѣ отходили отъ нея ни съ чѣмъ, и что она сама никого не выбирала, и потому, какъ только до него дошла его очередь, онъ прямо разошелся къ Манѣ, остановился передъ нею и поклонился.

Маня слегка покраснѣла и тихо сказала:

— Я васъ не выбирала.

Всѣ дружно засмѣялись.

Истоминъ засмѣялся такъ же искренно, какъ всѣ тѣ, кому онъ доставилъ это удовольствіе и, махнувъ рукою, спѣшнымъ шагомъ удалился къ мужской стѣнѣ.

На его мѣсто, разглаживая усы, выступалъ полякъ.

— На ура иду! сказалъ онъ, сталкиваясь съ Истоминымъ и, остановясь передъ Манею, щелкнулъ каблуками и поклонился, à la Кшесиньскій.

Ко всеобщему удивленію, Маня встала, и подала ему свою ручонку.

Ида Ивановна заиграла. Полякъ вѣжливо остановилъ ее и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ:

— Нельзя ли старую мазурку Хлопицкаго?

Ида Ивановна покопалась въ кучѣ лежавшихъ на фортепіано нотъ, достала оттуда одну тетрадь, положила ее на пюпитръ и раздался Хлопицкій.

Полякъ сжалъ ручку Мани, выпалъ лѣвой ногою, топнулъ и пошелъ, и пошелъ. Какъ перышко, привязанное къ легкой воланной пробкѣ, мелькала возлѣ него Маня. Отчаяннымъ мàзуромъ леталъ онъ, тормоша и подбрасывая за руку свою легкую даму; становился передъ ней, не теряя такта, на колѣни, вскакивалъ, снова несся, глядѣлъ ей съ удалью въ ея голубиные глазки, отрывался и, ловя налету ея руки, увлекалъ ее снова и, наконецъ опустившись на колѣно, перенесъ черезъ свою голову ея руку, раболѣпно поцаловалъ концы ея пальцевъ и, не поворачиваясь къ дамамъ спиною, зàдомъ отошелъ на свое мѣсто.

Зальца трещала отъ рукоплесканій, и переконфуженная Маня не знала, куда ей смотрѣть и куда дѣваться.

Послѣ такого танцора нелегко было пуститься въ мазурку, даже и въ этомъ пріятельскомъ, фамильномъ кружкѣ, и Истоминъ началъ надѣяться, что авось либо его никто не выберетъ.

Но... въ ряду дамъ шелъ тихій смѣхъ, шепотъ и подергиванье.

— Aber *das muss*; nicht zu machen, *das muss*, *das muss*, повторяла стоявшая у женскаго фланга дочь пастора, и вотъ величественная Берта Ивановна, расправляя нарочито долго юбку своего платья, медленно отдѣлилась отъ стула и стала, застѣнчиво, но съ королевской осанкой.

— Das muss! das muss! настойчиво кричали ей сквозь веселый смѣхъ со всѣхъ сторонъ женщины.

Берта Ивановна засмѣялась и, закусивъ нижнюю губку, тронулась королевскою поступью къ Истомину. Они подали другъ другу руки и стали на мѣсто.

Ида Ивановна смотрѣла на нихъ молча и серьёзно: въ это время Ида Ивановна смѣялась. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительная дѣвушка была эта Ида Ивановна! При своей великой внѣшней скромности, она страсть какъ любила пошалить, слегка подтрунить надъ кѣмъ нибудь, на чей нибудь счетъ незлобиво позабавиться; и умѣла она сшалить такъ, что это почти было незамѣтно; и умѣла она досыта насмѣяться такъ, что нетолько мускулы ея лица, а даже самые глаза оставались совершенно спокойными. Надо было очень хорошо знать эти глаза, чтобы по легкому, едва замѣтному измѣненію ихъ блеска, догадаться, что Ида Ивановна хохочетъ во всю свою глубоко спрятанную душу.

Въ эту минуту ей хотѣлось посмѣяться разомъ надъ madame Шульцъ и надъ Истоминымъ, и она оставила ихъ постоять на виду, до тѣхъ поръ, пока мѣшавшаяся Берта Ивановна раскраснѣлась до non plus ultra и наконецъ крикнула:

— Да ты по крайней-мѣрѣ играй же, Ида!

— Играйте, Идинька! проговорили на женской сторонѣ.

— Spielen-sie doch, Ida! одновременно крикнули ей съ нѣкоторой строгостію зять и Софья Карловна.

— Я не знаю, какую они хотятъ мазурку?

Берта Ивановна назвала очень лянгзамную мазурку; Ида заиграла ее ужь совсѣмъ *langsam*.

Это собственно и было, впрочемъ, нужно. Держась рѣдкаго, медленнаго тэмпа музыки, Истоминъ, безъ всякаго мазурнаго ухарства, началъ словно репрезентовать подъ музуку свою прекрасную королеву, словно говорилъ: а ну-те-ка, каковы мы вотъ

такъ? а ну-те-ка посмотрите насъ еще вотъ этакъ? да еще вотъ этакъ?

Никто имъ, этимъ красавцамъ, не хлопалъ; но всѣ на нихъ смотрѣли съ удовольствіемъ.

— Красивая пара! прелесть какая красивая! опять шептали о нихъ потихоньку.

Берта Ивановна съ Истоминымъ, должно быть, это слышали, а если не слышали, такъ чувствовали. Берта Ивановна не гнула головы на бокъ, какъ француженка, и не подлетала бокомъ, какъ полька, а плыла себѣ хорошой лебедью и давала самый красивый изгибъ своей лебяжьей шеѣ. Ида тоже любовалась сестрою, и ей вздумалось еще подшутить надъ нею. Она быстро перемѣнила аккордъ и заиграла вальсъ. Истоминъ улыбнулся Идѣ Ивановнѣ, проворно обнялъ талію madame Шульцъ и началъ попрежнему вальсировать граціозно, поворачивая свою роскошную даму. Идѣ Ивановнѣ было и этого мало: давъ парѣ сдѣлать два круга по залѣ, она неожиданно заиграла самую старинную польку. Художникъ и сама madame Шульцъ засмѣялись.

— Хорошо же! сказалъ Истоминъ и, сложивъ свои руки на груди, сталъ полькировать съ Бертой Ивановной, по самой старинной модѣ. Развеселившаяся Берта не дала сконфузить своего кавалера: шаля, закинула она назадъ свои бѣлыя руки и пошла въ тактъ отступать. Гости опять начали имъ аплодировать и смѣяться.

— Ахъ вы, ненавистные красавцы! никакъ не собьешь ихъ! спокойно шепнула Манѣ Ида Ивановна, и вдругъ громкими аккордами взяла:

Ужь какъ по мосту-мосту,
По калиновому.

— Вотъ что!... Ну, такъ выручайте же, Берта Ивановна! крик-

нулъ Истоминъ и пошелъ русскую, какъ и самъ извѣстный цыганъ Илья ее не хаживалъ.

Не посрамила и Берта Ивановна земли русской, на которой родилась и выросла—вынула изъ кармана бѣлый платокъ, взяла его въ руку, повела плечомъ, грудью тронула, соболиной бровью мигнула и въ тупикъ поставила всю публику своей разудалою пляскою. Полякъ съ своей залихватской мазуркой и его миньонная дамочка были въ карманъ спрятаны этой парой.

Полы машутся, раздуваются

пѣлъ, хлопая ладошами, Фридрихъ Фридриховичъ, не зная, что̀ бы ему еще можно сдѣлать отъ радости. На выручку ему Истоминъ подхватилъ:

То-то лента, то-то лента,
То-то алая моя!
Ала, ала, ала — ла̀
Мнѣ сударушка дала.

Съ этимъ Истоминъ повернулъ Берту Ивановну за одну ручку около себя, низко ей поклонился, порусски, и посадилъ ее на мѣсто.

— Сто-то-то-й! стойте! стойте! стойте! кричалъ сквозь аплодисменты и крики *bravo* Фридрихъ Фридриховичъ. — Нѣтъ! по нашему, порусски, такъ не расходятся!

Истоминъ нагнулся и поцаловалъ у Берты Ивановны руку.

— Н-нѣтъ-съ! Нѣтъ-съ! и это все не то, не то! Это опять̀ позаморски, а у насъ *кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цалуетъ*, говорилъ Шульцъ, сводя за руки Истомина съ своею женою.

— Фридрихъ! Фридрихъ! ты съ ума сошелъ! шептала, красная, какъ вишня, Берта Ивановна.

— *Кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цалуетъ,* это разъ сказано и навсегда крѣпко—настаивалъ, ни чему не внимая, неумолимый Шульцъ.

— Съ моей стороны препятствій нѣтъ, отвѣчалъ Истоминъ.

— А жена, какъ дьяконъ читаетъ, должна во всемъ повиноваться своему мужу, зарѣшилъ Шульцъ.

— Ну, Фридрихъ! сказала улыбнувшись Берта Ивановна, и подвинула свою голову къ художнику весьма спокойно, но тотчасъ же оторвала свои влажныя уста отъ сухихъ, пунсовыхъ губъ Истомина.

— О, мой Фридрихъ, какъ я устала! произнесла она торопливо, кидая на плечи мужа обѣ свои руки и поспѣшно цалуя его въ обѣ щеки, какъ-бы желая этими законными поцалуями стереть съ своихъ губъ поцалуй Истомина.

— Это поцалуй позволительный, говорилъ Шульцъ, объясняя свою оригинальную выходку нѣсколько изумленнымъ нѣмцамъ.

— Позволительный, или позволенный, вы хотите сказать? спросилъ Истоминъ.

— И позволительный, и позволенный, отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Художникъ молча отошелъ къ окошку и надулся.

Въ залѣ стали накрывать на столъ; дамы вышли поотдохнуть въ спальню Софьи Карловны, а мужчины жались по угламъ.

— Что́ съ вами такое вдругъ сдѣлалось? Какая муха васъ укусила? спросилъ я, взявъ за руку Истомина, на лицѣ котораго я ужь давно привыкъ читать всѣ его душевныя движенія.

— Такъ... не по себѣ, отвѣчалъ онъ нехотя.

— Пульсъ неровный и частый, пошутилъ я, держа его за руку.

— Какой ужь, однако, въ самомъ дѣлѣ, колбасникъ этотъ

Шульцъ; терпѣть я его не могу въ нѣкоторыя минуты! проговорилъ, нервно кусая ногти Истоминъ.

Пунсовыя губы его тихо вздрагивали подъ черными усами и говорили мнѣ, что въ безпокойной крови его еще горитъ влажный поцалуй Берты Ивановны. Еслибы пасторъ Абель вздумалъ въ это время что-нибудь заговорить на тэму: «не пожелай жены искренняго твоего», то Романъ Прокофьичъ, я думаю, едва-ли былъ бы въ состояніи увлечься этой проповѣдью.

У маленькаго столика, передъ соленой закуской, поданной къ водкѣ за минуту до ужина, Шульцъ опять было-началъ шутить съ Истоминымъ.

— Нѣтъ, батюшка мой, на дуэль! и слушать ничего не хочу; на дуэль! Помилуйте, совсѣмъ сбилъ бабу съ толку: и порусски плясать пошла, и сама его выбираетъ себѣ. Нѣтъ-съ, мы съ тобой, родной мой, безъ дуэли не кончимъ!

— Кончите, сухо отвѣтилъ Истоминъ и отошелъ къ большому столу.

Онъ упорно промолчалъ все время за ужиномъ, ѣлъ очень мало и почти ничего не пилъ. Отъ угощеній Шульца онъ отдѣлывался нетерпѣливо и рѣшительно.

— Не хочу, и не буду пить.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ! упрашивалъ Шульцъ.

— Довольно повторяться; все это совершенно напрасно будете говорить, отвѣчалъ онъ хлѣбосольному Шульцу.

Какъ всѣ женскіе любимцы, Истоминъ былъ очень капризенъ, и чѣмъ болѣе за нимъ ухаживали, чѣмъ болѣе его умасливали, тѣмъ онъ обыкновенно становился хуже. Его нужно было не раздражать, и не гладить по головкѣ, а оставлять самому себѣ, пока онъ уходится, въ совершенномъ покоѣ.

Практическій Шульцъ, или не зналъ этой струнки въ Исто-

минѣ, или поддерживавшееся понемножечку цѣлый день слегка праздничное состояніе головы Фридриха Фридриховича дѣлало его нѣсколько безтактнымъ. Чѣмъ Истоминъ болѣе ершился, тѣмъ внимательнѣе и любезнѣе становился къ нему Фридрихъ Фридриховичъ. Знакомство съ знаменитостями было у Фридриха Фридриховича дѣйствительно его ахиллесовою пятою. Эта слабость заставляла его дѣлать изъ Истомина извѣстность столь крупную, какою онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ — льстить ему и поблажать его разнузданности, которую художникъ считалъ въ себѣ страстностью. Теперь эта слабость Шульца разжигала въ немъ желаніе во что бы то ни стало показать своимъ, что этотъ замѣчательный художникъ Истоминъ, ему, Фридриху Шульцу, приходится самый близкій другъ и пріятель. Если брать мѣриломъ дружбы деньги, что̀, можетъ статься, будетъ и не совсѣмъ неосновательно, то еслибы Истоминъ попросилъ у Шульца взаймы на слово десять тысячъ рублей—Шульцъ бы только обрадовался возможности услужить ими своему другу; еслибы у него на этотъ случай не было въ рукахъ такихъ денегъ, то онъ досталъ бы ихъ для друга со дна моря. А какой ему Романъ Прокофьичъ былъ другъ?—Да никакой!

О, Господи, Господи! сколько удивительныхъ коньковъ есть у странствующаго по лицу земли человѣчества! И чего ради все это бываетъ?! Чего ради вся эта суета, давка и напраснѣйшая трата добрыхъ и хорошихъ силъ на вѣтеръ, на призракъ, на мечтаніе! Сколько въ самомъ дѣлѣ есть разныхъ этихъ генераловъ Джаксоновъ, и на сколько ладовъ каждый человѣкъ умудряется умереть за своего Джаксона!

Романъ Прокофьичъ былъ нехудой человѣкъ въ иныхъ случаяхъ, даже добрый человѣкъ, способный иногда растрогаться чужимъ горемъ до слезъ, увлечься до нѣкотораго самоотверженія,

но *любить* онъ никого не могъ, потому что *нечѣмъ* ему было любить. У него съ рода-родясь не было никакихъ друзей, а были у него только кое-какіе невзыскательные пріятели, съ которыми онъ, какъ напримѣръ, со мною, не былъ ничѣмъ особенно связанъ, такъ что могли мы съ нимъ, я думаю, цѣлый свой вѣкъ прожить въ ладу и въ согласіи вмѣстѣ, а могли и завтра, безъ особаго другъ о другѣ сожалѣнія, разстаться хоть и на вѣчныя времена. Женщинъ же, которыя его любили и которыхъ онъ и самъ въ простотѣ сердца называлъ своими «любовницами», онъ обыкновенно ставилъ въ положенія тайныхъ наложницъ—положенія, исключающія изъ себя все, что̀ вноситъ въ жизнь истинную поэзію и облагораживаетъ ближайшія отношенія женщины къ человѣку, передъ которымъ она увольняетъ сдерживающую ея скромность.

Романъ Прокофьичъ, впрочемъ, былъ человѣкъ необезличевшій, и женщины любили его не за одну его наружность. Въ немъ еще цѣла была своя *натура*—натура, можетъ быть, весьма неодобрительная; но все-таки это была *натура* изъ числа тѣхъ, которыя при стереотипности всего окружающаго могутъ производить впечатлѣніе, и обыкновенно производятъ его на женщинъ пылкихъ и всѣмъ сердцемъ ищущихъ *человѣка,* въ которомъ мерцаетъ хотя какая-нибудь малѣйшая божія искра, хотя бы и заваленная цѣлою бездною всякаго грѣховнаго мусора.

Вы можете считать его даже уродомъ, даже уродомъ пожалуй въ нашъ вѣкъ и невозможнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ живой человѣкъ и на Васильевскомъ Островѣ еще непремѣнно есть зеркала, въ которыя онъ и до днешняго дни смотрится.

На Васильевскомъ Островѣ, есть свои особенные, островскіе, доживающіе типы; это, такъ сказать, *василеостровскіе могикане.* Въ ряду этихъ могиканъ самые оригинальные и близкіе къ уни-

чтоженію — прихотники, люди, кажется, нигдѣ кромѣ Острова невозможные; люди усвоившіе себѣ свои, весьма исключительныя прихоти и возводящіе эти прихоти во что-то законное и неотразимое. Здѣсь еще, да здѣсь, не въ далекомъ провинціальномъ захолустьи, а въ Петербургѣ, въ двухъ шагахъ отъ университета и академій сидятъ, напримѣръ, какъ улитки, уткнувшись въ самый узкій конецъ своей раковины, нѣкоторые оригинальные ученые, когда-то что-то претерпѣвшіе, и съ тѣхъ поръ упорно дѣлающіе, въ теченіе многихъ лѣтъ, всему обществу самую непростительную гримасу. Они употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства быть не тѣмъ, чѣмъ они созданы, изолироваться, и становиться «не отъ міра сего». Должно признаться, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ въ этомъ искуствѣ до такого совершенства, что дѣйствительно утрачиваютъ наконецъ всякую способность понимать свое время: одинъ такой оригиналъ, выползая на минуту изъ своей раковины, положимъ, не находитъ для себя безопаснымъ ни одного кресла въ театрѣ; другой стремглавъ бѣжитъ отъ извощика, который по ошибкѣ завернетъ съ нимъ не въ тотъ переулокъ, куда ему сказано; третій огуломъ смущается отъ взгляда каждаго человѣка, и всѣ они вмѣстѣ готовы сжечь цѣлый историческій трудъ свой, если на нихъ искоса посмотритъ кухарка, подавшая приготовленное для нихъ жаркое. Ни прежняя жизненная дѣятельность, ни новые труды не даютъ основанія сомнѣваться, что у этихъ людей головы способны работать здраво, когда захотятъ, чтобы они работали. Выпяливать глаза и забиваться въ уголъ, для этихъ людей—очевидно, ихъ прихоть: имъ, вѣроятно, и самимъ нелегко служить этой прихоти, но они непреклонны; девизъ ихъ русская пословица: «тѣшь мой обычай, пляши въ головахъ». Отстать отъ этой прихоти, для нихъ значитъ перестать быть самими собою: въ ней крѣпость ихъ слабости.

Еще болѣе странныхъ и еще менѣе достойныхъ извиненія прихотниковъ встрѣчается здѣсь въ средѣ людей, надышавшихся въ юности воздухомъ василеостровской академіи художествъ и воспріявшихъ на себя ея преданія. Вѣчное дѣтство и, къ несчастію, весьма нехорошее, испорченное дѣтство этихъ людей по истинѣ изумительно. Германскій студентъ, оканчивая курсъ въ своемъ университетѣ, и отпировавъ съ товарищами послѣднюю пирушку, перестаетъ быть безпокойнымъ буршемъ, и входитъ въ общество людей съ уваженіемъ къ ихъ спокойствію, къ ихъ общественнымъ законамъ и къ ихъ морали; онъ снимаетъ свою корпоративную кокарду и съ нею снимаетъ съ себя обязательство содержать и вносить въ жизнь свою буршескую, корпоративную нравственность. Буршъ спѣшитъ сдѣлаться гражданиномъ страны своей и человѣкомъ *своего времени*, принося внутреннюю присягу совѣсти передъ кодексомъ нравственности болѣе широкимъ, чѣмъ кодексъ, регламентирующій несложныя отношенія одинокаго бурша. Такимъ образомъ буйный буршъ, какъ бы онъ ни провелъ время своего студенчества, не вноситъ изъ своей корпораціи въ общество никакихъ преданій, обязывающихъ его враждебно идти въ разрѣзъ со всѣми людьми земли своей. Не то представляетъ нашъ художникъ и именно, въ это время, уже рѣшительно только одинъ нашъ, русскій художникъ, человѣкъ попреимуществу еще очень мало развитый, или чаще всего вовсе неразвитый и кругомъ невѣжественный. Съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина Вторая построила на островской набережной Большой Невы храмъ *свободнымъ художествамъ*, заведеніе это выпустило самое ограниченное число замѣчательныхъ талантовъ и довольно значительное число посредственности, дававшей нѣкогда какіе-то задатки, а потомъ безслѣдно заглохшей. Всѣ эти таланты и посредственность, а вкупѣ съ нею и вся художественная бездарность вы-

несли изъ воспитательной среды этого заведенія художественныя прихоти великихъ дарованій: они любятъ поощрять въ себѣ разнузданность страстей и страстишекъ; воспитываютъ въ себѣ характеры примитивные и бредятъ любовью къ женщинамъ и любовью къ природѣ, не понимая самыхъ простыхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ любви къ женщинѣ, и не щадя природы человѣка въ самыхъ глубочайшихъ нѣдрахъ человѣческаго духа. Всѣ поколѣнія русской художественной семьи, начиная съ тѣхъ, которыя видѣли на президентскомъ креслѣ своихъ совѣтовъ императрицу Екатерину, до тѣхъ, при которыхъ нынче обновляется неотвѣчающее современнымъ условіямъ екатерининское зданіе—всѣ они отличались прихотничествомъ, всѣ требовали отъ жизни чего-то такого, чего она не можетъ давать въ это время, и того, что̀ имъ самимъ вовсе ненужно, что̀ разбило бы и разрушило ихъ мѣщанскіе организмы, неспособные снести осуществленія единственно лишь изъ одной прихоти заявляемыхъ художественныхъ запросовъ. Кромѣ извѣстнаго числа ловкихъ людей, которые къ извѣстной порѣ своего возраста являютъ одинаковую степень сообразительности, не стѣсняясь тѣмъ, прошла ли ихъ юность подъ отеческимъ кровомъ, въ стѣнахъ пажескаго корпуса, въ залахъ училища правовѣдѣнія, или въ натурныхъ классахъ академіи, кромѣ этихъ *художниковъ-практиковъ*, о которыхъ говорить нечего, остальное все очень трудно разстается съ отживающими традиціями. На нашей уже памяти доживало поколѣніе художниковъ, проводившихъ бо̀льшую половину своей жизни въ пьяномъ видѣ. Академическое преданіе убѣждало этихъ людей, что трезвый, воздержный и самообладающій художникъ вовсе не художникъ; оно оправдывало эту порочную слабость, дѣлало ее принадлежностью художника и насаждало около стѣнъ василеостровской академіи цѣлый классъ людей, утверждавшихъ за собою право не владѣть собою, ибо страсти

ихъ велики безъ мѣры и головою выше всякихъ законовъ. Сила преданія тиранствовала надъ этими нравами до тѣхъ поръ, пока общественное чуждательство отъ сближенія съ людьми, пьянствующими ex professo, вдругъ показало тогдашнимъ художникамъ, что они могутъ остаться за флагомъ, ибо на смѣну ихъ является новое поколѣніе, неманкирующее явно благопристойностью. Освободивъ себя отъ тираніи этого преданія, нынѣшній художникъ уже не пренебрегаетъ многимъ, что̀ можетъ быть пришлифовано къ нему, не нарушая его художественнаго настроенія: онъ отдалъ публичнымъ канканерамъ свои небрежно повязанные галстухи, уступилъ «болванамъ петербургскаго нигилизма» длинную гривку и ходитъ нынче совсѣмъ человѣкомъ: даже немножко читаетъ. Оцивилизовавшись внѣшнимъ образомъ, василеостровскій художникъ, однако, упорнѣйшимъ образомъ хранитъ въ себѣ еще послѣднее завѣщаніе старыхъ преданій: онъ боится давать взрасти внутри себя человѣку самообладающему. Онъ и до нынѣшняго дня вѣритъ, что это самообладаніе можетъ уничтожить въ немъ художника, и считаетъ своею обязанностью приносить все въ жертву прихотей, по преданію отличавшихъ прежнихъ людей его среды. Выражается это очень странно, въ видѣ *страстности*; но это не страстность, заставляющая современнаго человѣка хоть на минуту перенестись въ эпоху нибелунговъ, олимпійскихъ боговъ и вообще въ эпохи великихъ образовъ и грандіознаго проявленія гигантскихъ страстей: это въ жизни прихоть, оправдываемая преданіями; въ творчествѣ — служеніе чувственности и неумѣнье понять круглымъ счетомъ ровно никакихъ задачъ искуства, кромѣ задачъ сухо политическихъ, мелкихъ, или конфортативныхъ, разрѣшаемыхъ въ угоду своей субъективности. Это просто неотразимое вліяніе кружка и особенностей воспитанія, исключающихъ у насъ возможность появленія Рубен-

са, Тинторето, Тиціана и Веласкеца, но за то производящихъ бездарнѣйшихъ людей да учителей рисованія, или чиновниковъ академіи, да художниковъ Истоминыхъ. Зданіе академіи художествъ начинаютъ исправлять и передѣлывать въ годъ открытія другаго зданія, въ которомъ общество русское, недавно судимое при закрытыхъ дверяхъ, само въ лицѣ избранныхъ людей своихъ станетъ судьею *факта* по совѣсти и по убѣжденію внутреннему. Вровень съ карнизами этого зданія приподнимется и станетъ во главѣ угла камень, который долго отвергали зиздущіе: встанетъ *общественное мнѣніе*, встанетъ *правда народа*. Операфарсъ «Орфей въ аду», поставленная на русской петербургской сценѣ зимою, предшествовавшею открытію въ столицѣ зданія суда, представляла *общественное мнѣніе* одѣтымъ въ ливрею, дающую ему видъ часовой будки у генеральскаго подъѣзда; но близокъ часъ, когда дирекція театровъ должна будетъ сшить для актрисы Стрѣльской, изображающей «*общественное мнѣніе*», новую одежду. Рисунокъ этой одежды пускай внимательно обсудятъ послѣдніе могикане екатерининскаго храма «свободнымъ художествамъ», ибо въ этой одеждѣ общественное мнѣніе выйдетъ изъ будки, наложитъ свою правдивую десницу на всѣ дѣла, нынѣ снисходительно оправдываемыя заблужденіями, и нелицепріятно скажетъ свое безапеляціонное: *виновенъ*.

Каковы бы ни были свойства тѣхъ печальныхъ случайностей, которыя дали строителю академіи Кокоринову мысль, совершивъ свою работу, улавиться въ построенныхъ имъ стѣнахъ, а великому въ исторіи русскаго искуства Карлу Брюллову другую, нѣсколько банальную мысль снять на границѣ Россіи бѣлье, платье и обувь и нагишомъ перейти въ Европу, гдѣ его иностранные друзья приготовили ему новое, небывавшее въ Россіи платье, ученики Брюллова—тутъ, въ обѣихъ этихъ выходкахъ строителя

академіи и знаменитѣйшаго изъ ея професоровъ, есть что-то, отчего можно задуматься. Ученики Брюллова должны бы, кажется, припомнить этотъ аллегорическій призывъ къ обновленію и сбросить свои демоническіе плащи, время которыхъ, увы! невозвратно минуло. Въ наше время неудобно забывать, что какъ выпяленные изъ орбитъ глаза нѣкоторыхъ ученыхъ, смущающихся взглядами подающей имъ жаркое кухарки, обусловливаютъ успѣхъ людей менѣе честныхъ и менѣе ученыхъ, но болѣе живыхъ и чуткихъ къ общественному пульсу, такъ и не въ мѣру выпяливаемыя художественныя прихоти и страсти художниковъ обусловливаютъ успѣхъ непримиримыхъ враговъ искуства: людей, неуважающихъ ничего, кромѣ положенія и прибытка, и теоретиковъ, поставившихъ себѣ миссіею игнорированье произведеній искуства, и опошленіе самихъ натуръ, чувствующихъ неотразимость художественнаго призванія.

Время громко говоритъ художникамъ: берите изъ своихъ преданій все, что̀ не мѣшаетъ вамъ быть гражданами, полными чувствъ гражданской доблести, но сожгите все остальное вмѣстѣ съ старыми манкенами, дѣланными въ дни младенчества анатоміи и механики, и искреннѣе подайте руку современной жизни.

Какъ ни старо алегорическое сравненіе жизни съ моремъ, но не мѣшаетъ иногда вспомнить и старое. Море выбрасываетъ все, что̀ не умѣетъ держаться на его волнахъ, борясь съ дыханіемъ бурь и съ грозой непогоды, но оно выбрасываетъ и то, что̀ падаетъ на дно его безднъ, будучи чуждо этимъ глубокимъ безднамъ.

Возвращаемся, впрочемъ, къ нашимъ пирующимъ нѣмцамъ и къ ихъ своенравному гостю.

VIII.

Чѣмъ упрямѣе дулся Романъ Прокофьичъ, тѣмъ усерднѣй волочился за нимъ Фридрихъ Фридриховичъ. Не находя мѣста прямому ухаживанью, онъ начиналъ это издали, самыми окольными путями. Маневры Шульца въ этомъ случаѣ были презанимательны; и хотя это довольно часто напоминало «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто», но Истоминъ понималъ ихъ и все это, что называется, его все болѣе накручивало и заводило. А Фридрихъ Фридриховичъ все-таки продолжалъ усердствовать. Онъ даже до того увлекся своей внимательностью, что въ присутствіи всѣхъ солидныхъ нѣмцевъ и самого пастора Абеля началъ окончательно объявлять себя человѣкомъ русскимъ и отдавать тонкое предпочтеніе всему русскому. Никогда не изобличая особеннаго знакомства съ русской исторіей и геральдикой, Шульцъ вдругъ заговорилъ о Строгоновыхъ, о гостѣ Петрѣ Строгоновѣ и нѣмцѣ Данилѣ Эйлофѣ, возставшихъ за Шуйскаго, противъ Царика Тушинскаго. Тутъ, въ этихъ рѣчахъ, было все: и желаніе бортоваться бортъ о бортъ съ фамиліей Строгоновыхъ, и похвала Эйлофу, «нѣмцу греческой вѣры», и похвала самой вѣрѣ греческой, и готовность Шульца во всемъ сдѣлаться вторымъ Эйлофомъ.

Отъ старыхъ дней Шульцъ перешелъ и къ настоящему времени.

— Что жь, говорилъ онъ съ мягчайшею скромностью:—у насъ въ Россіи теперь — особенно при нынѣшнемъ государѣ, житье людямъ самое лучшее, какъ въ чужихъ краяхъ.

Отъ вопросовъ столь крупной, такъ сказать государственной важности, дѣло точно въ томъ же направленіи доходило и до частностей: Шульцъ началъ хвалить нашу общественную жизнь, нашъ Петербургъ, съ его каналами, мостами и дворцами.

Кто-то было-похвалилъ Берлинъ.

— Помилуйте! вступился Шульцъ:—ну, что тамъ за Берлинъ!— воробью лѣтомъ напиться негдѣ; а вѣдь у насъ, вѣдь это я, ей Богу не знаю—вѣдь это Венеція!

— Да; и ледъ въ маѣ плаваетъ, подсказалъ Истоминъ.

Шульцъ разсмѣялся и ударилъ Истомина товарищески по плечу.

Въ это время, кто-то заговорилъ о театрахъ; какіе театры въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; вспомнили о Янаушекъ и о Газе.

— Что́ жь Газе! Ну, что̀ жь такое Газе! восклицалъ съ кислою миною Фридрихъ Фридриховичъ поклонникамъ нѣмецкаго Гаррика. — Видѣлъ-съ я и Газе, и Дависона — а ужь я не говорю объ этомъ чортѣ, объ Ольриджѣ... но... но, я спрашиваю васъ... ну, что̀ же это такое? — Конечно, тамъ въ Отелло онъ хорошъ, ну, ни слова — хорошъ; но вѣдь это... вѣдь это все-таки не то-же, напримѣръ, что нашъ Василій Васильевичъ, который вездѣ и во всемъ артистъ!

На лицахъ нѣмцевъ выразилось общее недоумѣніе и даже перепугъ.

Одинъ недоумѣвающій нѣмецъ, остолбенѣвшій съ кускомъ говядины во рту, торопливо пропустилъ глотокъ вина и спросилъ:

— Это какой Василь Васи́чь?

— Да Самойловъ-съ.

— А-га, Самойловъ! произносилъ недоумѣвающій нѣмецъ, точно проглатывалъ въ нѣсколько пріемовъ большую маринованную устрицу.

— Да-съ, дà, Самойловъ! Чтò можетъ сравниться, я говорю, когда онъ произноситъ это, знаете: «О, защитите насъ, святыя силы неба!» О, я вамъ скажу, это не шутка-съ!

— Очень хорошо, соглашался недоумѣвающій нѣмецъ, проглатывая вторую устрицу.

— Ну, за то ужь опера русская! заводила, покачивая головою, булочница Шперлингъ.

— Да, опера того... нехороша была, не теперь-съ, а *была!* отвѣчалъ съ соболѣзнованіемъ Фридрихъ Фридриховичъ:—но пѣвцы хорошіе все-таки всегда были. Итальянцы тамъ, конечно, итальянцами; но да-съ, а я вѣдь за всѣхъ этихъ итальянцевъ не отдамъ вамъ нашего русскаго Осипа Аѳанасьевича. Да-асъ! не отдамъ! Осипа Аѳанасьевича не отдамъ!

— Кто это Осипъ Аѳанасьевичъ? освѣдомлялся опять недоумѣвающій нѣмецъ.

— Осипъ Аѳанасьевичъ! А вы такой башибузукъ что не знаете кто такой Осипъ Аѳанасьевичъ! Откуда вы пріѣхали?

— Что жь такое... я вѣдь, кажется... ничего... бормоталъ испугавшись нѣмецъ.

— Ничего! Нѣтъ, я васъ спрашиваю: откуда вы къ намъ въ Петербургъ пріѣхали?

Нѣмецъ встревожился и даже пересталъ жевать. Мѣняясь въ лицѣ, онъ произнесъ:

— Да, да да; конешно, конешно... ich weiss schön... это высочайше...

— Перестаньте, пожалуйста, Богъ-знаетъ чтò говорить, это

высочайшій басъ! понимаете вы: это Петровъ басъ! Осипъ Аѳанасьевичъ—нашъ Петровъ! разъяснилъ ему болѣе снисходительно Фридрихъ Фридриховичъ.—Пѣвецъ Петровъ, понимаете: пѣвецъ, *пѣвецъ!*

— Петтрофъ пѣвецъ, улыбался, блаженно успокоиваясь, нѣмецъ.

— Да-съ; это бархатъ, это бархатъ! Знаете, какъ у него это!

Друзья! тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Друзья! томъ-томъ-та-ра-ра-ра,
Трамъ-тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Тромъ-томъ-томъ та-ра-ра-ра!

Фридрихъ Фридриховичъ напѣлъ кусочекъ изъ извѣстной въ репертуарѣ Петрова партіи Бертрама — и взглянулъ исподлобья на Истомина: тотъ все супился и молчалъ. Съ каждымъ лестнымъ отзывомъ Фридриха Фридриховича, съ каждой его похвалой русской талантливости лицо художника подергивалось и становилось нетерпѣливѣе. Но этой войны Истомина съ Шульцемъ не замѣчалъ никто, кромѣ Иды Ивановны, глаза которой немножко смѣялись, глядя на зятя, да еще кромѣ Мани, все лицо которой выражало тихую досаду.

Гости поотошли въ сторону отъ своихъ обыкновенныхъ тэмъ и говорили о музыкѣ, или собственно Богъ-знаетъ о чемъ говорили.

Собственная особа Фридриха Фридриховича все больше увлекалась артистическимъ патріотизмомъ: онъ сорвался съ петель и ужъ немножко хлестаковствовалъ:

— Самойловъ... говорилъ онъ:—я съ нимъ тоже знакомъ, но это... такъ вамъ сказать, онъ не простецъ: онъ этакій волкъ съ клычкомъ; Ришилье этакой; ну, а Петровъ, продолжалъ Шульцъ, придавая особенную теплоту и мягкость своему голосу:—это нашъ

братъ простопо́ръ; это *душа!* Я, бывало, говорю ему въ Коломягахъ лѣтомъ: ну, что, братъ Осипъ Аѳанасичъ?

— Та̀къ, говоритъ, все, братъ Шульцъ, помаленьку. Спой прошу, ну другой разъ споетъ, а другой разъ говоритъ: «самъ себѣ спой».—Простопоръ!

Слушая Фридриха Фридриховича, гости, ожидавшіе ужина, такъ и рѣшились держаться артистическихъ вопросовъ.

Кто-то началъ разсказывать, что Леонова «тоже воспѣваетъ»; а кто-то другой замѣтилъ, что надо говорить не «воспѣваетъ», а «поятъ»; еще кто-то вмѣшался, что даже и не «поятъ», а «спаиваютъ», и наконецъ ужь вышло, что никто ничего не могъ разобрать. Опять потребовалось посредство Фридриха Фридриховича, который долго разъяснялъ разницу понятій, выражаемыхъ словами: «пить», «пѣть», «паять», «воспѣвать» и «спаивать». Выходило чортъ-знаетъ, что такое несуразное, что Леонова то поётъ, то поетъ, то воспѣваетъ, то спаиваетъ. Ухищряясь выговаривать искомое слово какъ можно правильнѣе, кто-то одинъ разъ сказалъ даже: «потѣетъ»; но Фридрихъ Фридриховичъ тотчасъ же остановилъ этого филолога, замѣтя ему: ну, ужь сдѣлайте вашу милость — все что̀ вамъ угодно, только не потѣетъ.—Этого даже пожалуйста и не говорите никогда; никогда этого нигдѣ не говорите, потому что это не говорится-съ, да, не говорится-съ.

Послѣ ужина гости скоро стали прощаться. Семейство пастора и всѣ солидные господа и ихъ дамы разошлись первые. Фридрихъ Фридриховичъ удержалъ въ залѣ только меня, Истомина, поляка, испеченнаго въ собственной булочной розоваго Шперлинга, и одного солиднаго господина.

— Вѣдь это напрасно, говорилъ ему Истоминъ: — я ничего не стану пить.

— Ну-съ, это мы будемъ видѣть, какъ вы не выпьете! отвѣчалъ Шульцъ.

Истоминъ поставилъ на столъ свою шляпу, взялъ съ окна принесенный Манею томъ Пушкина, придвинулся къ столу, и началъ смотрѣть въ книгу.

Черезъ залу прошла въ магазинъ (изъ котораго былъ прямой выходъ на улицу) Берта Ивановна. Она не хотѣла ни торопить мужа домой, ни дожидать его, и уходила со всѣми раскланиваясь и всѣмъ подавая руки. Ее провожали до дверей Ида Ивановна и Маня. Я всталъ, и тоже вышелъ за ними.

— Устала ужасно я, жаловалась Берта Ивановна, когда я застегивалъ на ней шубу.

— Очень ужь вы, говорю ей, расплясались.

— Ахъ, я вѣдь люблю поплясать!

— И вашъ Истоминъ-то... Ну, я не думала, что онъ такой кузнечикъ, проговорила Ида Ивановна.

— Совсѣмъ странно, тихо сказала Маня.

— Онъ совсѣмъ испугалъ меня... Ну, Фридрихъ! ну, погоди, я тебѣ это припомню! закончила Берта Ивановна, относясь къ залѣ, изъ которой слышался голосъ мужа.

Я проводилъ Берту Ивановну до дома, и тѣмъ же путемъ возвратился. Когда я пришелъ назадъ, въ магазинѣ была совершенная темнота, а въ залѣ компанія допивала вино, и Фридрихъ Фридриховичъ велъ съ солиднымъ господиномъ бесѣду о національныхъ добродѣтеляхъ.

— О, не думайте! говорилъ онъ солидному господину: — нашъ нѣмецкій народъ — это правда, есть очень высокообразованный народъ; но нашъ русскій народъ — тоже очень умный народъ. Шульцъ поднялъ кулакъ и произнесъ: — шустрый народъ, пони-

маете, что называется, шустрый? Здравый смыслъ, здравый смыслъ, вотъ чѣмъ мы богаты!

— Ну, да; ну, позвольте: теперь будемъ говорить Петербургъ. (Нѣмецъ оглянулся по сторонамъ, и видя, что послѣдняя изъ дамъ, Ида Ивановна, ушла во внутренніе аппартаменты, добавилъ): — женитьбомъ пренебрегаютъ, а каждый, какъ это говорится, имѣетъ своя съ бока прибо̀ка. Чѣмъ это кончится? Это какъ совсѣмъ Парижъ.

— Съ боку припёка говорится, поправилъ Фридрихъ Фридриховичъ, и продолжалъ въ другомъ тонѣ: — ну, только тутъ надо соображать, какія тутъ есть обстоятельства. Это нельзя не соображать.

— Это совсѣмъ не отвиситъ отъ обстоятельствовъ, отвѣчалъ махнувъ рукою нѣмецъ.

— То-есть, положимъ, порусски говорится *не зависитъ*, а не «не отвиситъ», ну, ужь пусть будетъ по вашему: отчего же это по вашему отвиситъ?

— Отъ свой карахтеръ.

— Гм!... Нѣтъ-съ, этакъ разсуждать нельзя.

— Это вѣрно такъ, что отъ карахтеръ. Вотъ будемъ говорить чиновникъ — у него маленькія обстоятельства, а онъ женится; нѣмецкій всякій женится; полковой офицеръ женится; а прочій такой и съ хорошій обстоятельство, а не женится. Нашъ нѣмецкій художникъ женится, а русскій художникъ не женится.

— Это камушекъ въ вашъ огородъ, сказалъ Шульцъ, трогая Истомина за руку.

Истоминъ молча приподнялъ голову, спросилъ: что̀? и хлѣбнулъ изъ непочатаго стакана.

— Художникъ-съ, началъ Фридрихъ Фридриховичъ, не отвѣчая Истомину, и касаясь теперь руки солиднаго гостя: — совсѣмъ осо-

бое дѣло. Художникъ, поэтъ, литераторъ, музыкантъ — это совсѣмъ не фамилійные люди Это совсѣмъ, совсѣмъ не фамилійные люди! Имъ нужно... это... впечатлѣніе, а не то, что̀ намъ съ вами. У насъ съ вами, батюшка мой, что жена-то? копилка, копилка. Ну, а ихъ одна вдохновляетъ такъ, другая—иначе, ихъ дѣло такое, а не то, что по нашему: сидѣть, да женины ноги грѣть. Это совсѣмъ не то, что мы съ вами: имъ женъ ненужно.

— То-есть намъ женъ нѣтъ, можетъ быть, вы хотите сказать, вмѣшался тихо Истоминъ.—Намъ нѣту женъ; еще не выросли онѣ на нашу долю, любезный Фридрихъ Фридриховичъ.

— Чужія на вашу долю выросли, ха-ха-ха! Шульцъ такъ и раскатился.

— Чужія! то-то вотъ вы заливаетесь, а вмѣсто того, лучше путемъ-то скажите-ка, гдѣ эти женщины для насъ, пролетаріевъ? Не вы ли вашу Кларочку такъ воспитываете?

— И очень, батюшка, Романъ Прокофьичъ, и очень, государь мой, и очень.

— Ну, какъ же!

— Да-съ, да; а вы вотъ скажите, бывали ли... есть ли, наконецъ, у художниковъ идеалы-то простые? Можете ли вы себѣ представить, какую бы вы себѣ хотѣли жену?

— Могу-съ, и представляю.

— Кто это, напримѣръ?

— Анна Денманъ.

— Что̀ сіе такое за Денманъ?

— Денманъ?... Денманъ... это *сіе*, которое ни за какія коврижки не покупается, Фридрихъ Фридриховичъ. Денманъ—это англичанка, жена скульптора, Джона Флаксмана. А хотите знать, что̀ она сдѣлала?—и это разскажу вамъ.—Когда Флаксманъ женился на ней, ему сказалъ пріятель: «Вы, Флаксманъ, теперь погибли для искуства».—

«Анна, я теперь погибъ для искуства?» говорилъ, придя домой, Флаксманъ. — «Что̀ случилось съ тобою? Кто это сдѣлалъ?» встревожилась Денманъ. — «Это случилось въ церкви, отвѣчалъ Флаксманъ, и сдѣлала это Анна Денманъ», и все ей разсказалъ. — «Анна Денманъ не погубитъ таланта», отвѣчала жена, и повела Флаксмана въ Римъ, во Флоренцію; она одушевляла его; терпѣлась нимъ всякую нужду; она сама сдѣлалась художникомъ, и вдохновила мужа создать великую статую великаго Данте — Данте, котораго тоже вела женщина, его безсмертная Беатриче. Понимаете, благодѣтель мой, Фридрихъ Фридриховичъ! что для художника возможна подруга, очень возможна; да понимаете ли, какая подруга для него возможна?... Пусть ваша Клара будетъ Анною Денманъ.

— О! очень пусть; очень.

— Ну, вотъ тогда и еще кто-нибудь, кромѣ Флаксмана, скажетъ во всеуслышаніе, что «жена не помѣха искуству». Только вѣдь, батюшка, Фридрихъ Фридриховичъ, кто хочетъ взростить такое чистое дитя, тотъ не спрашиваетъ дочку: «Кларинька, какой тебѣ, душечка, домъ купить?» а учитъ ее щенка слѣпого жалѣть, мышку, цыпленка; любить не палаты каменныя, а лужицу, что̀ послѣ дождя становится.

— А что жь, я былъ бы очень радъ.

— Э, полноте-ка, пожалуйста! Ну, на что вамъ все это въ вашей дочери? Что̀ мы, въ самомъ дѣлѣ, такое всѣ-то какіе есть искусники? Вѣдь ужь какъ вы тамъ хотите, а ваша лисья шуба вамъ милѣй Шекспира?... что̀? Ей-богу правда! Не думаете ли вы, взаправду, что мы какая-то соль земли? напротивъ, вы и сами того убѣжденія, что мы такъ что-то этакое, назначенное для вашего развлеченія, какіе-то этакіе брелоки что ли къ вашей цѣпочкѣ. Вѣдь такъ? Вотъ этакой мѣховщикъ Кунъ, что ли, который вамъ шубы шьетъ, какой-нибудь Никита Селивановичъ,

который своимъ братомъ-скотомъ торгуетъ; банкиры, спекулянты пеньковаго буяна, да что-нибудь еще въ этомъ родѣ — вотъ это люди! Они, дѣйствительно, дѣла дѣлаютъ, которыя всѣ сейчасъ можно привесть въ копейки — они, значитъ, и нужны, а мы... да въ самомъ дѣлѣ, пусть чортъ самъ разберетъ, на что̀ мы?— Ни Богу свѣчка, ни чорту о̀жегъ.

— Чорта не поминай! чорта, братецъ, не поминай! отъ этого, мужикъ говорилъ, худо бываетъ. Лучше Богу помолись, такъ онъ тебѣ и жену дастъ, умилительно фамильярничалъ Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да; вы, небось, молитесь!

— А то какъ бы вы думали?

— Ну, вамъ и книги въ руки. — За это же Богъ и далъ вамъ Берту Ивановну.

— Копилку свою.

— Да копилку, и очень красивая копилка; и у васъ всегда всѣ пуговицы къ рубашкамъ пришиты, и вы можете спать всегда у бѣлаго плечика. — Чудесно!! И всему этому, такъ и быть слѣдуетъ, голубчикъ. У Берты Ивановны Шульцъ есть домъ — полная чаша; у Берты Ивановны Шульцъ — сундуки и комоды ломятся отъ уборовъ и нарядовъ; у Берты Ивановны Шульцъ — мужъ, нѣжнѣйшій Фридрихъ, который много что скажетъ: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, какъ-бы мы съ вами не поссорились!» — Берта Ивановна вся куплена.

Шульцъ самодовольно улыбнулся.

— Что̀? угадалъ, вѣдь, я? продолжалъ Истоминъ: — а въ будущемъ, у нея и состояніе, и почетъ, и дѣтская любовь, и общее уваженіе — такъ чего же ей бояться или печалиться, и какъ ей не цаловать васъ сладко! Не такъ ли-съ?

Шульцъ съ улыбкой качнулъ головою, и проговорилъ:

— Ну, разсуждайте, разсуждайте!

— Да̀-съ, та̀къ-съ это, именно та̀къ-съ, продолжалъ Истоминъ: — и все это та̀къ, именно потому, что сынове міра сего мудрѣйши сыновъ свѣта суть, *въ своемъ родѣ*. Праздникъ на вашей улицѣ. Женщины, не наши однѣ русскія женщины, а всѣ почти женщины, въ цѣломъ мірѣ, вездѣ онѣ одной съ вами религіи — одному съ вами золотому богу кланяются. Всегда онѣ насъ продадутъ за васъ, будьте въ этомъ благонадежны.

— А съ вами насъ обманутъ?

— Ну, вѣдь сердце, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ, не щепка, а праздность, какъ вамъ должно быть изъ прописи извѣстно, есть мать всѣхъ заблужденій и пороковъ. Да и то, вѣдь, что жь *обманетъ*... какой тамъ обманъ?... пошалитъ, то-есть бездѣлицу—только и всего. Не убудетъ же ея оттого, что кто-нибудь ее отмѣтитъ своимъ минутнымъ вниманіемъ.

— Ха-ха-ха — отмѣтитъ! это пустяки называется!

— Да, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ, пустяки.

— Ну, покорно васъ благодарю.

— Не за что еще пока, отвѣчалъ небрежно Истоминъ, и непосредственно началъ: — знаете, Фридрихъ Фридриховичъ, въ человѣческой породѣ бабы-то, воля ваша, должно быть, смысленнѣе самцовъ.

— Право!

— Право-съ. — Вы вонъ-съ, изволите говорить, «что намъ все нужно *разнообразіе*». Правда? Вѣдь вы именно это думали: *разнообразіе*, и даже разнообразіе именно, въ самомъ узкомъ значеніи?

— Н-ну... началъ-было Шульцъ.

— Нѣтъ, позвольте! перебилъ его Истоминъ.—Я очень усталъ, и мнѣ говорить не хочется; но ужь не знаю, зачѣмъ-то, однако,

я нахожу нужнымъ заплатить вамъ за откровенность откровенностью. Вы, и вотъ всѣ такіе хорошіе люди, какъ вы (само собою, въ искренность этихъ словъ вы вѣрите) — такъ всѣ такіе-то вотъ люди, наши злѣйшіе враги и предатели. Да-съ, предатели. Привѣчая и лаская насъ, первые вы стараетесь гадить намъ всѣми возможными средствами и преимущественно гадить у женщинъ. Вы имъ представляете насъ чудаками, химеристами, потому только, что мы на васъ непохожи и потому, что вамъ выгодно дѣлать насъ шутами. «Точно, молъ, душечка, онъ интересенъ— пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ; но а представь-ка ты, что̀ бы съ тобой было, еслибы ты была его, а не моя»? Это все очень умно съ вашей стороны, только очень толсто, нехитро. Женщины вообще вѣдь по натурѣ и не очень довѣрчивы, и не очень робки, и совсѣмъ не такъ цѣломудренны, какъ практичны. Запугать вы ихъ нами не запугаете, а любопытство ихъ раздразнить— раздразните — вотъ вамъ и рога за ваши старанія.

— Чужеядные вы, господа.

— Да, птицы небесныя!—не жнемъ, не сѣемъ, а живы; но дѣло-то все не въ томъ! А зачѣмъ вы, подъ видомъ дружбы и доброжелательства, мараете нашу репутацію? зачѣмъ вы насъ унижаете, возвышая какъ будто насъ надъ цѣлою толпою? Почемъ вы знаете, что мы не любимъ, да и любить не можемъ? А можетъ быть намъ *некого* скорѣй любить! Натурщицъ полногрудыхъ, что-ли? или купчихъ шестипудовыхъ? или кисейныхъ барышенъ? чиновницъ, и день и ночь мечтающихъ о шляпкахъ? иль этихъ Мессалинъ сластолюбивыхъ? Кого-жь? кого, по вашему, я долженъ полюбить? Молчите? Слава-богу! А вы теперь скажите, или намекните; или такъ хоть въ ту сторону кивните пальцемъ, гдѣ по вашимъ соображеніямъ находится *женщина*, не ваша женщина, а *наша*, которой мила жизнь наша, а не

ваша; женщина, которая мнѣ обѣщала бы поддержку на б рьбу со всякою бѣдою, которая бы принесла хоть каплю масла для той искры, которая меня одушевляетъ! Ваши женщины! Богъ съ ними совсѣмъ!—Придти тайкомъ, соорудить рога оленьи мужу—онѣ готовы; но чтобы съ нами горе наше черпать, нуждѣ въ глаза смѣяться, любить мой трудъ, мою работу... нѣтъ! Она скорѣй убьетъ всѣ искорки таланта, а не раздуетъ, не освѣжитъ его и не согрѣетъ. «Вотъ, скажетъ, Фридрихъ Фридриховичъ—вотъ мужъ примѣрный! Жена его спитъ на лебяжьемъ пуху; купается въ розовомъ маслѣ, а ты...», да и пойдетъ меня... мою свободу, мою свободу; будетъ мнѣ въ моихъ глазахъ же гадить! Станетъ упрекать меня за то, что я пренебрегаю тамъ какой-то, вовсе мнѣ ненужной чепухою; станетъ ровнять меня съ купцомъ, или съ казнокрадомъ!... Да нѣтъ, оставьте, господа' вы говорить о насъ, попорченныхъ и сумасбродныхъ людяхъ! Кого вы называете любовницами нашими?... Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, есть, что ли, женщины, способныя любить? Не вѣрьте, не вѣрьте, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ! Никто насъ не любитъ. Просто соскучатся съ благоразумными мужьями, да пошалятъ; а гдѣ тамъ имъ грѣшнымъ любить!

Истоминъ нетерпѣливо качнулъ головою и произнесъ:

— Баловницы онѣ, а не любовницы—и опять раскрылъ томъ Пушкина.

— Ну да, заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ:—женщины... того... Онѣ, конечно... мало еще всему этому сочувствуютъ; но вѣдь если всѣ станутъ сочувствовать, то...

— Что̀ такое *всѣ?* что̀ *всѣ?* нервно перебилъ его Истоминъ.

Шульцъ снова просыпалъ кое-какъ свою фразу.

— Всѣ! всѣ! тихо и снисходительно повторилъ художникъ.—Да вы хоть вотъ это-бъ прочитали, продолжалъ онъ, глядя въ

раскрытую страницу на *Моцартъ и Сальери*:—что еслибъ всѣ такъ чувствовали, тогда-бъ не могъ

И міръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни,
Всѣбъ предались свободному искуству!
Насъ мало, избранныхъ счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ:
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощайте.

— И *прощайте*, и это тутъ написано? спросилъ Шульцъ.

— Вотъ представьте себѣ, и это здѣсь написано, отвѣчалъ Истоминъ, пожимая всѣмъ руки, и торопливо выходя изъ залы.

Только что мы съ нимъ переступили въ темный магазинъ' какъ Истоминъ нервно вздрогнулъ, схватилъ меня за плечо и тихо вскрикнувъ: кто это? вдругъ остановился. Отъ сѣраго пятна, которымъ обозначалось окно, медленно отдѣлилась и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, стала миніатюрная фигура.

— Марья Ивановна! это вы? спросилъ Истоминъ.

Фигура ничего не отвѣтила, но тронулась тихо вдоль стѣны къ двери, какъ китайская тѣнь. Это была Маша. Истоминъ взялъ ее за руку и крѣпко поцаловалъ въ ладонь.

Когда я пожалъ руку Мани, рука эта была холодна какъ ледъ, и въ тихомъ «прощайте», которое выронила мнѣ Маня, было что-то болѣзненное, какъ далекій крикъ подстрѣленной птицы.

Долго я проворочался, придя домой, на моей постели и не могъ уснуть до свѣта. Все смущалъ меня этотъ холодъ и трепетъ, этотъ слабый звукъ этого слабаго *прощайте*, и тысячу разъ хотѣлось мнѣ встать и спросить Истомина, зачѣмъ онъ, прощаясь, поцаловалъ манину руку, и поцаловалъ ее какъ-то странно, —

въ ладонь. Утромъ я опять думалъ объ этомъ, и все мнѣ было что-то такое очень невесело.

Часу въ двѣнадцатомъ на другой день зашелъ ко мнѣ Фридрихъ Фридриховичъ.

— Долго, спрашиваю, вы еще посидѣли послѣ насъ?

— А нѣтъ, говоритъ.—Вдругъ, какъ этотъ нашъ раздраженный маэстро ушелъ, мы всѣ раззѣвались и пошли.

Опять мнѣ это не понравилось. Значитъ, съ выходомъ Истомина, на его словахъ оборвалась и рѣчь человѣческая. Хорошо, говорятъ, тому, за кѣмъ остается послѣднее слово въ бесѣдѣ!

А Фридрихъ Фридриховичъ, чортъ его знаетъ, со вчерашняго похмѣлья, что ли, вдругъ начинаетъ мнѣ шутя сообщать, что Берта Ивановна дома его порядочно выпудрила за то, что онъ заставлялъ ее цаловаться съ Истоминымъ. «Говоритъ, просто, говоритъ, какъ удавъ такъ и впивается. Еслибъ, говоритъ, ты не стоялъ возлѣ меня, такъ я бы, кажется, не знала, что́ съ собой дѣлать?»

— А вечеромъ же, глядите, не забудьте, приходите на полосканіе зубъ.

Что-то ужасно мнѣ не хотѣлось, но однако обѣщалъ, что приду.

— И удава тащите.

Я обѣщалъ и это; но удавъ не пошелъ.

— Чортъ съ нимъ совсѣмъ, сказалъ онъ, когда я передалъ ему шульцево приглашеніе и разсказывалъ, какъ тотъ усердно его проситъ. Истоминъ наотрѣзъ отказался, и усѣвшись за піанино, началъ что-то безъ толку напѣвать и наигрывать.

Я ушелъ одинъ.

Полосканіе зубъ совсѣмъ не задалось: самъ Шульцъ всталъ послѣ сна невеселый, мнѣ тоже не хотѣлось ни пить, ни гово-

рить, Бертѣ Ивановнѣ очевидно хотѣлось спать, а Ида съ Маней пришли на минутку и скоро стали снова прощаться. Я всталъ и пошелъ вслѣдъ за ними. Шульцъ и не удерживалъ; онъ самъ свѣтилъ намъ пока мы надѣвали свои шубы, зѣвалъ и, закрывая рукою ротъ, говорилъ:

— А тому удаву скажите, что это непопріятельски. Я ему за это, какъ придетъ, стаканъ рейнвейну за шиворотъ вылью.

— Кто это «удавъ»? спросила идучи дорогою тихо Ида.

— Я говорю: Истоминъ.

— Ужь и правда.

— Что это?

— Удавъ.

— Онъ вамъ не нравится?

— Не нравится. Ида сдѣлала гримасу.

— А за что, смѣю спросить?

— Онъ духовъ вызываетъ.

— Какъ это, говорю, духовъ?

— А такъ... привидѣній. Тѣ лучше, которые вокругъ себя живыхъ людей терпятъ.

Ну, думаю себѣ, удавъ, удавъ! И сѣлъ этотъ удавъ въ моемъ воображеніи около Мани, и пошелъ онъ обвиваться около нея крѣпкими кольцами; пошелъ смотрѣть ей въ очи и сосать ея бѣленькую ладонь.

IX.

Пробѣжалъ еще мѣсяцъ. Живемъ мы опять спокойно, зима идетъ своимъ порядкомъ, по сѣрому небу летаютъ бѣлыя, снѣговыя мухи; по вонючей и холодной петербургской грязи ползаютъ извощичьи клячи, однимъ словомъ все течетъ, какъ ему Господь повелѣлъ. Въ Романѣ Прокофьичѣ я не замѣчаю никакой перемѣны; а между тѣмъ въ немъ была нѣкоторая перемѣна, только не очень явно давала она себя почувствовать. Художественно лѣнивый и нервный Истоминъ сталъ еще нервнѣе, безпечнѣй и лѣнивѣй. Мѣсяца три спустя послѣ манинаго праздника, я какъ-то вдругъ замѣтилъ, что Истоминъ ужь совсѣмъ ничего не работаетъ, и за кисть даже не берется. Картина стояла оборочeнная къ стѣнѣ и на подрамкѣ ея лежалъ густой слой сѣрой пыли. Увеличилась нѣсколько обычная лѣнь, и ничего болѣе, думалъ я, и опять совсѣмъ забывалъ даже, что Истоминъ ничего не работаетъ и валяется. Но мало-по-малу, наконецъ, вниманіе мое стало останавливаться на другихъ, болѣе странныхъ явленіяхъ въ характерѣ и привычкахъ Истомина. Романъ Прокофьичъ прежде всего сталъ иначе относиться къ неоставлявшимъ его дамамъ сильныхъ страстей и густыхъ вуалей. Пере-

швыривая ими съ необыкновенною легкостью и равнодушіемъ, онъ прежде всего дѣлалъ это очень спокойно, безъ всякихъ тревогъ и раздраженій, а съ нѣкотораго времени сталъ вдругъ жаловаться, что онѣ ему надоѣдаютъ, что ему нѣтъ покоя, и даже нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе просто-за-просто повышвыривать ихъ всѣхъ на улицу. Наконецъ, въ одно сѣрое утро, валяясь въ своемъ черномъ бархатномъ пиджакѣ по богатому персидскому ковру, которымъ у него была покрыта низенькая турецкая отоманка, онъ позвалъ при мнѣ своего человѣка и сказалъ ему:

— Янко! Сдѣлай ты милость, вступись въ мое спасенье.

Янко остановился, и глядѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Будь благодѣтель, освободи ты меня отъ всякихъ барынь.

— Слушаю-съ, Романъ Прокофьичъ! отвѣчалъ Янко.

— Какія жь ты для этого полагаешь предпринять мѣры?

— А пущать ихъ къ вамъ, Романъ Прокофьичъ, не буду.

— Это — довольно тонко и находчиво; я это одобряю, Янко, отвѣчалъ спокойно Истоминъ, и заговорилъ со мною о скукѣ, о тоскѣ, о томъ, что ему главнымъ образомъ Петербургъ опостылѣлъ, и что съ весною непремѣнно надо уѣхать куда нибудь подальше.

Въ это время Истоминъ очень много читалъ, и даже собирался что-то писать противъ гоголевскихъ мнѣній объ искуствѣ; но писанія этого, впрочемъ, никогда не происходило. Онъ очень много читалъ этой порою, но и читалъ необыкновенно странно. Иногда онъ, въ эту полосу своего упорнаго домосѣдства, молча входилъ ко мнѣ въ своемъ бархатномъ пиджакѣ и яркихъ канаусовыхъ шароварахъ, молча бралъ съ полки какую нибудь книгу и молча же уходилъ съ нею къ себѣ.

Я заставалъ его часто, что онъ крѣпко спалъ на своей ото-

манкѣ, а книга валялась около него на полу, и потомъ онъ вскорѣ приносилъ ее и ставилъ на мѣсто. Въ другой разъ онъ нападалъ на какую нибудь небольшую книжонку, и читалъ ее удивительно долго и внимательно, точно какъ будто или не понималъ ее, или старался выучить наизустъ. Долѣе всего онъ возился надъ Гейне, часто по цѣлымъ часамъ останавливаясь надъ какою нибудь одной пѣсенкой этого поэта.

— «Трубятъ голубые гусары», сказалъ я однажды, заходя къ нему, и заставая его лежащимъ съ маленькимъ томикомъ Гейне.

— Что̀? спросилъ онъ, наморща брови.

Я опять повторилъ строфу легкаго стихотворенія, которое нѣкогда очень любилъ и очень хвалилъ Истоминъ.

— Кой чортъ *гусары!* отвѣчалъ Романъ Прокофьевичъ. — Я все читаю объ этой «невыплаканной слезинкѣ». Эхъ, Господи, какъ люди писать-то умѣютъ! что это за прелесть, эта крошка̀ Вероника!—ея и нѣтъ, а между тѣмъ ее чувствуешь, проговорилъ онъ лѣниво, приподнимаясь съ отоманки и закуривая сигару.

— «Она была достойна любви, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ достоинъ любви, и она его не любила»—«это старая исторія, которая будетъ всегда нова», произнесъ онъ серьёзно, и съ закуренной сигарой снова повалился на коверъ, закрылъ ноги клѣтчатымъ пушистымъ плэдомъ и сталъ читать далѣе.

Черезъ заклеенную дверь я слышалъ разъ, какъ онъ громко декламировалъ вслухъ:

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ

Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ...
Нѣтъ, лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ камышемъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

Я слышалъ также, какъ послѣ этой послѣдней строфы книга ударилась объ стѣну и полетѣла на полъ.

Черезъ минуту Истоминъ вошелъ ко мнѣ.

— А что̀ вы думаете, спросилъ онъ меня снова:—что̀ вы думаете объ этой «невыплаканной слезинкѣ»?

— А вѣдь вы больны, Романъ Прокофьичъ, сказалъ я ему вмѣсто отвѣта.

— Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, боленъ, произнесъ Истоминъ. Онъ приподнялся, посмотрѣлъ на себя въ зеркало, и не говоря ни слова, вышелъ.

Ладить съ Романомъ Прокофьевичемъ не было никакого средства. Его избалованная натура кипѣла и волновалась безпрестанно. Онъ рѣшительно не принималъ никого, и высказывался только самыми странными выходками.

— Знаете, говорилъ онъ мнѣ однажды: — какъ бы это было хорошо пристрѣлить какую нибудь каналью?

— Чѣмъ же это, спрашиваю, такъ очень хорошо бы было?

— Воздухъ бы немножко расчистился, а то сперлось ужь очень.

Романъ Прокофьевичъ поставилъ на край этажерки карту, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера и попалъ.

— Хорошо? спросилъ онъ, показывая мнѣ туза, пробитаго въ самое очко, и вслѣдъ за этимъ кликнулъ Янка.

— Милый Яни! Подержи-ка, сказалъ онъ, подавая слугѣ карту.

Янко спокойно поставилъ на своей стриженой головѣ карту, и деликатно придерживалъ ее за нижніе углышки обѣими руками.

*

Истоминъ отошелъ, приподнялъ пистолетъ и выстрѣлилъ: новая карта опять была пробита въ самой серединѣ.

Я зналъ, что такія забавы у нихъ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но все-таки эта сцена встревожила меня, и притомъ въ комнатѣ становилось тяжело дышать отъ порохового дыма.

— Пойдемте лучше ко мнѣ! позвалъ я Истомина.

— А здѣсь развѣ не все равно?

— Теперь здѣсь дѣйствительно воздухъ очень спертъ.

— Да, здѣсь воздухъ спирается, спирается, заговорилъ Истоминъ, двигая своими черными бровями.—Здѣсь воздухъ ужасно спирается, закончилъ онъ, желая придать своему лицу какъ можно больше страданія, и вообще корчивъ грустную рожу.

Это было невыносимо противно. Передъ кѣмъ это, для кого и для чего онъ ломался?

И нѣсколько дней все онъ ходилъ смирнехонекъ, и все напѣвалъ:

Любить мечты не преступленье,
И я люблю мою мечту.

Надоѣла ужь даже мнѣ эта пѣсня.

Шульцъ, встрѣчаясь со мною у Норковъ, очень часто освѣдомлялся у меня объ Истоминѣ.

— Что̀ нашъ жукъ-отшельникъ дѣлаетъ? спрашивалъ онъ.

Я отвѣчалъ, что хандритъ.

— Заряжается вѣрно чѣмъ нибудь! восклицалъ Шульцъ: — я знаю эти капризныя натуры: вдохновенія нѣтъ, сейчасъ и бѣситься, самодовольно разъяснилъ онъ, обращаясь къ Идѣ Ивановнѣ и Манѣ.

Ни та, ни другая не отвѣчали ему ни слова.

У этихъ обѣихъ дѣвушекъ Фридрихъ Шульцъ большимъ расположеніемъ похвалиться не могъ.

X.

Чудачества Истомина продолжались. Онъ, какъ говорилъ о немъ Шульцъ, все не переставалъ *капризничать* и не возвращался къ порядку. Видно было, что ему дѣйствительно приходилось тяжело; становилось, что называется, не въ мочь; онъ искалъ исхода и не находилъ его; онъ нуждался въ какомъ нибудь толчкѣ, который бы встряхнулъ его и повернулъ лицомъ къ жизни. Но этого толчка не случалось и придумать его было невозможно, а наконецъ Истоминъ сочинилъ его себѣ самъ.

Въ одинъ изъ тѣхъ короткихъ промежутковъ этой безпокойной полосы, когда Истоминъ переставалъ читать запоемъ, страстно увлекаясь и бѣснуясь, и наоборотъ становился неестественно смиренъ, и грустный бродилъ тише воды, ниже травы, я зашелъ къ нему прямо съ улицы и сказалъ, что на дняхъ даютъ обѣдъ для одного почтеннѣйшаго человѣка, котораго очень уважалъ и почиталъ Истоминъ.

— Я, говорю, записалъ на обѣдъ и себя и васъ, Романъ Прокофьичъ!

— Очень, отвѣчаетъ: — мило сдѣлали. А сколько денегъ?

— Я сказалъ.

Истоминъ взялъ свое портмоне и, подавая мнѣ ассигнацію, тепло пожалъ мою руку.

— Пойдете? спросилъ я.

— Какъ же! непремѣнно пойду.

Въ день этого обѣда Истоминъ съ самаго утра не надѣвалъ своего пиджака и былъ очень спокоенъ, но молчаливъ. За юбилейнымъ обѣдомъ онъ равнодушно слушалъ разныя пышныя и сухія рѣчи; ѣлъ мало и выпилъ только два бокала шампанскаго.

Все время обѣда мы сидѣли съ нимъ рядомъ, и послѣ стола вмѣстѣ вышли въ небольшую комнату, гдѣ собралась цѣлая толпа курящаго народа. Истоминъ сѣлъ у окна, вынулъ дорогую баядеру, закурилъ ее и равнодушно сталъ смотрѣть на плетущихся по взмѣшанному, грязному снѣгу ванекъ и на перебѣгавшихъ въ суетѣ пѣшеходовъ. Противъ Истомина, въ амбразурѣ того же окна, сидѣла немолодая и нестарая дама, которая еще не прочь была нравиться и очень могла еще нравиться, а между ними, на лабрадоровомъ подоконникѣ этого же самаго окна, помѣщался небольшой бѣлокуренькій господинчикъ съ жиденькими войлоковатыми волосами и съ физіономіей кладбищенскаго, тенористаго дьякона. Дама не безъ эффекта курила очень крѣпкую сигару, а бѣлокурый господинъ тянулъ тоненькую мариландскую папироску. Обѣ эти особы вели оживленный разговоръ объ искусствѣ вообще и въ различныхъ его примѣненіяхъ въ жизни. Дама была изъ тѣхъ новыхъ, даже самоновѣйшихъ женщинъ, которыя мудренѣе нигилистовъ и всего доселѣ появлявшагося въ женскомъ родѣ: это демократки съ желаніемъ барствовать; реалистки съ стремленіемъ опереться на всякій предразсудокъ, если онъ представляетъ имъ хотя самую фиктивную опору; проповѣдницы, что «не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ будетъ», а сами за хлѣбъ продающіе и тѣло и честную кровь свою. Безтолковѣе

и даже этого ассортимента фразъ, ходячихъ въ юбкахъ, кажется, еще ничего никогда не было. Передъ маломальски умнымъ и логическимъ человѣкомъ онѣ бываютъ жалки до самой послѣдней степени: масса противорѣчій сбиваетъ ихъ. Дама, о которой идетъ рѣчь, безпрестанно путалась во всѣхъ своихъ положеніяхъ и кидалась изъ одной стороны въ другую, какъ нарочно открывая кладбищенскому дьякону полнѣйшую возможность побивать ее на всѣхъ пунктахъ. Около этой пары, къ которой случайно помѣщался ближе всѣхъ Истоминъ, сгруппировалась очень пустая толпа, внимательно слѣдившая за ихъ рѣчами. Дама, при всей своей внѣшней храбрости, очевидно мѣшалась и, какъ я сказалъ, безпрестанно впадала въ противорѣчія. Всѣ свои усилія она устремляла только на то, чтобы не соглашаться, частила, перебивала и городила вздоръ. Тенористый вахлачокъ, напротивъ, говорилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и такимъ тономъ, какимъ вѣроятно Пилатъ произнесъ свое *еже писахъ—писахъ*.

Онъ рѣшительно утверждалъ, что художество отжило свой вѣкъ, и что искуство только до тѣхъ поръ и терпимо, пока человѣчество еще глупо; да и то терпимо въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ помогать разуму, проводить нужныя гражданскія идеи, а не рисовать нимфъ, да яблочки.

— Но вы забываете, что у всякаго свой талантъ... перебивала дама.

— А что̀ такое талантъ? спокойно вопрошалъ тенористый дьяконъ, и опять ядовито захихикалъ.

— Да вы знаете ли искуство-то? понимаете вы что-нибудь въ искуствѣ? частила дама, богъ-знаетъ какъ передавшаяся вдругъ совсѣмъ на сторону чистаго искуства для искуства.

— Знаю-съ; знаю, отвѣчалъ звонко прихихикивая тенористый

дьяконъ.—Если толстая, голая женщина нарисована, такъ это значитъ Рубенсъ упражнялся. Большой безстыдникъ!

Тенористъ опять захихикалъ, кашлянулъ и отмахнулся рукою отъ налегшей на него струи сигарнаго дыма. Изъ толпы высунулись впередъ двѣ шершавенькія мордочки, оскалили зеленые зубы и также захохотали.

Я случайно взглянулъ на Истомина: онъ сидѣлъ вытянувъ ноги и сложивъ ихъ одну на другую; сигару свою онъ держалъ между двумя пальцами правой руки и медленно пускалъ тоненькую струйку синяго табачнаго дыма прямо въ носъ тенористому дьякону.

— Такъ по вашему что-жь, художниковъ надо выгнать что-ли? приставала дама.

— Выгнать-съ? Нѣтъ, это Платонъ предлагалъ увѣнчать всѣхъ этихъ безстыдниковъ лаврами, и потомъ выгнать, а по моему, на что на нихъ лавры истреблять.

— Платонъ это говорилъ о поэтахъ.

— Это все равно-съ; жрецы свободнаго искуства!

Тенористъ снова захихикалъ и снова закашлялся еще сильнѣе. Въ носъ ему такъ и била тоненькая дымовая струйка, вылетавшая крутымъ шнурочкомъ изъ-подъ усовъ Истомина и бившая оратора прямо въ носъ.

— Ихъ къ дѣлу надо обратить, продолжалъ онъ, отмахнувшись отъ дыма.

— Да-съ, землю пахать, что-ли? допрашивала съ азартомъ дама.

— Кто къ чему годенъ окажется: кто камни тесать, кто мосты красить.

— Прекрасно-съ, прекрасно! только какъ же вы этого достигнете?

— Чего-съ это?

— Того, чтобъ художники обратились въ ремесленниковъ.

— Исправительными мѣрами-съ.

— Га! то-есть сѣчь ихъ будете?

— Это по усмотрѣнію-съ, по усмотрѣнію, отвѣчалъ бѣленькій теноръ, глядя въ толпу и попрежнему стуча по стѣнѣ задниками своихъ сапожекъ.

— Это прелесть! это чудо что такое!... Это совершенство! восхищалась дама, покрывая все довольно громкимъ смѣхомъ.— Представьте себѣ, господа, бѣднаго Рафаэля, который мазилкой мостъ краситъ на большой дорогѣ! или Канову, который тумбы обтесываетъ!... Это чудо! Это совершенство! прелесть! Ну, а пѣвцовъ, скульпторовъ, музыкантовъ, актеровъ: ихъ всѣхъ куда дѣвать?

— Зачѣмъ же ихъ дѣвать куда-нибудь? Перестанутъ имъ деньги давать, такъ они сами и пѣть, и плясать перестанутъ.

— То-то! а вѣдь ихъ много; пожалуй, еще отпоръ дадутъ, частила вовсе ужь не вслушиваясь дама.

— Ну, не дадутъ-съ... при этомъ словѣ тенористый дьяконъ вздрогнулъ и быстро отодвинулся отъ подлѣзшей къ его лицу новой струи дыма.

— Почему? спросилъ его рѣзко Истоминъ.

— Что это? отпоръ-то? Да какой же отпоръ? Картинки какъ-то на дрезденскій мостъ потребовались, такъ и тѣхъ пожалѣли.

— Это совсѣмъ не идетъ къ дѣлу.

— А мы, развѣ, съ вами о дѣлахъ говоримъ?

Теноръ захихикалъ и добавилъ: смѣшно!

— А вы не смѣйтесь, остановилъ его, блѣднѣя, Истоминъ.

— Отчегоже-съ? Это правительствомъ незапрещено.

— Оттого, что мнѣ это не нравится.

— Напрасно-съ.

— Напрасно! Вы говорите—*напрасно!* А что ежели я, *безстыдникъ*, художникъ Истоминъ, сейчасъ послѣ этого «напрасно», объявлю, что всякому, кто посмѣетъ при мнѣ сказать еще хотя одно такое гнусное слово объ искуствѣ, котораго онъ не понимаетъ, то я ему сейчасъ вотъ этими самыми руками до ушей ротъ разорву?

Истоминъ всталъ, прижалъ ногою колѣна тенора къ подоконнику и, взявъ сигару въ зубы, показалъ ему два большіе пальца своихъ рукъ.

— Я тогда ничего-съ болѣе не скажу, отвѣчалъ, нимало не теряясь и попрежнему хихикая, тенористый дьяконъ.

— То-то, надѣюсь, что не скажете! отвѣчалъ, доканчивая свою нелѣпую выходку, Истоминъ и смѣшался съ толпою.

— Доказалъ, однако! иронически проговорила, высовываясь изъ толпы, прежняя шершавенькая мордочка.

— Да-съ; я полагаю, что у этого человѣка очень развито правое плечевое сочлененіе, а это очень важно при спорахъ въ Россіи, отвѣчалъ мордочкѣ теноръ и легко снялся съ подоконника.

Черезъ полчаса я видѣлъ, какъ Истоминъ, будто ни въ чемъ не бывало, живо и весело ходилъ по залѣ. Съ обѣихъ сторонъ у его локтей бѣгали за нимъ двѣ дамы: одна была та самая, что курила крѣпкую сигару и спорила, другая—мнѣ вовсе незнакомая. Обѣ онѣ залѣзали Истомину въ глаза и просили у него позволенія посѣтить его мастерскую, отъ чего онъ упорно отказывался и, надо полагать, очень смѣшилъ ихъ, потому что обѣ онѣ безпрестанно хохотали.

Бѣловойлочный противникъ Истомина тоже сидѣлъ здѣсь на одномъ изъ дивановъ этой же залы, и около него помѣщались два молодые господина, смотрѣвшіе не то обиженными ставлен-

никами, не то недовольными регистраторами духовной консисторіи.

Ставленники бросали на художника самые суровые взгляды, но однако никакого новаго столкновенія здѣсь не произошло. Но угодно же было судьбѣ, чтобы Истоминъ, совершивъ одно безобразіе, докончилъ свой день другимъ, заключилъ его еще болѣе странной и неоправдываемой выходкой. Совсѣмъ въ шубахъ и шапкахъ мы натолкнулись на эту тройку между двойными дверями подъѣзда.

— Не могу-съ, не могу, говорилъ, пробираясь впереди насъ и хихикая, теноръ.—Ничего-съ здѣсь не могу говорить, ротъ разорвутъ.

— Полно острить-то! произнесъ сзади его Истоминъ, и, взявшись за края его мѣховой шапки, натянулъ ему ее по самую бороду. Теноръ издалъ изъ-подъ шапки какой-то глухой звукъ и какъ страусъ замоталъ головою во всѣ стороны. Оба ставленника разомъ принялись сдергивать съ учительской головы ни за что нехотѣвшую слѣзать шапку.

Истоминъ былъ очень веселъ, смѣялся и, придя домой, началъ переставлять и перестирать въ своей мастерской давно забытые подмалевки и этюды.

На другой день, часу въ десятомъ утра, только что я отворилъ дверь въ залу Истомина, меня обдалъ его громкій, веселый хохотъ, такъ и разносившійся по всей квартирѣ. Истоминъ уже былъ одѣтъ въ канаусовыхъ шараварахъ и бархатномъ пиджакѣ и катался со смѣху по ковру своей отоманки.

— Здравствуйте! весело произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку и обтирая платкомъ выступившія отъ хохота слезы.—Садитесь скорѣй, или лучше прямо ложитесь загодя, а то Меркулъ Ивановъ васъ сейчасъ уложитъ.

Меркулъ Ивановъ былъ огромный, трехэтажный натурщикъ, прозывавшійся въ академіи Голіаѳомъ. Онъ былъ необыкновенно хорошо сложенъ; слылъ за добродушнѣйшаго человѣка и пьянствовалъ какъ настоящій академическій натурщикъ. Теперь онъ былъ, очевидно, послѣ каторжнаго похмѣлья и, стоя у притолки Истомина, жался, вздрагивалъ и водилъ по комнатѣ помутившимися глазами.

— Вотъ послушайте, началъ Истоминъ:—я говорю Меркулу Иванову, чтобъ онъ болѣе не пилъ; что иначе онъ до чортиковъ допьется, а онъ, вотъ послушайте, что̀ отвѣчаетъ.

— Это помилуй Богъ, Романъ Прокофьичъ, зацѣдилъ сквозь зубы, вздрагивая, натурщикъ.

— Да... а, онъ говоритъ... да ну, разсказывай, Меркулъ Иванычъ, что̀ ты говорилъ?

— Я-то, Романъ Прокофьичъ... что это... помилуй Богъ совсѣмъ; я крещеный человѣкъ... какъ онъ можетъ ко мнѣ подходить, дьяволъ?

— А что ты видаешь-то?

— Хххарррри этакія... маски... Романъ Прокофьичъ... это золото... уголь сыпется... разсказывалъ, отпихиваясь отъ чего-то ладонью, натурщикъ. Ну, что только ччоорта, Романъ Прокофьичъ... Этого нни какъ онъ, Романъ Прокофьичъ, не можетъ. Онъ теперь если когда и стоитъ... то онъ издалли стоитъ... онъ золлото это, уголь, все это собираетъ... а ко мнѣ, Романъ Прокофьичъ, не можетъ.

Смѣшно это точно разсказывалъ несчастный Голіаѳъ, но ужь Истоминъ смѣялся надъ этимъ разсказомъ совсѣмъ паче естества, точно вознаграждалъ себя за долговременную тоску и скуку. Онъ катался по ковру, щипалъ меня, тресъ за руку и визжалъ какъ ребенокъ, которому брюшко щекочутъ.

— Ну, а клотовскій форматоръ же что? заводилъ опять натурщика Истоминъ.

— Т-тотъ... тотъ, Романъ Прокофьичъ, дѣйствительно, что добился, отвѣчалъ, вздыхая, Меркулъ Ивановъ.

— То-то разскажи имъ, разскажи, какъ онъ допился?

Меркулъ Ивановъ повернулъ голову исключительно ко мнѣ и заговорилъ.

— Уговорились мы, Романъ Прокофьичъ, идти.

— Ты имъ разсказывай, перебилъ его Истоминъ, показывая на меня.

— Я и то, Романъ Прокофьичъ, имъ это, отвѣчалъ натурщикъ.— Уговорились мы, Романъ Прокофьичъ, продолжалъ онъ, глядя на меня:—идти съ нимъ, съ этимъ Арешкой въ трактиръ... Чай, Романъ Прокофьичъ, пить хотѣли. Въ третьей линіи тутъ, изволите знать?

— Ну, знаю! крикнулъ Истоминъ.

— Я и говорю ему: не пей, говорю, ты, Арешка, водки, потому видишь, говорю, какъ отъ нее послѣ того тягостно. Приходи, зову его, лучше въ шестомъ часу ко мнѣ и пойдемъ въ третьей линіи чай пить. Только онъ что же, Романъ Прокофьичъ! Я его жду теперь до седьмого часу, а е-его ппподлеца—вотъ нѣту. Я теперь, разумѣется, пошелъ ззза имъ. Пррихххажжу, а онъ, мерзавецъ, лежитъ въ мастерской теперь подъ самыми подъ этими подъ канатами, что̀, изволите знать, во второй этажъ формы подымаютъ. Голова его теперь пьяная подъ самыми подъ этими канатами и то-тоисть по этимъ, Романъ Прокофьичъ, по канатамъ... чертей! То-есть столько, Романъ Прокофьичъ, чертей вездѣ! И вотъ этакіе, и вотъ этакіе, и вотъ этакіе... какъ блохи, такъ и сидятъ.

Меркулъ Ивановъ плюнулъ и перекрестился.

— Гибель! продолжалъ онъ.—Я тутъ же, Романъ Прокофьичъ, и сказалъ: пропади ты, говорю, совсѣмъ и съ чаемъ; плюнулъ на него, а съ этихъ поръ, Романъ Прокофьичъ, я его, этого подлаго Арешку, и видѣть я не хочу. А на натурѣ мнѣ эту недѣлю, Романъ Прокофьичъ, стоять не позвольте, потому ей-богу весь я, Романъ Прокофьичъ, изслабѣлъ.

Тѣшилъ этотъ наивный разсказъ Истомина безъ мѣры и развеселилъ его до того, что онъ вскочилъ и сказалъ мнѣ: не пройдемся ли провѣтриться? погода ужь очень, кажется, хороша.

Я былъ согласенъ идти; погода дѣйствительно стояла веселая и ясная. Мы одѣлись и вышли.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ мосту, какъ нагнали Иду Ивановну и Маню: онѣ шли за какими-то покупками на Невскій.

— Мы пойдемъ провожать васъ, напрашивался я къ Идѣ Ивановнѣ.

— Если вамъ нечего больше дѣлать, такъ провожайте, отвѣчала она съ своимъ всегдашнимъ, спокойно-насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ.

Я пошелъ около Иды Ивановны, а Истоминъ какъ-то случайно выдвинулся впередъ съ Манею, и такъ шли мы до Невскаго; заходили тамъ въ два или три магазина и опять шли назадъ тѣмъ же порядкомъ: я съ Идой Ивановной, а Маня съ Истоминымъ. На одномъ какомъ-то поворотѣ мнѣ послышалось, будто Истоминъ говорилъ Манѣ, что онъ никакъ не можетъ забыть ея лица; потомъ еще разъ послышалось мнѣ, что онъ нервнымъ и настойчивымъ тономъ добивался у нея «да, или нѣтъ?» и потомъ я ясно слышалъ, какъ, прощаясь съ нимъ у дверей своего дома, Маня робко уронила ему тихое «да».

Вечеромъ въ этотъ день, мнѣ случилось проходить мимо до-

мика Норковъ. Пробираясь черезъ проспектъ, я вдругъ замѣтилъ, что въ ихъ темномъ палисадникѣ, какъ будто мигнулъ огонекъ отъ сигары.

— Кто бы это тутъ прогуливался зимою? подумалъ я, и рѣшилъ, что это вѣрно Верманъ затворяетъ ставни.

— Herr Werman! позвалъ я сквозь рѣшотку палисадника.

Сигара спряталась, и что-то тихо зашумѣло мерзлымъ кустомъ акаціи.

— Неужто воръ!—но гдѣ же воры ходятъ съ сигарой? Однако, кто же это?

Я перешелъ на другую сторону и тихо завернулъ за уголъ.

Не успѣлъ я взяться за звонокъ своей двери, какъ на лѣстницѣ послышались шаги, и въ темнотѣ опять замигала знакомая сигара: это былъ Истоминъ.

— Итакъ это онъ былъ тамъ, сказала мнѣ какая-то твердая догадка.

— И что̀ ему нужно? что̀ онъ тамъ дѣлалъ? чего задумалъ добиваться?...

Это обозлило меня на Истомина, и я не старался скрывать отъ него, что мнѣ стало тяжело и непріятно въ его присутствіи. Онъ на это не обращалъ, кажется, никакого вниманія, но сталъ заходить ко мнѣ рѣже, а я не сталъ ходить вовсе, и такъ мы ни съ того, ни съ сего раздвинулись.

Я имѣлъ полное основаніе бояться за Маню: я зналъ Истомина и видѣлъ, что онъ пріударилъ за нею нешутя, а изъ этого для Мани не могло выйдти ровно ничего хорошаго.

XI.

Опасенія мои начали возрастать очень быстро. Зайдя какъ-то къ Норкамъ, я узналъ, что Истоминъ предложилъ Манѣ уроки живописи. Это *да*, которое я слышалъ при концѣ нашей прогулки, и было то самое *да*, которое упрочивало Истомину спокойное мѣсто въ теченіе цѣлаго часа въ день возлѣ Мани. Но что̂ онъ дѣлалъ въ садикѣ? Неужто къ нему выходила Маня? Не можетъ быть. Это просто онъ былъ *влюбленъ*, то-есть сказалъ себѣ: «Камилла быть должна моей, не можетъ быть иначе», и безумствовалъ свирѣпѣя, что она не *его* сейчасъ сію минуту. Онъ даже могъ вѣрить, что есть какая-то сила, которая заставитъ ее выйдти къ нему сейчасъ. Наконецъ, онъ просто хотѣлъ быть ближе къ ней — къ стѣнамъ, въ которыхъ она сидѣла за семейною лампою.

Уроки начались; Шульцъ былъ необыкновенно доволенъ такимъ вниманіемъ Истомина; мать ухаживала за нимъ и поила его кофе, и только одна Ида Ивановна молчала. Я ходилъ рѣдко, и то въ тѣ часы, когда не ожидалъ тамъ встрѣтить Истомина.

Разъ одинъ, въ самомъ началѣ марта, въ сумерки, вдругъ сдѣлалось мнѣ какъ-то нестерпимо скучно: просто-вотъ бѣжалъ

бы куда нибудь изъ дому. Я взялъ шапку и ушелъ со двора. Думалъ даже самъ зайдти къ Истомину, но у него не дозвонился: оно и лучше, потому что въ такія минуты не утерпишь и, пожалуй, скажешь *грустно*, а мы съ Романомъ Прокофьевичемъ въ эту пору другъ съ другомъ не откровенничали.

Пойду, думаю, къ Норкамъ, и пошелъ.

Прохожу по проспекту, и вижу, что подъ окномъ въ магазинѣ сидитъ Ида Ивановна: поклонился ей, она погрозилась и сдѣлала гримаску.

— Что̀ это вы, Ида Ивановна, передразнили меня, кажется? говорю, входя и протягивая ей черезъ прилавокъ руку.

— А развѣ, спрашиваетъ, видно?

— Еще бы, говорю, не видѣть!

— Вотъ завидные глаза! А я объ васъ только сейчасъ думала: что это, въ самомъ дѣлѣ, какая нынче молодёжь стала? Помните, какъ мы съ вами хорошо познакомились—такъ просто славно, и вотъ ни съ того, ни съ сего ужь и раззнакомливаемся: зачѣмъ это?

Я началъ оправдываться, что я и не думалъ раззнакомливаться.

— Эхъ, вы, господа! господа! вѣтеръ у васъ еще все въ головѣ-то ходитъ, проговорила въ отвѣтъ мнѣ Ида Ивановна.— Нѣтъ; въ наше время молодые люди совсѣмъ не такіе были.

— Какіе жь, спрашиваю, тогда были молодые люди?

— А такіе были молодые люди—хорошіе, дружные; придутъ, бывало, вечеромъ къ молодой дѣвушкѣ, да сядутъ съ ней у окошечка, начнутъ-вотъ вдвоемъ попросту орѣшки грызть, да разсказывать, что̀ они днемъ видѣли, что̀ слышали—вотъ такъ это молодые люди были; а теперь я ужь не знаю, съ кого дѣтямъ и примѣръ брать.

— Это, говорю, кажется, ваша правда.

— Да, кажется, что правда; сами въ примѣрахъ нуждаетесь— садитесь-ка вотъ, давайте съ горя орѣхи ѣсть.

Ида Ивановна двинула по подоконнику глубокую тарелку каленыхъ орѣховъ и, показавъ на цѣлую кучу скорлупы, добавила:

— Видите, сколько я одна отстрадала.

— Ну-съ, разсказывайте, что̀ вы подѣлывали? начала она, когда я помѣстился на другомъ стулѣ и вооружался поданной мнѣ вѣсовой гирькой.

— Скучалъ, говорю, больше всего, Ида Ивановна.

— Это мы и сами умѣемъ.

— А я думалъ, что вы этого-то и не умѣете.

— Нѣтъ, умѣемъ; мы только не разсказываемъ этого всѣмъ и каждому.

— А вы, развѣ все равно, что всѣ и каждый?

— Да-съ—положимъ, что и все равно. А вы скажите, нѣтъ ли войны хорошей?

— Есть, говорю: китайцы дерутся.

— Это все опять въ пользу дѣтскихъ пріютовъ? — умные люди.

— Па̀па, говорю, боленъ.

— Па̀па умеръ.

— Нѣтъ, еще не умеръ.

Ида разсмѣялась.

— Вы, должно быть, говоритъ, совсѣмъ никакихъ игръ не знаете?

— Нѣтъ, говорю, знаю.

— Ну, какъ же вы не знаете, что есть такая игра, что выходятъ другъ къ другу два человѣка съ свѣчами и одинъ говоритъ: «Па̀па боленъ», а другой отвѣчаетъ: «Па̀па умеръ», и

оба должны не разсмѣяться, а кто разсмѣется, тотъ пàпа, и даетъ фантъ. А дальше?

— Дальше?—дальше Андерсена сказки порусски переводятся.

— Ага! то-то, господа, видно безъ нѣмцевъ не обойдетесь.

— Онъ спасибо, Ида Ивановна, не нѣмецъ, а датчанинъ.

— Это—все равно-съ; ну, а еще чтò?

— Выставка художественная будетъ скоро.

— Неинтересно.

— Нефъ, говорятъ, новую дѣвочку нарисуетъ.

— Пора бы на старости лѣтъ постыдиться.

— Красота!

— Ужасно какъ красиво! Разбейте-ка мнѣ вотъ этотъ орѣхъ.

— Истоминъ нашъ что-то готовитъ, тоже, кажется, изъ міра ваннъ и купаленъ.

Ида улыбнулась, тронула меня за плечо, и показала рукою на дверь въ залу. Я прислушался, оттуда былъ слышенъ тихій говоръ.

— Онъ у васъ? спросилъ я полушопотомъ.

Ида молча качнула головою.

Слышно стало, что говорившіе въ залѣ, замѣтя наше молчаніе, тоже вдругъ значительно понижали голосъ, и не знали, на какой имъ остановиться нотѣ. Впрочемъ, я не слыхалъ никакого другого голоса, кромѣ голоса Истомина, и потому спросилъ тихонько:

— Съ кѣмъ онъ тамъ?

— Чего вы шепчете? проговорила, улыбаясь, Ида.

— Я не шепчу, а такъ...

— Я такъ... Чтò такъ?... Какъ это всегда смѣшно выходитъ!

Ида беззвучно разсмѣялась.

Это и дѣйствительно выходитъ смѣшно, но только смѣшно

послѣ, а въ тѣ именно минуты, когда никакъ не заговоришь такимъ тономъ, который бы отвѣчалъ обстановкѣ, это бываетъ не смѣшно, а предосадно.

Если вамъ, читатель, случалось разговаривать рядомъ съ комнатой, въ которой сидятъ двое влюбленныхъ, или если вамъ случалось бесѣдовать съ женщиной, съ которой говорить хочется, и нужно, чтобы другіе слышали, что вы не молчите, а въ то же время не слыхали о чемъ вы говорите съ нею, такъ вамъ объ этомъ нечего разсказывать. Тутъ вы боитесь всего: движенія вашего стула, шелеста платья вашей собесѣдницы, собственнаго кашля: все васъ, кажется, выдаетъ въ чемъ-то; ото всего вамъ неловко. Для нѣкоторыхъ людей нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ выборъ камертона для своего голоса въ подобномъ положеніи.

— Мутерхенъ моей нѣтъ дома, проговорила, тщательно разбивая на окнѣ новый крѣпкій орѣхъ, Ида.

— Гдѣ же это она?

— У Шперлинговъ; тамъ, кажется, Клареньку замужъ выдаютъ.

Разговоръ опять прервался, и опять Ида, слегка покраснѣвъ и закусивъ нижнюю губку, долго стучала по орѣху; но наконецъ это кончилось: орѣхъ разбился. Стала тишь совершенная.

— Вонъ Соважъ пошелъ домой, проронила, глядя въ окно, дѣвушка.

Я хотѣлъ отвѣтить ей *да*, но и этого не успѣлъ, и не успѣлъ по самой пустой причинѣ—не успѣлъ потому, что въ это мгновенье въ залѣ передвинулся по полу стулъ. Онъ, конечно, передвинулся такъ себѣ, самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ образомъ; какъ будто, кто пересѣлъ съ мѣста на мѣсто, и ничего болѣе; но и мнѣ и Идѣ Ивановнѣ вдругъ стало удивительно неловко. Сидѣвшимъ въ залѣ тоже было неловче, чѣмъ и

намъ. Ясно, что они чувствовали эту неловкость, ибо Истоминъ тотчасъ забубнилъ что-то самымъ ненатуральнымъ, сдавленнымъ голосомъ, и въ то же время начало слышаться отчетливое перевертыванье большихъ листовъ бумаги. Истоминъ произносилъ имена Ніобеи, Эвридики, Психеи, Омфалы, Медеи, Елены.

Маня только пискнула одинъ разъ, что-то въ родѣ «да», или «дальше»—даже и разобрать было невозможно.

— Что это, они гравюры разсматриваютъ?

Ида кивнула утвердительно головою и опять съ двойнымъ усиліемъ ударила по орѣху.

Мы больше не могли говорить другъ съ другомъ.

Истоминъ повыровнялъ голосъ и разсказывалъ въ залѣ что-то о Кипридѣ. Все слышались мнѣ имена Гнатэны, Праксителя, Фрины Мегарянки.

Дѣло шло здѣсь о томъ, какъ она, эта Фрина

«не внимая
Шопоту ближней толпы, развязала ремни
у сандалій,
Пышныхъ волосъ золотое руно до земли распустила;
Перевязь персей и поясъ лилейной рукой разрѣшила;
Сбросила ризы съ себя, и лицомъ повернувшись къ народу,
Медленно, словно заря, погрузилась въ лазурную воду.
Ахнули тысячи зрителей, смолкли свирѣль и пектида;
Въ страхѣ упавъ на колѣни всѣ жрицы воскликнули громко:
«Чудо свершается, граждане! Вотъ она, матерь-Киприда».

— Ну-съ; и съ тѣхъ поръ ею плѣненный Пракситель навѣки оставилъ Гнатену и ушелъ съ Мегарянкою Фрине́ и навѣки ее сохранилъ въ своихъ работахъ. А когда онъ вдохнулъ ее въ мраморъ—то мраморъ холодный сталъ огненной Фриной — разсказывалъ Манѣ Истоминъ: — вотъ это ибыло то чудо.

— А бабушка давно закатилась? спросилъ я наконецъ Иду.

Дѣвушка хотѣла мнѣ кивнуть головою; но на половинѣ склона

вздрогнула, быстро вскочила со стула и громко проговорила: вотъ, слава-богу, и мамаша!

Съ этими словами она собрала горстью набросанную на окнѣ скорлупу, ссыпала ее проворно въ тарелку и быстро пошла на встрѣчу матери. Софія Карловна дѣйствительно въ это время входила въ дверь магазина.

Въ эти же самыя минуты, когда Ида Ивановна встрѣчала входящую мать, я ясно и отчетливо услыхалъ въ залѣ два, три, четыре раза повторенный поцалуй — поцалуй несомнѣнно насильственный, потому что онъ прерывался робкимъ отодвиганіемъ стула и слабымъ, но отчаяннымъ «Бога-ради пустите!»

Теперь мнѣ стали понятны и испугъ Иды, и ея радостный восклпкъ: вотъ и мамаша!

Это все было совершенно поистомински и похоже какъ двѣ капли воды на его всегдашнія отношенія къ женщинамъ. Его правило—онъ говорилъ—всегда такое: безъ мѣры смѣлости, изрядно наглости; поднесите все это женщинѣ на чувствительной подкладкѣ, да не давайте ей опомниваться, и я поздравляю васъ съ всегдашнимъ успѣхомъ.

Здѣсь были и смѣлость, и наглость, и чуствительная подкладка, и недосугъ опомниться; неразрѣшеннымъ оставалось: быть ли успѣху?... А отчего и нѣтъ? Отчего и не быть? Правда, Маня прекрасное, чистое дитя — все это такъ; но это дитя позволило насильно поцаловать себя и *прошептало*, а не *прокричало* «пустите»!—Для опытнаго человѣка это обстоятельство очень важно — обстоятельство, въ девяносто-девяти случаяхъ изо-ста ручающееся нахалу за непремѣнный успѣхъ.

Такъ точно думалъ и Истоминъ. Самодовольный, какъ дьяволъ, только что заманившій странника съ торной дороги въ пучину, подъ мельничныя колеса, художникъ стоялъ небрежно опершись

руками о притолки въ дверяхъ, которыя вели въ магазинъ изъ залы и съ фамильярностью самаго близкаго, семейнаго человѣка проговорилъ вошедшей Софьѣ Карловнѣ:

— Тебя, о матерь, срѣтаемъ собрашеся вкупѣ! Приди и открой намъ объятія отчи!

— Ахъ, Романъ Прокофьичъ! отвѣчала старуха, снимая съ себя и складывая на руки Иды свой шарфъ, капоръ и черный суконный бурнусъ.

— И вы тоже! обратилась она, протянувъ другую руку мнѣ. — Вотъ и прекрасно; у каждой дочери по кавалеру. Ну, будемъ, что ли, чай пить? Идинька, вели, дружочекъ, Авдотьѣ поскорѣе намъ подать самоварчикъ. А сами туда въ мой уголокъ пойдемте, позвала она насъ за собою и пошла въ залу.

Въ залѣ, у небольшого кругленькаго столика, между двумя тѣсно сдвинутыми стульями, стояла Маня. Она была въ замѣшательствѣ и потерянно перебирала кипу желтоватыхъ старыхъ гравюръ, принесенныхъ ей Истоминымъ.

— Рыбка моя тихая! что жь это ты здѣсь одна? отнеслась къ ней Софья Карловна.

Маня посмотрѣла съ удивленіемъ на мать, положила гравюру, отодвинула рукою столикъ и тихо поправила волосы.

— Тебя, мою нѣмушу, всегда забываютъ. Молчальница ты моя милая! все-то она у насъ молчитъ, все молчитъ. Идка скверная всѣхъ къ себѣ позабираетъ, а она, моя горсточка, и сидитъ одна въ уголочкѣ.

— Нѣтъ, мама, со мною здѣсь Романъ Прокофьичъ сидѣлъ, тихо отвѣтила Маня, и нѣжно поцаловала обѣ материны руки.

На лѣвой щечкѣ у Мани пылало яркое пунцовое пятно: это здѣсь къ ея лицу прикасались жадныя уста удава.

— Романъ Прокофьичъ съ тобой сидѣлъ — ну, и спасибо ему

за это, что онъ сидѣлъ. Господи, Боже мой, какіе мы, Романъ Прокофьичъ, всѣ счастливыя, начала, усаживаясь въ своемъ уголкѣ за покрытый скатертью столъ, Софья Карловна.—Всѣ насъ любятъ; всѣ съ нами такіе добрые.

— Это вы-то такіе добрые.

— Нѣтъ, право. Ахъ, да! что́ со мной сейчасъ было...

Софья Карловна весело разсмѣялась.

— Здѣсь возлѣ моихъ дочерей, возлѣ каждой по кавалеру, а тамъ какой-то господинъ за мною вздумалъ ухаживать.

— Какъ это, мамаша, за вами? спросилъ Истоминъ, держась совсѣмъ членомъ семейства Норковъ, и даже называя m-me Норкъ «мамашей».

— Да такъ, вотъ присталъ ко мнѣ дорогой въ провожатые, да и только.

Мы всѣ разсмѣялись.

— Ну, я и говорю, у бертинькинаго подъѣзда: очень, говорю, батюшка, вамъ благодарна, только постойте здѣсь минуточку, я сейчасъ зайду внучковъ перекрещу, тогда и проводите пожалуйста — онъ и драла: стыдно стало, что за старухой увязался.

— Молодецъ моя мама! похвалила уставлявшая на столъ чайный приборъ Ида.

— Да, вотъ подите, право, какіе нахалы! Старухамъ намъ, ужь и тѣмъ прохода нѣтъ, какъ вечеръ. Вы знаете вѣдь, что̀ съ Идинькой въ прошломъ году случилось?

— Нѣтъ, мы не знаемъ.

— Какъ же! поцаловалъ ее какой-то негодяй у самаго у нашего дома.

— Вотъ какъ, Ида Ивановна! отозвался, закручивая усъ, Истоминъ.

— Да-съ, это такъ, довольно небрежно отвѣтила ему, обваривая чай, Ида.

— Ты разскажи, Идоша, какъ это было-то.

— Ну, что, мама, имъ-то разсказывать; это еще и ихъ, пожалуй, выучишь этому секрету.

— Ну, полно-ка тебѣ врать, Ида.

— Мнѣ даже кажется, что Романъ Прокофьичъ въ этомъ чуть ли не участвовалъ.

— Въ чемъ это? Богъ съ вами, Ида Ивановна, что̀ это вы говорите?

— А что̀ жь, вѣдь вы тогда не были съ нами еще знакомы?

— Ну, да какъ же! станетъ Романъ Прокофьичъ... Перестань, пожалуйста.

— Перестану, мама, извольте, отвѣчала Ида съ нѣсколько комической покорностью, и стала наливать намъ стаканы.

Во все это время она не садилась, и стояла передъ самоваромъ на ногахъ.

— Видите, начала Софья Карловна: — вотъ такъ-то часто говорятъ *ничего, ничего*; можно, говорятъ, и одной женщинѣ идти; если, дескать, сама не подастъ повода, такъ никто ее и не тронетъ; а выходитъ, что совсѣмъ не ничего. — Идетъ, представьте себѣ, Иденька отъ сестры, и еще сумерками только; а за нею вдругъ два господина; одинъ говоритъ: «я ее поцалую», а другой— говоритъ: «не поцалуешь»; Идочка бѣжать, а они за нею; догнали у самаго крыльца и поцаловали.

— Такъ и поцаловали?

— Такъ и поцаловали.

— Ида Ивановна! да ка̀къ же вы это такъ оплошали? Какъ же васъ поцаловали, а? разспрашивалъ съ удивленіемъ Истоминъ.

— Очень просто, отвѣчала Ида: — взяли за плечи, да и поцаловали.

— И вы ему не плюнули въ лицо?

— Ну, такъ! чтобъ онъ еще меня приколотилъ?

— Экъ, куда хватили — такъ ужь и приколотитъ?

— А что́ жь? отъ васъ всего дождешься, добавила, улыбаясь, Ида.

— Мнѣнія, стало быть, вы о мужчинахъ невысокаго, Ида Ивановна? пошутилъ художникъ.

— Извольте, мама, вамъ чаю, проговорила Ида матери, а Истомину не отвѣтила ни слова, будто и не разслышала его вопроса.

— Благодарю, Идочка.

Софья Карловна хлебнула чаю, и вдругъ затуманилась.

— Ужасно, ей-богу! начала она, мѣшая ложкой: — береги, корми, лелѣй дитя; вѣтра къ нему не допускай, а первый негодяй, хвать ее и обидитъ. Шперлинги говорятъ: устроимъ уроки, чтобъ музыкѣ дѣтей учить. Конечно, оно очень дешево, но вѣдь вотъ, какъ подумаешь, что надо вечеромъ съ одной дѣвкой посылать, такъ и Богъ съ ними, кажется, и уроки.

— Ничего, сказала, подумавъ, Ида.

— Какъ, мой дружокъ, ничего-то? Ты дѣвушка взрослая, а она дитя.

— Это еще вѣдь нескоро, мама; тогда успѣемъ еще подумать.

— Успѣть-то, конечно... А я это... Да, ну, видѣла я, Идочка, жениха. Не нравится онъ мнѣ, мой дружочекъ: вопервыхъ, старъ онъ для нея, а вовторыхъ, такъ, что-то... не нравится: а она, говорятъ, будто его любитъ, да я этому не вѣрю.

— Не знаю, мамочка.

— Говорятъ, что любитъ; да только вздоръ это, я думаю. Ужь кто кого любитъ, такъ это видно.

Ида промолчала, и взявъ въ руки одну изъ принесенныхъ сюда сестрою гравюръ, посмотрѣла ее, и тотчатъ же равнодушно положила снова на мѣсто.

— У васъ, Ида Ивановна, есть идеалъ женщины? спросилъ Истоминъ.

— Есть-съ, отвѣчала улыбнувшись Ида.

— Покажите намъ ее здѣсь.

— Здѣсь нѣтъ ея.

— Кто же это такая? — Антигона, вѣрно?

— Нѣтъ, не Антигона.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, скажите, пожалуйста, какой изъ всѣхъ извѣстныхъ вамъ женщинъ вы больше всѣхъ сочувствуете?

— Моей мамѣ, отвѣтила спокойно Ида, и отправилась къ бабушкѣ съ кружкою шалфейнаго питья, приготовленнаго на ночь старушкѣ.

— Романъ Прокофьичъ! тихо позвала Софья Карловна художника.

Истоминъ нагнулся.

— Какая, я говорю, у меня дочь-то!

— Это вы объ Идѣ Ивановнѣ?

— Да, Идочка-то; я о ней вамъ говорю. Вѣдь это, истинно надо сказать правду, счастливая и пресчастливая я мать. Вы знаете, какъ это странно, вотъ я нынче часто слышу, многіе говорятъ, и Фрицъ тоже любитъ спорить, что снамъ не должно вѣрить, что будто сны ничего не значатъ; а я, какъ хотите, ни зачто съ этимъ не могу согласиться. Мы все съ Авдотьюшкой другъ другу сны разсказываемъ. Старуха подвинулась къ Истомину и заговорила: — представьте вы себѣ, Романъ Прокофьичъ, что когда я была Идинькой беременна... Маничка, выйди моя крошечка; поди тамъ себѣ пелериночку поправь.

Маня, слегка покраснѣвъ, встала и вышла за сестрою.

— Да; такъ вы представьте себѣ, Романъ Прокофьичъ, девять мѣсяцевъ къ ряду, каждую ночь, каждую ночь мнѣ все снилось, что меня какой-то маленькій ребёнокъ грудью кормитъ. И что̀ жь бы вы думали? родила я Идочку, какъ разъ вотъ, рѣшительно, какъ двѣ капли воды, то самое дитя, что̀ меня кормило... Боже мой! Боже мой! вы не знаете, какъ я сокрушаюсь о моемъ счастьѣ! Я такая счастливая, такая счастливая мать, такія у меня добрыя дѣти, что я боюсь, боюсь... не могу я быть спокойна. Ахъ, не могу быть спокойна!

Истоминъ, мнѣ показалось, смутился при выраженіи этой внезапной и неудержимой грусти Софьи Карловны. Онъ хотѣлъ ее уговаривать, но это ему не удавалось.

— Представьте себѣ, если посудить здраво, продолжала старуха:—вѣдь сколько есть на свѣтѣ несчастныхъ родителей — вѣдь это ужасъ! Вѣдь это, Романъ Прокофьичъ, самое большое несчастіе. У кого нѣтъ дѣтей, говорятъ, горе, а у кого дурныя дѣти — вдвое. Ну, а я—чѣмъ я этого достойна... старуха пригнулась къ полу, и какъ будто поднимая что-то, съ страхомъ и благоговѣніемъ шептала: — чѣмъ я достойна, что у меня дѣти... ангелы?... Мои ангелы! мои ангелы! заговорила она, громко, при появленіи въ эту минуту въ дверяхъ обѣихъ дочерей своихъ.

— Идинька! Идинька! дитя мое! другъ мой! звала она, и раскрывъ дрожащія руки, безъ всякой причины истерически заплакала. — Идочка! ангелъ, министръ мой, что̀ мнѣ все что-то кажется страшное; что̀ мнѣ все кажется, что у меня берутъ васъ, что мы разстаемся!

Она обхватила руками шею дочери, и не переставая дрожать и плакать, жарко цаловала ее въ глаза, въ лобъ и въ голову.

— Успокойтесь, мама, я всегда буду съ вами.

— Со мною, да, со мною! лепетала Софья Карловна: — да, да, ты со мною. А гдѣ же это моя нѣмушка? искала она глазами по комнатѣ, и отпустивъ Иду, взяла младшую дочь къ себѣ на колѣни. — Нѣмуша моя! рыбка нѣмая! что ты все молчишь, а? Когда жь ты у насъ заговоришь-то? Романъ Прокофьичъ! когда она у насъ заговоритъ? обратилась опять старуха къ Истомину, заправляя за уши выбѣжавшую косичку волосъ Мани. — Идинька, вели, мой другъ, убирать чай!

Ида кликнула кухарку, и стала сама помогать ей, а Софья Карловна еще разъ поцаловала Маню, и сказавъ ей: «Поди, гуляй, моя крошка», сама поплелась за свои ширмы.

— Идочка! бабушка давно легла? спрашивала она оттуда.

— Давно, мамаша, отвѣтила Ида, уставляя въ шкафы перемытую посуду, и положивъ на карнизъ шкафа ключъ, сказала мнѣ:

— Пойдемте, пожалуйста, немножко пройдемтесь, голова страшно болитъ.

Когда мы проходили залу, Истоминъ стоялъ попрежнему съ Маней у гравюръ.

— Куда ты? спросила Маня сестру.

— Хочу пройдтись немножко; у меня страшно голова болитъ.

— Это вамъ честь дѣлаетъ, вмѣшался Истоминъ.

— Да, значитъ, голова есть; я это знаю, отвѣчала Ида и стала завязывать передъ зеркаломъ ленты своей шляпы. Ей, кажется, хотѣлось, чтобы и Маня пошла съ нею, но Маня не трогалась. Истоминъ вертѣлся: ему не хотѣлось уходить, и неловко было оставаться.

— Ида Ивановна, спросилъ онъ, переворачивая свои гравюры:—да покажите же, пожалуйста, какая изъ этихъ женщинъ вамъ больше всѣхъ нравится! Которая ближе къ вашему идеалу?

— Ни одна, довольно сухо на этотъ разъ, отвѣтила Ида.

— Безъ шутокъ? У васъ нѣтъ и идеала?

— Я вамъ этого не сказала, а я сказала только, что здѣсь нѣтъ ея, произнесла дѣвушка, спокойно вздергивая на пàжи свою верхнюю юбку.

— А кто же, однако, такая, вашъ идеалъ?

— Мать Самуила.

— Вонѣ кто!... Родители мои, что за елейность! за чтò бы это она въ такой фаворъ попала?

— За то, что она воспитала такого сына, который былъ и людямъ милъ, и Богу любезенъ.

Истоминъ промолчалъ.

— А вашъ идеалъ, сколько я помню, Анна Денманъ?

— Анна Денманъ, отвѣчалъ съ поклономъ художникъ.

— То-то, я это помню.

— И должны сознаться, что мой идеалъ гораздо лучше вашего.

— Всякому свое хорошо.

— Нѣтъ-съ, не все хорошо! Еслибы вы, положимъ, встрѣтили свой идеалъ, чтò жь бы, какія бы онъ вамъ принесъ радости? Вы могли бы ему поклониться до земли?

— Да.

— А я свой могъ бы цаловать.

— Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, не входило въ мои соображенія, отшутилась Ида.

— Да какъ же! Это вѣдь то же — «всякому свое». Въ пѣснѣ поется:

Сѣй мати мучицу,
Пеки пироги;
Къ тебѣ будутъ гости,
Ко мнѣ женихи;
Тебѣ будутъ кланяться,
Меня цаловать.

Романъ Прокофьичъ, видно, вдругъ совсѣмъ позабылъ даже, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ. Цѣли, ближайшія цѣли его занимали такъ, что онъ даже склоненъ былъ не скрывать ихъ, и поднести почтенному семейству даръ свой, не завертывая его ни въ какія бумажки.

Ида не отвѣтила ему ни слова.

— Мама! крикнула она, идучи къ двери:—посидите, дружокъ мой, въ магазинѣ. Запирать еще рано — я сейчасъ вернусь.

Мы обошли три линіи, не сказавъ другъ другу ни слова; дорогой я два или три раза начиналъ пристально смотрѣть на Иду, но она не замѣчала этого, и твердой походкой шла, устремивъ неподвижно свои глаза впередъ. При блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, она была обворожительно хороша и характерна.

Когда мы повернули къ ихъ дому, я рѣшился сказать ей, что она, кажется, чѣмъ-то очень разстроена.

— Нѣтъ, чѣмъ же разстроена? У меня просто голова болитъ невыносимо, отвѣтила она, и съ тѣмъ мы съ нею и простились у ихъ подъѣзда.

«А что̀ это Софья Карловна все такъ совѣщательно обращается къ почтенному Роману Прокофьичу?» раздумывалъ я, оставшись самъ съ собою. «Плѣнилъ онъ ее просто своей милой короткостью, или она задумала женихомъ его считать для Мани?»

«Не быть этому и не бывать, моя божья старушка. Не нужна ему Анна Денманъ, съ руки ему больше Фрине́-Мегарянка», рѣшилъ я себѣ, и не одинъ я такъ рѣшалъ себѣ это.

Вскорѣ послѣ того, такъ во второй половинѣ марта, Ида Ивановна зашла ко мнѣ, посидѣла, повертѣлась на какомъ-то общемъ разговорѣ и вдругъ спросила:

— Вы, кажется, немножко разладили съ Истоминымъ?

— Не разладилъ, отвѣчалъ я: — а такъ что-то въ родѣ черной кошки между нами пробѣжало.

— Я это замѣтила, отвѣчала Ида, и черезъ минуту добавила: — если вы насъ любите, поговорите-ка вы съ нимъ хорошенько...

Удивительные глаза Иды Ивановны диктовали, о чемъ я долженъ поговорить.

— Хорошо, Ида Ивановна, я поговорю.

— Вы помните, какъ мы съ вами ѣли недавно орѣхи?

— Помню-съ.

— Я думаю, ни одинъ человѣкъ въ своей жизни не съѣлъ за одинъ разъ столько этой гадости, сколько я ихъ тогда перегрызла. Это, понимаете, отчего такъ ѣлось?... Это я себя кусала, потому что во мнѣ вотъ что́ происходило.

Ида, наморщивъ лобъ, повернула рукою возлѣ своего сердца.

— У меня ужасный слухъ, особенно, когда я слышу то, чего не хотѣла бы слышать.

Она вздохнула.

— Я обо всемъ поговорю, сказалъ я.

Дѣвушка пожала мнѣ руку, сказала: «пожалуйста поговорите», и ушла.

На другой день я зашелъ утромъ къ Истомину. Онъ былъ очень привѣтливъ и держалъ себя такъ, какъ будто между нами передъ этимъ не было никакого дутья другъ на друга.

— Вы не знаете, началъ онъ весело:—какія на меня нынче посыпались напасти? Я вѣдь вчера совсѣмъ чуть не разсорился съ Шульцемъ.

— За что это?

— А вотъ подите! Берта Ивановна разсуждала обо мнѣ, какой я негодный для жизни человѣкъ, и сказала, что еслибы она

была моею женой, такъ она бы меня кусала; а я отвѣчалъ, что я могу доставить ей это удовольствіе и въ качествѣ чужой жены. Я, молъ, очень люблю, когда хорошенькія женщины приходятъ въ такое состояніе, что желаютъ кусаться. А она дура сейчасъ расплакалась. Да, впрочемъ, чортъ съ ними! Я бы и радъ; очень ужь надоѣло это столь постоянное знакомство.

— А у Норковъ какъ?

— Тамъ... мы занимаемся, сказалъ, принимая серьёзное выраженіе, Истоминъ.

— И успѣваете?

Художникъ взглянулъ на меня, улыбнулся и, расправляя усъ, отвѣчалъ:

— И успѣваемъ.

— А далѣе что̀ будетъ, Романъ Прокофьичъ?

— А-а! Вы вѣрно ко мнѣ и волей, и неволей, и своей охотой. Почтенное семейство, вѣрно, ужь не радо и дешевизнѣ? Успокойте ихъ пожалуйста: это вѣдь полезно дѣвочкамъ—это ихъ развиваетъ.

— А если этого развитія, Романъ Прокофьичъ, не желаютъ совсѣмъ? Если его боятся?

— Да вздоръ все это! совсѣмъ никто ничего и не боится; а это все Идиша эта сочиняетъ. Этакой, чортъ ее возьми, крендель выборгскій, проговорилъ онъ съ раздраженіемъ, садясь къ столу, и тутъ же написалъ m-me Норкъ записку, что онъ искренно сожалѣетъ, что по совершенному недосугу долженъ отказаться отъ уроковъ ея дочери. Написавъ это, онъ позвалъ своего человѣка и велѣлъ ему отнести записку тотчасъ же къ Норкамъ.

Послѣ этого мы опять встрѣчались съ Истоминымъ изрѣдка и только на минуты, а къ тому же настала весна—оба мы спѣшили разстаться съ пыльнымъ Петербургомъ и оба въ половинѣ апрѣля уѣхали: я на Днѣпръ, а Истоминъ—въ Ялту.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мы съ Идой Ивановной ничего не говорили о Манѣ, и я, признаюсь, не замѣчалъ въ Манѣ никакой перемѣны; я и самъ склоненъ былъ думать, что Ида Ивановна все преувеличиваетъ и что опасенія ея совершенно напрасны; но когда я пришелъ къ нимъ, чтобы проститься передъ отъѣздомъ, Ида Ивановна сама ввела меня во всѣ свои опасенія.

Это было вечеромъ, въ довольно поздніе весенніе сумерки. Мани и m-me Норкъ не было дома. Я только простился съ старушкой-бабушкой и вышелъ снова въ магазинъ къ Идѣ Ивановнѣ. Дѣвушка сидѣла и вязала какую-то косынку.

— Присядьте, сказала она: — посидимте вдвоемъ напослѣдяхъ.

Я сѣлъ.

— Истоминъ тоже ѣдетъ? спросила Ида.

— Да, онъ ѣдетъ.

— Зачѣмъ онъ пересталъ совсѣмъ бывать у насъ?—Какъ это нехорошо съ его стороны!

— Вѣдь вы же сами, Ида Ивановна, говорю, этого желали.

— Нѣтъ, я этого никогда не желала, отвѣчала она тихо, покачавъ головою. -Я желала, чтобы не было болѣе уроковъ— это правда, я этого желала; но чтобы онъ совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить, чтобы показалъ этимъ пренебреженіе къ нашему семейству... я этого даже не могла пожелать.

— Да что жь вамъ до этого пренебреженія?

— Да я совсѣмъ не о пренебреженьи говорю.

— А для всего другаго это еще лучше.

— Нннѣтъ! Из-звините!—не лучше, а это очень нехорошо; «для всего остальнаго» это ужасно нехорошо! Я понимаю эту скверную, злую тактику и вы ее тоже сейчасъ поймете, сказала

она, вставая, и чрезъ минуту возвратилась съ знакомымъ мнѣ томомъ Пушкина.

— Это что̀ такое? спросила она, поднося къ моимъ глазамъ развернутую книгу и указывая пальцемъ на гланцифру.

— *Моцартъ и Сальери*, прочиталъ я.

— А это? спросила Ида тѣмъ же тономъ, и водя пальцемъ по чуть замѣтнымъ желтоватымъ пятнамъ на бумагѣ.

— Слезы, что ль? отвѣчалъ я, недоумѣвая.

— А это слезы! произнесла, возвысивъ голосъ, Ида и съ холоднымъ презрѣніемъ далеко отшвырнула отъ себя книгу.

Такъ я оставилъ семейство Норковъ на цѣлое лѣто.

XII.

Украинская осень удержала меня до тѣхъ поръ, пока бѣлые днѣпровскіе туманы совсѣмъ перестали о полуночи спускаться облачною завѣсою и, зарею, взмывать волнами къ голубому небу. Я переѣхалъ днѣпровскій мостъ въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца; прострадалъ дней десять въ дорогѣ и, наконецъ, измученный явился въ Петербургъ. Здѣсь ужь было очень холодно и, по обыкновенію, сыро, что̀, впрочемъ, все-таки идетъ Петербургу гораздо болѣе, нежели его демисезонное лѣто, которое ему совсѣмъ не къ лицу, не къ чину и не къ характеру, которое ему никогда не удается, да и вовсе ему ненужно: зима съ окаменѣвшею Невою, съ катками, оперой и съ газомъ въ фонаряхъ ему гораздо больше кстати.

А лѣтомъ скученъ этотъ городъ
Съ его туманомъ и водой!

Не дай вамъ Богъ, свѣжій человѣкъ, пріѣхать сюда впервые лѣтомъ: здѣсь нѣтъ ничего, чѣмъ тепло и мило лѣто въ нашихъ пыльныхъ Кромахъ и въ Пирятинѣ:

Нѣтъ милыхъ сплетенъ—все сурово;
Законъ сидитъ на лбу людей,
Все удивительно и ново,
А нѣту теплыхъ новостей.

Своей волею я никогда не поѣду въ Петербургъ лѣтомъ и никому этого не посовѣтую. Въ тотъ годъ, къ которому относится мой разсказъ, я пріѣхалъ сюда осенью. Запасшись той благодатною силой, которую льетъ въ изнемогшій составъ человѣка украинское свѣтлое небо—это чудное, всеобновляющее небо, подъ которое знакомая съ нимъ душа такъ назойливо просится, подъ которое вѣчно что-то манитъ неизбалованнаго природой русскаго художника и откуда, увы! также вѣчно гонятъ его на сѣверъ ханжи, мораль и добродѣтель. Истомина я уже засталъ въ Петербургѣ; онъ вернулся сюда назадъ тому мѣсяца два, успѣлъ осмотрѣться и работалъ; даже, по собственнымъ его словамъ, очень усердно и очень успѣшно работалъ. Встрѣтились мы съ нимъ пріятелями; разсказали другъ другу, какъ кто провелъ лѣто; а о Норкахъ ни я его ничего не спросилъ, ни онъ мнѣ не сказалъ ни слова.

Мнѣ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ долгой отлучки, предстояло много непріятныхъ хлопотъ: прозябшая квартира отогрѣвалась плохо; вездѣ, кромѣ одной комнаты, примыкавшей къ мастерской Истомина, подъ потолками держалась зелеными облаками вредная сырость; окна холодно плакали и мерзли: все было не на своемъ мѣстѣ и ни къ чему не хотѣлось притронуться. «Прислуга» моя, соблюдавшая до сихъ поръ непростительную экономію на топливѣ, теперь, въ моихъ же интересахъ, непремѣнно хотѣла привести все въ должный порядокъ двумя своими старческими руками, и оттого все у насъ съ нею шло ужасно медленно. Прошла недѣля со дня моего возвращенія въ Петербургъ, а я все еще ютился въ одной комнатѣ: ни къ кому изъ

знакомыхъ не показывалъ глазъ, и только сумерками выходилъ пройтись по набережной и тѣмъ же слѣдомъ назадъ домой.

Два, или три раза, когда я возвращался съ этихъ прогулокъ, на встрѣчу мнѣ на нашей лѣстницѣ попадалась какая-то востроглазая, черненькая дѣвочка, лѣтъ восемнадцати, одѣтая въ темное шерстяное платье, фланелевый клѣтчатой салопъ и красный терновый капоръ. Такъ-какъ по этой лѣстницѣ въ цѣломъ этажѣ не жило никого, кромѣ меня и Истомина, то мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову, что̀ это за дѣвушка и куда она ходитъ? Я даже освѣдомился объ этомъ у своей Эрнестины Крестьяновны, но моя «прислуга» не могла дать мнѣ на этотъ счетъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Потомъ, случилось мнѣ какъ-то дня черезъ два выйдти изъ дому часу въ девятомъ вечера, и только что я переступилъ порогъ своей двери, какъ у дверей Истомина предсталъ мнѣ знакомый красный капоръ. При моемъ появленіи, капоръ быстро повернулся ко мнѣ спиною и сильно дернулъ два раза мѣдную шишку звонка.

Дверь Истомина отворилась, и голосъ Янка сказалъ гостьѣ: оборвешь такъ, востроглазая!

Что̀ же еще было добиваться, что это за дѣвица? Человѣкъ же былъ и Янко; нуженъ же былъ, разумѣется, и ему свой романъ въ жизни.

Позднѣйшія обстоятельства показали, что̀ правильное появленіе вечерами на нашей лѣстницѣ этой востроглазой дѣвушки, въ самомъ дѣлѣ, было достойно особеннаго вниманія, но что хотя Янко, въ качествѣ живого человѣка, имѣлъ полнѣйшее право на свой собственный романъ въ Петербургѣ, однакоже, тѣмъ не менѣе, эта востроглазая особа совсѣмъ не была героинею его романа.

XIII.

Есть на свѣтѣ такіе люди (и ихъ очень немало), которые необыкновенно легко привязываются ко всему: къ мѣстамъ, къ людямъ, къ собакамъ, къ изношеннымъ туфлямъ, къ дерзкой прислугѣ и къ старому халату. Такіе люди разлучаются съ предметами своей привязанности только въ случаѣ самой крайней необходимости, или по причинамъ отъ нихъ независящимъ; да и то для нѣкоторыхъ изъ такихъ людей всякая подобная разлука необыкновенно тяжела и долгое время совершенно невознаградима, а иногда и совсѣмъ непереносна. Я зналъ одного человѣка, очень умнаго, образованнаго и въ своемъ родѣ стоика, который съ геройскимъ мужествомъ переносилъ отъ своей жены самыя страшныя семейныя сцены за привязанность къ старому ватному халату; и у этого халата ниже поясницы давно была огромная дыра, обшлага мотались бахрамою, углы полъ представляли рядъ смётанныхъ на живую нитку лентъ, или покромокъ. Этотъ привязчивый человѣкъ, опасаясь за судьбу своего износившагося друга, самъ тщательно запиралъ его въ гардеробный шкафъ и всячески охранялъ его отъ рукъ давно покушавшейся на него супруги. Но, несмотря на все это, драгоцѣнный халатъ все-таки въ

одинъ прекрасный день исчезъ изъ гардероба и на мѣстѣ его висѣлъ новый. Такимъ это было горемъ для моего знакомаго, что у него чуть не развилась настоящая nastalgia, со всѣми явленіями рекрутской тоски по родинѣ. Прошли съ тѣхъ поръ цѣлые годы, а онъ все, глядишь, при какомъ нибудь разговорѣ о хорошихъ вещахъ и заговоритъ: нѣтъ, вотъ, господа, былъ у меня одинъ разъ халатъ, такъ ужь никогда у меня такого халата не будетъ — мяконькій, пріятный!

— Да помилуйте, утѣшали его, у васъ и этотъ халатъ прекрасный.

— Ну, ужь какой же это прекрасный халатъ! Какъ его можно назвать прекраснымъ! возражалъ мой знакомый.—Тотъ халатъ, я вамъ говорю, былъ такой, что сидишь въ немъ, бывало, точно въ литерной ложѣ въ большомъ театрѣ.

Я тоже имѣю несчастіе принадлежать къ этому несчастному разряду людей, одаренныхъ непрактичною способностью привыкать и привязываться къ вещамъ, къ мѣстамъ и — что̀ всего опаснѣе — къ людямъ.

Пока моя запущенная квартира устроивалась и приводилась въ порядокъ, я по необходимости держался одного моего кабинетца, или даже, лучше сказать, одного дивана, который стоялъ у завѣшенной сукномъ двери на половину Истомина; и такъ я за это время пріучился къ этому уголку, что когда въ жилищѣ моемъ все пришло въ надлежащій порядокъ, я и тогда все-таки держался одного этого угла.

Одинъ разъ, въ самыя сумерки, усталый болѣе чѣмъ когда либо, я почувствовалъ легкую нервную дрожь, завернулся въ теплый мерлушечій тулупчикъ, прилегъ въ уголокъ дивана и забылся очень крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Снилась мнѣ золотая Украйна, ея рѣки глубокія и чистыя; сѣдые глинистые берега, покры-

тые блѣдно-голубою каймою цвѣтущаго льна; лица, лица, ненавистно-милыя лица, стоившія столькихъ слезъ, столькихъ терзающихъ скорбей и гнетущаго горя, и вдругъ все это тряслось, рѣдѣло, замѣнялось темнымъ боромъ, въ которомъ лохматою вѣдьмою носилась метель и съ дикимъ визгомъ обсыпала тонкими, иглистыми снѣжинками лукавую фигуру лѣшаго, а самъ лѣшій сидѣлъ гдѣ-то подъ сосною и, не обращая ни на что вниманія, подковыривалъ пенькою старый лыковый лапоть. Смѣнялась и эта картина, и шевелилось передо мною какое-то огромное, ослизшее, холодное чудовище, съ миріадами газовыхъ глазъ на черномъ, шевелящемся тѣлѣ, по которому ползли, скакали, прыгали и спотыкались куда-то вѣчно спѣшащіе люди; слышались сиплыя рѣчи, дѣтскіе голоса, распѣвавшіе подъ звуки разбитыхъ шарманокъ, и темный уголъ моей комнаты, въ окнѣ которой слабо мерцалъ, едва достигавшій до него свѣтъ уличнаго фонаря. Мнѣ все спалось; спалось нѣсколько слабѣе, но еще слаще и, ютясь все крѣпче въ уголокъ моего дивана, я вдругъ услыхалъ, какъ чей-то маленькій голосъ откуда-то изъ-подъ шерстяной обивки говорилъ кому-то такія ласковыя рѣчи, что именно, кажется, такія рѣчи только и могутъ прислышаться во снѣ. Никакъ я не могъ запомнить этихъ хорошихъ словъ и сталъ просыпаться.

— Мой идолъ... идолъ... и-д-о-л-ъ! съ страстнымъ увлеченіемъ говорилъ маленькій голосъ въ минуту моего пробужденія.—Какой ты пріятный, когда ты стоишь на колѣняхъ!... Какъ я люблю тебя, какъ много я тебѣ желаю счастья! Я вѣрю, я просто чувствую, я знаю, что тебя ждетъ слава; я знаю, что вся эта мелкая зависть передъ тобою преклонится и женщины толпами цѣлыми будутъ любить тебя, боготворить, съума сходить. Моя любовь читаетъ все впередъ, что̀ будетъ; она чут-

ка, мой другъ! мой превосходный, мой божественный художникъ!

Романъ Прокофьичъ сдѣлалъ слабое, чуть слышное движеніе.

— Постой, постой! остановилъ его маленькій голосъ.—Останься такъ; постой передо мною на колѣняхъ. Я такъ люблю ласкать тебя, мой славный. Ты такъ *высокъ*, что я не достаю твоихъ кудрей, когда ты встанешь. А я люблю! какъ я люблю вотъ эти черныя — вотъ эти демонскія кудри!... Охъ, когда-бъ ты зналъ, какъ я люблю тебя, мой Ромцю! Какъ много я тебѣ желаю счастья, славы и... любви... Постой, постой! ...дай мнѣ сказать тебѣ про все. Ты знаешь... я дышать вотъ не могу, когда вдвоемъ съ тобою. Въ груди тутъ у меня, нѣтъ... этого... нѣтъ ничего того, что̀ тамъ у всѣхъ бываетъ, а только—сердце. Огромное, во всей груди все сердце... и въ этомъ сердцѣ все огонь; огонь и рана—Ромцю... И мнѣ такъ хочется тогда... вотъ и теперь... такое что-то сдѣлать для тебя... что̀ было-бъ выше силъ моихъ... Когда бы ты зналъ, какъ хочется мнѣ быть для тебя... несчастной... такой несчастной, чтобы мое несчастье испугало бы всѣхъ... а чтобы ты... О, чтобы ты былъ счастливъ! счастливъ!... и что бы это счастье я тебѣ купила! Но... я не знаю... а ты не говоришь, что̀ сдѣлать для тебя. Ка̀къ мнѣ погибнуть? ка̀къ? Учи меня, учи, учи скорѣе, Ромцю...

Маленькій голосъ задрожалъ и продолжалъ, трясясь и млѣя:

— Мнѣ снилось разъ, какое счастье... Не помню, я чего-то начиталась, усталая уснула, и вижу, что на тебѣ вѣнокъ; и что тебя везутъ въ какой-то колесницѣ; что женщины всѣ на колѣняхъ стоятъ передъ тобою и говорятъ про что-то, про славу, про любовь или еще про что-то... а я ничего не умѣю сказать тебѣ. Не умѣю даже сказать, что я люблю тебя и... Постой, Ромцю! Постой, не уходи... Я бросилась подъ лошадей твоихъ и ихъ

копыта, и эти острыя колеса впились мнѣ въ грудь... и такъ легко мнѣ было, Ромцю. Ахъ, какъ легко! ахъ, какъ легко!—какое было счастье! О, гдѣ тотъ Римъ, въ который я могу нести вслѣдъ за тобой твой мольбертъ, холстъ, твою палитру, краски... Боже! Боже! какія горести, какое зло ты можешь мнѣ послать, чтобъ я забыла за ними благословлять тебя, если только одинъ лучъ его славы упадетъ на мою голову? Оставь, брось этотъ страшный городъ! Брось деньги, брось, возненавидь ихъ... Пойдемъ! Пойдемъ отсюда, мой Ромцю! Мы станемъ жить одни, тихонько; къ намъ не заглянетъ скука — не бойся. И когда ты будешь счастливъ, славенъ... и тогда... О, что̀ жь тогда?... О, говори мнѣ, что̀ жь тогда, когда всѣ будутъ знать, что я тебя лелѣяла, что я тебѣ служила?... что я твой другъ!...

— Что ты моя любовь.

— Что я твоя любовь!... О, нѣтъ, ненужно, чтобы это знали, пока я буду жить... Нѣтъ... тогда... я поскорѣй умру, и на моей могилѣ пускай напишутъ, что *ты* любилъ меня! Живой ты мнѣ одной, наединѣ... скажи одно *спасибо*.

— А ты мнѣ чѣмъ отвѣтишь?

Вышла коротенькая паузка, послѣ которой, слабый голосокъ стыдливо и восторженно сказалъ:

— Я чѣмъ отвѣчу?

— Поцалуемъ?

— Да.

— Однимъ?

— Ахъ, полно говорить объ этомъ!

— Мильйономъ, если хочешь.

— Мильйонъ! мильйонъ! охъ, какъ далеко тотъ мильйонъ!

Истоминъ смолчалъ секунду, и прошепталъ:

— Сейчасъ... теперь... сію минуту...

— Руки! руки больно! руки!

— Одинъ, сейчасъ въ задатокъ! Сейчасъ, сейчасъ — онъ все равно, одинъ изъ моего мильйона.

— Одинъ... ты лжешь; ты страшенъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не бойся. Я вѣдь одинъ.

Она была въ смущеньи и молчала.

— Отказъ?

— Нѣтъ; на, цалуй.

— Да; разъ... одинъ; но безконечный! и онъ смялъ и задушилъ ее въ своихъ объятьяхъ.

Позднѣе опять слышался разговоръ, но такой частый, что его понять было невозможно; слова неслись какъ мелкій песокъ, сгоняемый вѣтромъ съ пригорка въ долину. Мнѣ опять стало спаться и стала сниться эта долина, сухая, сѣрая, пыльная, безъ зелени, совсѣмъ безъ призрака жизни; вѣтеръ гналъ въ нее тучи песчаной пыли, свивалъ ихъ столбомъ облачнымъ и шибко поднималъ вихремъ къ небу. Въ самой серединѣ этого крутящагося сѣраго столба мелькала тоже совершенно сѣрая, изъ пыли скатанная человѣческая фигура; она долго вертѣлась валуномъ и наконецъ разсыпалась, и когда она разсыпалась, я увидалъ, что это была бабушка Норкъ.

Я проснулся совсѣмъ; за стѣной у меня было все тихо; на улицѣ мерцали фонари; гдѣ-то ныла разбитая шарманка и подъ ея унылые звуки разбитый голосъ пѣлъ:

Танценъ дами, стидъ откиновъ,
Кавалеренъ безъ затѣй,
Схватитъ дѣвишка, обниметъ,
И давай вертѣться съ ней.

XIV.

Былъ вскорѣ за этимъ новый человѣконенавистный петербургскій день съ семью различными погодами, изъ которыхъ самая лучшая въ одно и то же время мочила и промораживала. Пробитый наскозь чичеромъ, чередовавшимся съ гнилою мокрядью и морозомъ, я возвратился домой съ насморкомъ и лихорадочнымъ ознобомъ, и совсѣмъ больной, укутавшись потеплѣе, повалился на свой уютный диванъ. Дышалось мнѣ тяжело и во всемъ тѣлѣ безпрестанно ощущалась непріятная наклонность вздрагивать; но тѣмъ не менѣе я, должно быть, заснулъ очень скоро, потому что скоро же очень изъ моей пустой и темной залы стали доноситься до меня мягкіе, но тяжелые медвѣжьи шаги, сапъ, глубокіе вздохи и какое-то мягкое кувырканье. Прошла еще пара минутъ, и въ дверяхъ, прямо противъ моего лица, показался на заднихъ лапахъ огромный, бурый съ просѣдью медвѣдь. Онъ держался одною переднею лапою за притолку, медленно покачивался и, далеко высунувъ свой пурпурно-красный языкъ, тяжело дышалъ и щурился. Отъ него, какъ отъ раскаленной чугунной печки, било въ меня несноснымъ, сухимъ жаромъ; лишенный всякаго эпителія, тифозный языкъ моего гостя мотался и вздрагивалъ:

его липнущіе маленькіе глаза наводили дрему непробудную. Медвѣдь подошелъ къ моему дивану, закрылъ мое лицо своей пушистой грудью и началъ лизать мою голову своимъ острымъ языкомъ. Не могъ я опредѣлить себѣ—хорошо мнѣ отъ этого, или худо; не могъ я крикнуть, не въ силахъ былъ повернуться. Сгорая сухимъ жаромъ горячки, я безпрестанно путался въ какихъ-то нелѣпыхъ представленіяхъ, слышалъ то дѣтскій шопотъ, то медвѣжьи вздохи, то звонъ и заунывную пѣсню «про солому». Это становилось несносно; хотѣлось во что нибудь вслушиваться, что̀ нибудь понять и проснуться, но развинченное тѣло лежало пластомъ, и всякія трезвыя впечатлѣнія были чужды больной головѣ моей. Въ такомъ состояніи прошло, должно быть, очень много времени, прежде чѣмъ окружающій меня горячій воздухъ сталъ какъ будто немного тонѣть, разрѣжаться и съ тѣмъ вмѣстѣ заворочался и началъ спускаться къ ногамъ давившій меня медвѣдь.

Едва онъ чуть поосвободилъ мою голову, до моего слуха сейчайсъ же, съ первою же струйкою свѣжаго воздуха, донеслось какое-то знакомое, необыкновенно ласковое слово.

Я ту же секунду по этому голосу узналъ знакомый маленькій голосъ, но мозгъ мой все-таки безпрестанно сбивался съ пути, усыпалъ и путался. Ласковыя слова долетали до меня съ различными перерывами, и повременамъ совсѣмъ какъ-то доходили звуками безъ значенія.

— Я не могу, говорилъ мужской голосъ: — я люблю тебя, тебя одну и тебя первую люблю я. Я чувствую, что при тебѣ только я становлюсь хоть на минуту человѣкомъ.

— Не говори этого, Ромцю; ты самъ не знаешь, чего ты хочешь, отвѣчалъ маленькій голосъ.

— Я рѣшилъ это, говорилъ Романъ Прокофьичъ:—слышишь, я рѣшилъ. Я готовъ сдѣлать это противъ твоей воли.

— Поди, поди лучше сюда и сядь!... Сиди и слушай, начиналъ голосъ:—я не пойду за тебя замужъ ни за что; понимаешь: *ни за что на свѣтѣ!* Пусть мать, пусть сестры, пусть бабушка, пусть всѣ просятъ, пусть онѣ стоятъ передо мною на колѣняхъ, пускай умрутъ отъ горя — я не буду твоей женой... Я сдѣлаю все, все, но твоего несчастья... нѣтъ... ни за что! нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что ты меня не понимаешь. Ты говоришь, что я ребёнокъ... Да развѣ-бъ я не хотѣла быть твоею Анной Денманъ... Но, Боже мой! когда я знаю, что я когда-нибудь переживу твою любовь, и чтобъ тогда, когда ты перестанешь любить меня, чтобъ я связала тебя долгомъ? чтобъ ты, противъ желанья всякаго, обязанъ былъ работать мнѣ на хлѣбъ, на башмаки, дѣтямъ на одѣяла? Чтобъ ты меня возненавидѣлъ послѣ? Нѣтъ, Романъ! Нѣтъ! я не такъ тебя люблю: *я за тебя* хочу страдать, но не хочу твоихъ страданій.

— О, Боже мой, о Боже мой! какъ хороша, какъ дивно хороша ты, Маня! прошепталъ Истоминъ.

— Опять все красота!

— Всегда о красотѣ. Она моя! моя! Скажи скорѣй: моя она?

— Твоя.

— Уйди-жь теперь.

— Зачѣмъ?... Куда идти?

— Бѣги, спасайся... Ты думаешь, я человѣкъ? Нѣтъ; я не человѣкъ: въ меня съ твоимъ вчерашнимъ поцалуемъ вошелъ нечистый духъ, глухой ко всѣмъ страданіямъ и слезамъ... бѣги. Онъ жертвы, жертвы проситъ!

— Жертвы!

— Да! тебя, тебя онъ требуетъ на жертву.

— На жертву?... Я готова.

— Ребёнокъ! понимаешь ли, что̀ ты сказала? Понятно ли тебѣ, какой я жертвы требую?

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣтила Маня.

— О, дьяволъ! тебѣ такого чистаго ягненка еще никто не приносилъ на жертву!

— Я ничего не понимаю. Мнѣ жаль тебя, мой Ромцю; жаль... тебя мнѣ жаль!

— Такъ поцалуй меня скорѣе.

— Цалую; на, цалую!

— Цалуй... такъ, какъ ты меня цалуешь... да какъ ты сестеръ цалуешь... иначе, ждетъ бѣда!... Нѣтъ; я не поцалую тебя!

И долго, долго было и тихо, и жутко; и вдругъ среди этой мертвой тишины сильный голосъ нервно вскрикнулъ: «я погублю тебя!» и въ то же мгновенье прозвучало тихое, но смѣлое «губи!»

— Маня! Маня! усиливался я закричать сколько было мочи, но чувствовалъ сквозь сонъ, что изъ устъ моихъ выходили какіе-то нѣмые, неслышные звуки. Маня! попробовалъ я вскрикнуть въ совершенномъ отчаяніи и, сдѣлавъ надъ собой послѣднее усиліе, спрыгнулъ въ полуснѣ съ дивана такъ, что старыя пружины брязнули и загудѣли.

На этотъ шумъ изъ-за истоминскихъ дверей отвѣтилъ слабый, перекушенный стонъ.

Какъ ошеломленный ударомъ въ голову, выскочилъ я въ другую комнату и прислонился лбомъ къ темному, запотѣвшему стеклу. Въ глазахъ у меня вертѣлись тонкія огненныя кольца, мелькалъ бѣлый лобикъ Мани и ея маленькая, закушенная губка.

Я перебѣжалъ впопыхахъ свою залу, схватилъ въ передней съ вѣшалки пальто, взялъ шляпу и выскочилъ за двери. Спу-

скаясь по лѣстницѣ, слабо освѣщенной крошечною камфинною лампою, я на одномъ поворотѣ, носъ къ носу, столкнулся съ какою-то маленькой фигурой, которая быстро посторонилась и, какъ летучая мышь, безъ всякаго шума шмыгнула по ступенямъ выше. Когда эта фигурка пробѣгала подъ лампою, я узналъ ее по темному шерстяному платью, клѣтчатому фланелевому салопу и красному капору.

Спѣшными и неровными шагами обогнулъ я торопливо линію, перебѣжалъ проспектъ и позвонилъ у домика Норковъ.

Мнѣ отперла дверь Ида Ивановна. Держа въ одной рукѣ свѣчу, она посмотрѣла на меня безъ всякаго удивленія, отодвинулась къ стѣнкѣ и съ своей обыкновенной улыбкой нѣсколько комически произнесла: «честь и мѣсто».

— Здравствуйте, Ида Ивановна! началъ я, протягивая ей руку.

— Проходите, проходите, тамъ успѣемъ поздороваться, отвѣчала дѣвушка, поворачивая въ двери довольно тугой ключъ.

Въ маленькой гостиной сидѣли за чаемъ бабушка и madame Норкъ

— О, хорошо жь вы насъ любите! первая заговорила на встрѣчу мнѣ старушка.

— Да, хорошо вы съ нами сдѣлали! поддерживала ее, съ относящимся ко мнѣ упрекомъ, madame Норкъ. — Мѣсяцъ, слышимъ, въ Петербургѣ, и навѣстить не придетъ. Я Идинькѣ ужь нѣсколько разъ говорила, что̀ бы это, говорю, Идинька, могло такое значить?

— А Ида Ивановна, спрашиваю, что̀ же вамъ отвѣчала?

— Не помню я что-то, что̀ она мнѣ такое отвѣчала.

— Кажется, ничего, мама, не отвѣчала, откликнулась Ида и поставила передо мною стаканъ чаю.

Я освѣдомился о Бертѣ Ивановнѣ, о ея мужѣ и даже о Гер-

манѣ Верманѣ спросилъ, и обо всѣхъ объ нихъ получилъ самыя спокойныя извѣстія; но спросить о Манѣ никакъ не рѣшался. Я все ждалъ, что Маня дома, что вотъ-вотъ она сама вдругъ покажется въ какой нибудь двери и разомъ сдунетъ всѣ мои подозрѣнія.

— А слыхали вы, у насъ въ аннинской школѣ недавно какое ужасное несчастіе-то было? начала послѣ первыхъ привѣтствій Софья Карловна.

— Нѣтъ, говорю, не слыхалъ. — Что̀ такое?

— Ахъ, ужасно! Представьте себѣ, одна маленькая дѣвочка стальное перо проглотила.

— Это бываетъ въ школахъ, подсказала вздохнувши бабушка.

— Да, это бываетъ по тремъ причинамъ, проговорила Ида Ивановна.

— Что̀ такое, другъ мой, по тремъ причинамъ? прошептала старушка.

— Это, бабушка, такъ говорится.

— Какъ говорится?

— Ахъ, Боже мой, бабушка! Ну, просто такъ говорятъ, что все, что̀ бываетъ, бываетъ по тремъ причинамъ.

— Все-то ты, Идинька, врунья; всегда ты все что нибудь врешь, произнесла серьёзно Софья Карловна и тихонько добавила:—Охъ, эти дѣти, дѣти! Сколько за ними, право, смотрѣть надо! Вы вотъ не повѣрите, кажется ужь Маня и не маленькая, а каждый разъ, пока ее не дождешься, богъ-знаетъ чего не надумаешься.

— А гдѣ же, говорю, Марья Ивановна?

— А на урокѣ. Уроки пѣнія тутъ эти Шперлинги затѣяли; оно, конечно, уроки обходятся недорого, потому что много ихъ тамъ—дѣвицъ двадцать, или еще и больше разомъ собирается,

только все это по вечерамъ... такъ, право, непріятно, что мочи нѣтъ. Идетъ ребенокъ съ одной дѣвчонкой... на улицѣ можно ждать непріятностей.

— Kleine непріятность не мѣшаетъ grosse удовольствію, muterchen! пошутила Ида Ивановна.

— Охъ, да полно тебѣ, право, остроумничать, Ида! отвѣчала съ неудовольствіемъ m-me Норкъ. — Совсѣмъ неумно это твое остроуміе. А мы нынче тоже какъ-то прескучно провели время, продолжала она, обратившись ко мнѣ. — Ѣздили раза два въ Павловскъ, да все не съ кѣмъ, все и тамъ было скучно.

— Съ кукушкой говорили, сказала Ида.

— Да; сядемъ да спрашиваемъ, сколько кому лѣтъ жить? Мнѣ все семь, или восемь, а Маня спроситъ, она сразу и замолчитъ.

— А вамъ, Ида Ивановна?

— О, ей, кажется, сто лѣтъ куковала. Ужь она, бывало, кричитъ ей: «будетъ! будетъ! довольно!» а та все кукуетъ.

— Я безсмертная, проговорила Ида.

— Ну да, какъ же, безсмертная!

— Увидите.

— Ну да, разсказывай, разсказывай! Глупая ты, право, Ида! пошутила развеселившись старушка.

Ида, кажется, этого только и добивалась: она сейчасъ же обняла мать и держа ее за плечи руками, говорила весело:

— Всѣ, умрутъ, мамочка на островѣ, всѣ, всѣ, всѣ; а я все буду жить здѣсь.

— Почему-жь это такъ? смѣялась, глядя въ глаза дочери, старушка.

— А потому, что безъ меня, мама, здѣсь ничему быть нельзя.

— О, шутиха, шутиха!

Мать съ дочерью снова весело обнялись и поцаловались.

*

Въ это же время у парадной двери рѣзко брязгнулъ и жалобно закачался звонокъ.

Софья Карловна вздрогнула, вскочила со стула и даже вскрикнула.

— Ну, да что́ же это такое со мной въ самомъ дѣлѣ? произнесла она, жалуясь и держась за сердце.—Ида! чего же ты стоишь?

Ида Ивановна пошла отпереть дверь и мимоходомъ толкнула меня за ширму, чтобы показать Манѣ сюрпризомъ.

Черезъ секунду въ магазинѣ послышалось разомъ нѣсколько легкихъ шаговъ, и Ида Ивановна сказала, что у нихъ былъ я, и только будто бы ушелъ сію минуту.

Маня ничего не отвѣтила.

— Вы его не встрѣтили? продолжала Ида Ивановна.

— Нѣтъ, не встрѣтили, уронила чуть слышно Маня. Она сняла съ головы капоръ, подошла прежде къ материной, а потомъ къ бабушкиной рукѣ и молча сѣла къ налитой для нея чашкѣ.

Я глядѣлъ на Маню сквозь широкій створъ ширменныхъ полъ: она немножко подвыросла, но перемѣнилась очень мало; лицо ея было, по обыкновенію, блѣдно и хранило нѣсколько неестественное спокойствіе, которому рѣзко противорѣчила блудящая острота взгляда.

Я вышелъ изъ-за ширмы и подошелъ къ столу. Маня прищурила свои глаза, всмотрѣлась въ меня и сказала: такъ вотъ это въ чемъ дѣло! Съ этими словами она протянула мнѣ свою ручку, спросила, какъ я здоровъ, давно ли пріѣхалъ, и опять спокойно занялась чаемъ, а въ комнату вошла горничная дѣвушка съ трубкою перевязанныхъ лентою нотъ и положила ихъ на столъ волѣ Мани. Хотя на этой дѣвушкѣ не было теперь клѣтчатаго салопа, но на ней еще оставался ея красный капоръ, и я узналъ ее по этому капору съ перваго взгляда.

Кончено! подумалъ я себѣ, глядя на Маню. А она сидитъ такая смирненькая, такая тихонькая, что именно какъ рыбка, и словечка не уронитъ. Даже зло какое-то беретъ, и не знаешь, на что злиться.

А впрочемъ, и что же мнѣ такое въ самомъ дѣлѣ Маничка Норкъ? На погостѣ жить—всѣхъ не оплачешь, разсуждалъ я снова, насилу добравшись до своей постели.

На другое утро я ужь совсѣмъ никакъ не могъ подняться; прокинешься на минуточку и опять сейчасъ одолѣваетъ тяжелая спячка. Я послалъ за докторомъ и старался крѣпиться. Часу во второмъ ко мнѣ вошелъ Истоминъ; онъ былъ необыкновенно счастливъ и гадокъ; здоровое лицо его потеряло всю свою мягкость и сіяло отвратительнѣйшимъ самодовольствомъ.

— Нездоровы? спросилъ онъ меня отрывисто.

Я отвѣчалъ, что боленъ, и не сказалъ ему болѣе ни слова. Истоминъ отошелъ къ окну, постоялъ, побарабанилъ пальцами по стекламъ, и затѣмъ, замѣтивъ мнѣ наставительно, что «надо беречься», вышелъ.

Съ этой минуты я не видалъ ни Истомина, ни Мани въ теченіе очень долгаго времени, потому что у меня начался тифъ, послѣ котораго я оправлялся очень медленно.

XV.

Подходило дѣло къ веснѣ. Въ Петербургѣ хотя еще и не ощущалось ея приближенія, но люди, чуткіе къ жизни природы, начинали уже порываться вдаль, кто подъ родныя, сельскія липы, кто къ чужимъ краямъ. «Прислуга» моя донесла мнѣ, что Романъ Прокофьичъ тоже собирается заграницу, а потомъ вскорѣ онъ и самъ какъ-то удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Думаю проѣхать въ Италію, объявилъ онъ мнѣ.

Я принялъ это извѣстіе очень спокойно и даже не вспомнилъ, кажется, въ эту минуту о Манѣ, а только спросилъ Истомина, какъ же быть съ квартирой?

— А пусть все такъ и остается, какъ было; я къ осени ворочусь.

— Ну, говорю, и прекрасно.

Недѣли черезъ полторы или черезъ двѣ онъ уѣхалъ и не подавалъ ни мнѣ, ни слугѣ своему никакой вѣсточки. На первыхъ порахъ послѣ его отъѣзда, онъ прислалъ нѣсколько писемъ Манѣ, которыя были адресованы въ его пустую квартиру. За этими письмами прибѣгала та же черномазенькая дѣвочка, и черезъ нее они, вѣроятно, исправно попадали въ руки Мани. Я не уча-

щалъ къ Норкамъ и, когда ужь необходимо было завернуть къ нимъ, заходилъ на самое короткое время. Ужасно тяжело было мнѣ всѣхъ ихъ видѣть и думать: «ахъ, друзья мои, не знаете вы, какая надъ вами бѣда рухнула!» Что же касается до самой Мани, то кроткая, всегда мало говорившая, всегда молчаливая дѣвушка, ничѣмъ не выдавала своего душевнаго состоянія: она только прозрачнѣла, слегка желтѣла, какъ топазъ, и Софья Карловна не разъ при мнѣ печалилась, что у Мани волосы начали ужасно сѣчься и падать.

Старушки дѣлали мнѣ часто выговоры и замѣчанія, что я ихъ разлюбилъ и забываю и Маня тоже нѣсколько разъ спрашивала меня, чѣмъ онѣ мнѣ надоѣли? Только одна Ида никогда не заводила объ этомъ никакой рѣчи ни въ серьёзъ, ни въ шутку. Я очень хорошо чувствовалъ, что это не было со стороны Иды холоднымъ равнодушіемъ къ характеру нашихъ отношеній, а сдавалось мнѣ, что она какъ будто видѣла меня насквозь и понимала, что я не пересталъ любить ихъ добрую семью, а только неловко мнѣ бывать у нихъ чаще. Не знаю я, чѣмъ Ида объясняла себѣ эту мою неловкость, но только она всегда деликатно освобождала меня отъ всякихъ вопросовъ, и послѣ какого-бы промежутка времени мы съ нею ни встрѣтились, она всегда заговаривала со мною одинаково: коротко, ровно и тепло, точно только мы вчера разстались и завтра свидимся снова.

Разъ какъ-то, посреди лѣта, я не былъ у Норковъ къ ряду съ мѣсяцъ, и думалъ, что какъ бы мы ужь и въ самомъ дѣлѣ не разошлись вовсе. Въ тотъ же самый день, какъ мнѣ пришла въ голову эта мысль, только что я усѣлся-было позднимъ вечеромъ поработать, слышу, снизу, съ тротуара какой-то женскій голосъ позвалъ меня по имени. Взглянулъ я внизъ—смотрю—Ида Ивановна и съ нею подъ руку Маня. Обѣ онѣ въ одинакихъ чер-

ныхъ шелковыхъ казакинахъ, и коймы по подоламъ барежевыхъ платьевъ однѣ и тѣ же, и въ рукахъ совершенно одинаковые темные антукà. На длинныхъ тротуарахъ линіи, освѣщенной бѣлымъ свѣтомъ лѣтней ночи, кромѣ двухъ сестеръ Норкъ, не было видно ни души.

— Чтò это вы дѣлаете дома? спросила меня, спокойно глядя вверхъ Ида.

Маня только кивнула мнѣ головкой.

При блѣдномъ свѣтѣ бѣлой ночи, я видѣлъ, какъ личико Мани хотѣло сложиться въ самую веселую улыбку, но это не удалось ей.

— Чтò я дѣлаю? — Хочу поработать немножко, Ида Ивановна.

— Охота!

— Das muss, Ида Ивановна, а не охота.

— Sie missen—отлично; но что это вы, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ глазъ не показываете? Не думаете ли вы, чего добраго, что за вами ухаживать станутъ? Дескать: «куманечикъ побывай, душа-радость побывай!»

Глаза Иды Ивановны потихоньку улыбались и лицо ея, по обыкновенію, было совершенно спокойно. Маня опять хотѣла улыбнуться, но тотчасъ потупилась и стала тихо черкать концомъ зонтика по тротуарной плитѣ.

— А, кстали о выстрѣлѣ, чтò вашъ сосѣдъ дѣлаетъ? спросила Ида Ивановна.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, думаю, кстати о выстрѣлѣ, и отвѣчаю, что Истоминъ за границею.

— Я это знаю; я хотѣла спросить, чтò онъ тамъ дѣлаетъ?

— Не знаю, право, Ида Ивановна; вѣрно хандритъ или работаетъ.

— А вы развѣ не переписываетесь?

Маня прилегла къ сестриному плечу.

— Нѣтъ, говорю, переписывались, да вотъ мѣсяца съ полтора какъ-то нѣтъ отъ него ни слова.

— Таки совсѣмъ ни слова?

— Совсѣмъ ни слова.

— Вотъ постоянство здѣшнихъ мѣстъ!

— Мѣста, Ида Ивановна, непостоянныя.

— Вѣрно такъ вамъ и слѣдуетъ, отвѣчала Ида, и кивнувъ головкой пошла, крикнувъ мнѣ: — пусть вамъ ангелы святые снятся.

Маня, трогаясь съ мѣста, еще разъ хотѣла мнѣ улыбнуться, какъ можно ласковѣй, но и на этотъ разъ улыбка не удалась ей и свернулась во что-то суровое и тревожное.

«Однако, что̀ жь бы это такое могло значить?» думалъ я, когда дѣвушки скорыми шагами скрылись за угломъ проспекта. «Неужто Маня *все* разсказала сестрѣ? и неужто у Иды Ивановны до того богатырскія силы, что узнавъ отъ Мани все, что̀ та могла разсказать ей, она все-таки еще можетъ сохранять спокойствіе и шутить? Это ужь даже и непріятно такое самообладаніе!» И мнѣ на минуту показалось, что Ида Ивановна совсѣмъ не то, чѣмъ я ее представлялъ себѣ; что она ни больше, ни меньше какъ весьма практическая нѣмка; имѣетъ въ виду поправить неловкій шагъ сестры бракомъ, и наконецъ просто-на-просто *ищетъ зятя своей матери*... Похвальная родственная заботливость, и только. Пришло мнѣ въ голову также, что, можетъ быть, и самая Маня надумалась, нашла свои странныя экзальтаціи смѣшными и сама пожелала сдѣлать Истомина своимъ мужемъ... А можетъ быть даже, что и все это была одна собачья комедія, въ которой и Маня... тоже искала *зятя своей матери*.

Даже скверно становилось отъ этихъ предположеній.

— Не можетъ ничего этого быть! уговаривалъ я себя на дру-

гой день.—Вѣрно Ида Ивановна знаетъ очень немногое; вѣрно она безъ всякихъ словъ Мани знаетъ только одно, что сестра ея любитъ Истомина, и замѣчаетъ, что неизвѣстность о немъ ее мучитъ.

Дней черезъ пять, или черезъ шесть, въ теченіе которыхъ я, попрежнему, ни разу не собрался къ Норкамъ, и оставался на счетъ всѣхъ ихъ при своемъ послѣднемъ предположеніи, въ одно прекрасное утро ко мнѣ является Шульцъ.

— Вотъ, батюшка мой, исторія-то! началъ онъ, не вынимая изо рта сигары и вытаскивая изъ кармана какое-то измятое письмо.

— Что̀, спрашиваю, за исторія?

— Да такая, говоритъ, исторія, что хуже иной географіи: — Истоминъ дрался на дуэли и очень дурно раненъ.

Фридрихъ Фридриховичъ далъ мнѣ нѣмецкое письмо, въ которомъ было написано: «Шесть дней тому назадъ, вашъ компатріотъ господинъ фон-Истоминъ имѣлъ непріятную исторію съ русскимъ княземъ N, съ женою котораго онъ три недѣли тому назадъ пріѣхалъ изъ Штутгарта и остановился въ моей гостиницѣ. Послѣдствіемъ этой Geschichte, у г. фон-Истомина съ мужемъ его дамы была дуэль, на которой г. фон-Истоминъ раненъ въ лѣвый бокъ пулею, и положеніе его признается врачами небезопаснымъ, а между тѣмъ г. фон-Истоминъ, проживая у меня съ дамою, изъ-за которой воспослѣдовала эта непріятность, состоитъ мнѣ должнымъ столько-то за квартиру, столько-то за столъ, столько-то за прислугу и экипажи, а всего до сихъ поръ столько-то (стояла весьма почтенная цифра). Да сверхъ того (продолжало письмо) теперь я несу для г. фон-Истомина всѣ издержки по леченію и различнымъ хлопотамъ, возникшимъ изъ этого дѣла, а наличныхъ денегъ у г. фон-Истомина нѣтъ. Вслѣдствіе всего этого, г. фон-Истоминъ поручилъ мнѣ написать вамъ о его по-

ложеніи и просить васъ выслать мнѣ мой долгъ и г. фон-Истомину тысячу русскихъ рублей, съ переводомъ на мое имя. Парма, годъ, мѣсяцъ и число. Адресъ: такому-то, хозяину «Hotel de Venize».

— Посылать, или не посылать? спросилъ Шульцъ, видя, что я дочиталъ письмо до конца.

Я былъ въ большомъ затрудненіи, что̀ отвѣтить.

— Ну, а если это подлогъ? допрашивалъ меня Шульцъ.

— Какъ это узнать, Фридрихъ Фридриховичъ?

— То-то, я вѣдь говорю, что все это, какъ говорится, оселокъ:—тутъ самъ чортъ семь разъ ногу сломаетъ и ни разу ничего не разберетъ.

— Рискъ, отвѣчаю, конечно, есть.

— Ну, только ужь воля ваша, а мой згадъ всегда такой, что лучше рисковать деньгами, чѣмъ человѣкомъ. Деньги, конечно, вещь нужная, но все-таки, словомъ сказать, это дѣло нажитое.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ согласился съ Шульцемъ, и провожая его къ двери, съ особеннымъ удовольствіемъ пожалъ его руку. Фридрихъ Фридриховичъ уѣхалъ отъ меня съ самымъ дѣловымъ выраженіемъ на лицѣ, и часа черезъ два заѣхалъ съ банкирскимъ векселемъ на торговый домъ въ Пармѣ.

Деньги, нужныя на выручку Истомина, были отосланы; но что̀ это была за дуэль и вообще что̀ это за исторія—разгадывать было весьма мудрено и трудно.

«Одно только очень желательно» думалъ я, въ этотъ день по уходѣ Шульца: «желательно, чтобы Фридрихъ Фридриховичъ сохранилъ втайнѣ это свое хорошее великодушіе и не распространился объ этой исторіи у Норковъ. Только нѣтъ — гдѣ ужь Фридриху Фридриховичу отказать себѣ въ такомъ удовольствіи!»

Такъ-таки все это на мое и вышло, и вотъ какъ я это узналъ.

XVI.

Густыми сумерками на другой день слышу у себя звонокъ, этакій довольно нерѣшительный и довольно слабый звонокъ, а вслѣдъ затѣмъ легкіе, торопливые шаги, и въ мою комнату не вошла, а вбѣжала Маничка Норкъ.

— Убитъ? прошептала она, подскочивъ ко мнѣ и быстро дернувъ меня за руку.

Тàкъ варомъ меня и обварило.

— Только раненъ, отвѣчалъ я, какъ можно спокойнѣе.

Маня выпустила мою руку и сѣла на кресло.

Я опустилъ у оконъ сторы, зажегъ свѣчи и взглянулъ на Маню: лицо у нея было не блѣдно, а бѣло, какъ у человѣка зарѣзаннаго, и зрачки глазъ сильно разширены.

Я пробовалъ два или три раза говорить съ нею, но она не отвѣчала ни слова и наконецъ сама спросила:

— Это, что такое «кстати о выстрѣлѣ»?

Я не понялъ.

— Сестра третьяго-дня сказала вамъ: «кстати о выстрѣлѣ»— чтò это такое значило? повторила Маня.

— Такъ, говорю, есть какой-то анекдотъ о хвастунѣ, кото-

рый сдѣлалъ одинъ разъ удачный выстрѣлъ и потомъ цѣлую жизнь все разсказывалъ «кстати о выстрѣлѣ».

— Это неправда, отвѣчала Маня, покачавъ головой.

— Увѣряю васъ, что это не имѣло никакого другаго значенія.

— Вы знали и Ида знала объ этомъ несчастьи — объ этомъ ужасномъ несчастьи!...

Маня закрыла свое личико бѣлымъ платкомъ; она не плакала, но ея тоненькія плечики и вся ея хрустальная фигурка дрожала и билась о спинку кресла.

Я принесъ стаканъ воды и нѣсколько разъ просилъ Маню выпить. Она отняла отъ сухихъ глазъ платокъ, и не трогая стакана, быстро спросила меня:

— Кто это, который убилъ его?

— Вовсе онъ не убитъ, отвѣчалъ я тихо, и подвинулъ ей стаканъ съ водою. Маня нетерпѣливо толкнула отъ себя стаканъ, такъ, что вода далеко плеснулась черезъ края по столу, и сама встала съ кресла.

— Марья Ивановна! сказалъ я, какъ умѣлъ мягче.

— Что?

— Послушайтесь меня, Марья Ивановна. Не идите сейчасъ домой; успокойтесь прежде хоть немножко.

Маня постояла еще съ минуту и опять спросила:

— Чтó такое? я не поняла.

— Хоть воды глотокъ выпейте.

— Оставьте, отвѣчала она шопотомъ, и нагнулась въ одну сторону, взявшись рукою за кресло.

Черезъ минуту она распрямилась, сама выпила весь стаканъ воды, простилась со мной и сказала, что идетъ домой.

Со страхомъ и трепетомъ ждалъ я большой исторіи у Норковъ, но во всякомъ случаѣ не такой, какая совершилась.

Часу въ третьемъ ночи, только что я успѣлъ заснуть самымъ крѣпкимъ сномъ, вдругъ слышу кто-то сильно толкаетъ меня и зоветъ по имени. Открываю глаза и вижу, что передо мною стоитъ, со свѣчою въ рукахъ, моя старуха.

— Сейчасъ надо, проговорила она, суя мнѣ подъ носъ маленькую записочку:

«Придите къ намъ сію минуту».

«Ида».

Это все, что было написано на поданномъ мнѣ крошечномъ клочкѣ бумажки.

Спрашиваю старуху, кто принесъ эту записку? — говоритъ, что принесла дѣвочка, сунула въ дверь и ушла, сказавъ, что ей некогда ждать отвѣта.

Я одѣлся въ одну минуту и побѣжалъ къ Норкамъ. Ночь стояла темная и бурная; хлесталъ мелкій дождь, перемѣшанный съ снѣгомъ, и со стороны гавани, черезъ Смоленское Поле, доносились частые выстрѣлы сигнальной пушки. Несмотря на то, что разстояніе, которое я долженъ былъ перебѣжать, было очень невелико, я началъ сильно дрожать отъ нестерпимой сиверки и чичера. Подъѣздъ Норковъ, противъ обыкновенія, былъ отпертъ и въ магазинѣ на прилавкѣ горѣла свѣча въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Съ перваго шага за порогъ чувствовалось, что сюда пришло въ гости ужасное несчастіе. Что-то феральное и неотразимое чудилось во всемъ: въ зажженныхъ и безъ всякаго смысла разставленныхъ свѣчахъ, въ сбитыхъ мёбельныхъ чехлахъ, въ сухомъ и безтолковомъ хлопаньи дверей. Тревога такой обстановки сообщается ужасно быстро, и я почувствовалъ ее, какъ только вошелъ въ залу. Здѣсь на фортепьяно горѣла безъ всякой нужды другая свѣча и рядомъ съ нею ночная лампочка, а на диванѣ лежало что-то большое, престранное-странное, какъ

будто мертвецъ, закрытый бѣлою простынею. Я подумалъ, что это оставлены на ночь шубы; но изъ-подъ одного края простыни выставлялись наружу двѣ ноги, обутыя въ бѣлые чулки и голубыя, суконныя туфли. Простыня не шевелилась и не двигалась. Господи, что̀ бы это такое значило? Дверь изъ залы въ комнату Софьи Карловны была открыта и она сидѣла прямо противъ двери на большомъ голубомъ креслѣ, а сзади ея стоялъ Германъ Верманъ и держалъ хозяйку за голову, какъ будто ей приготовлялись дергать зубы. Въ ногахъ Софьи Карловны стояла на колѣняхъ кухарка и выжимала въ рукахъ мокрое полотенцо. Увидѣвъ меня, madame Норкъ горько-прегорько заплакала и задергала головою въ крѣпкихъ ладоняхъ Германа.

— Что̀ это у васъ такое? спросилъ я, чуть слышно нагинаясь къ уху кухарки.

Софья Карловна еще отчаяннѣе воззрилась въ меня необыкновенно жалобнымъ взоромъ и часто залепетала: «циги-циги-циги».

Я взялъ ее за руку и пригнулся ухомъ къ ея лицу.

«Циги-циги циги», лепетала старуха, качая головою и заливаясь слезами. Языкъ ни за что ей не повиновался; она это чувствовала и жаловалась однѣми слезами.

Въ коридорчикѣ, отдѣлявшемъ комнату Софьи Карловны отъ комнаты дѣвицъ, послышался легкій скрипъ двери и тихій, болѣзненный стонъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мани, а вслѣдъ затѣмъ на порогѣ торопливо появилась Ида Ивановна: она схватила меня мимоходомъ за руку и выдернула въ залу.

— Доктора? спросилъ я, глядя ей въ лицо.

— Акушера, прошептала она, крѣпко сдавивъ мою руку.

Софья Карловна во всѣ глаза глядѣла, то на меня, то на Иду Ивановну и плакала; Верманъ попрежнему держалъ ее за голову, а кухарка обкладывала лобъ мокрымъ полотенцемъ.

— А бабушка? шепнулъ я Идѣ, надѣвая брошенное на фортепьяно пальто.

Ида погрозила мнѣ пальцемъ, и приложивъ его къ своимъ губамъ, приподняла уголъ простыни съ лежавшей на диванѣ кучи. Изъ-подъ этого угла выставилось блѣдно-синее лицо старухи.

— Умерла!

— И въ маниной комнатѣ, отвѣчала Ида. — И не забудьте, продолжала дѣвушка: — что она *встала* съ своего кресла, что она, безногая, *пошла*, *прокляла* ее и умерла. Ахъ, что здѣсь дѣлается! что здѣсь дѣлается! Я не знаю, какъ я въ эту ночь несошла съ ума.

Я не утерпѣлъ и сказалъ: — Да, вы, Ида Ивановна, крѣпитесь.

— Я крѣпка, отвѣчала, вздрогнувъ, Ида: — о-о! не бойтесь, въ несчастьѣ всякій крѣпокъ.

Въ эту секунду изъ дальнихъ комнатъ опять донесся слабый стонъ и Софья Карловна залепетала: циги-циги-циги.

— Бѣгите! крикнула Ида и сама бросилась изъ магазина.

Сбѣгая съ подъѣзда, я столкнулся съ Шульцемъ и его женою, но вновь мы даже не поклонились другъ другу. Я видѣлъ, что Шульцъ дрожалъ.

Одна Ида Ивановна сохранила при этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ все присутствіе духа. Она распорядилась вытребовать меня прежде Шульца нарочно, чтобы меня, а не его и не кого-нибудь изъ прислуги послать за акушеромъ.

При всѣхъ стараніяхъ я едва только къ шести часамъ утра могъ привезть къ Норкамъ акушера, какого-то развинченнаго, сѣраго господина, который съ просонья цѣлый часъ сморкался и укладывалъ свои варварскіе инструменты въ такой длинный замшевый мѣшокъ, что всѣ его руки входили туда по самыя плечи, какъ будто и ихъ тоже слѣдовало завязать тамъ вмѣстѣ съ инструментами.

— Вы, пожалуйста, по возможности старайтесь, чтобы семейство не замѣтило вашей спеціальности, просилъ я этого барина, подвозя его къ дому Норковъ.

Акушеръ посмотрѣлъ на меня, высморкался и свернулъ свой мѣшокъ нѣсколько поаккуратнѣе.

Ида Ивановна встрѣтила насъ въ магазинѣ, пригласила врача-спеціалиста за собою, а мнѣ сказала:

— Идите пока домой.—Здѣсь никого не надо.

Въ отворенныя двери магазина я видѣлъ, что бабушка уже лежала на столѣ.

Тяжелая полоса потянулась надъ бѣднымъ семействомъ Норковъ. Похороны бабушки отбылись, какъ бы пóтойма, безъ всякаго шума и наскоро. Столбняковое состояніе Софьи Карловны окончилось въ минуту ея прощанія съ гробомъ матери: она разрыдалась и заговорила. Виновница всѣхъ этихъ бѣдъ, слабая Маня, хотя и разрѣшилась въ страшныхъ мукахъ мертвымъ, еще несформировавшимся ребенкомъ, но оставалась въ положеніи самомъ неутѣшительномъ. Много дней къ ряду она провела въ постоянномъ забытьѣ и безъ сознанія; къ этому присоединялись другія явленія, заставлявшія всѣхъ безпрестанно ждать еще худшаго и опасаться то за манину жизнь, то за ея разсудокъ.

Въ домѣ Норковъ все шло тихо и уныло. Ни Софья Карловна, ни Ида Ивановна, ни madame Шульцъ хотя и не надѣли по бабушкѣ плёрезовъ, чтобы не пугать ими Мани, но ходили въ черныхъ платьяхъ, значеніе которыхъ Манѣ нетрудно было разгадать, если только эти платья когда нибудь останавливали на себѣ ея вниманіе. Обо всемъ, чтò произошло, чтò, какъ нежданная туча, разразилось надъ этимъ семействомъ, никто, никогда не заводилъ ни слова. Всѣ избѣгали самомалѣйшаго намека на

то, что̀ случилось, и жили по англійской пословицѣ, запрещающей въ домѣ повѣшеннаго говорить о веревкѣ.

Но тяжелая полоса, я говорю, еще тянулась. Находясь по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, этакъ черезъ мѣсяцъ, что ли, послѣ описанной исторіи, я получилъ отъ Иды Ивановны письмо, въ которомъ она дѣлала мнѣ нѣкоторыя порученія и, между прочимъ, писала: «Семейныя несчастія наши не прекращаются; Маня въ самомъ печальномъ положеніи; у нея развивается меланхолія съ самыми странными припадками. Какъ мы ни золотимъ себѣ эту новую пилюлю, которую судьба заставляетъ насъ проглотить, но вся ея горечь все-таки наружи. Ясно, что это просто тихое сумасшествіе. Я хотѣла въ этомъ удостовѣриться и пригласила доктора N; онъ сказалъ, что я права. Онъ сказалъ, впрочемъ, что положеніе сестры небезнадежно, но что больную слѣдуетъ лечить скоро и внимательно, удаливъ ее прежде всего отъ всѣхъ лицъ и предметовъ, которые напоминаютъ ей прошлое. Нечего дѣлать, надо велѣть молчать сердцу и брать въ руки голову: я приготовляю мать къ тому, чтобы она, для маниной же пользы, согласилась позволить мнѣ помѣстить сестру въ частную лечебницу доктора для больныхъ душевными болѣзнями».

Еще позже, недѣли черезъ двѣ, Ида писала мнѣ: «Мы пятый день отвезли Маню къ N. Ей тамъ прекрасно: помѣщеніе у нея удобное, уходъ хорошій и содержаніе благоразумное и отвѣчающее ея состоянію. Докторъ N надѣется, что она выздоровѣетъ очень скоро, и я тоже на это надѣюсь. Я видѣла ее вчера; она меня узнала; долго на меня смотрѣла, заплакала и спросила о маменькѣ, а потомъ сказала, что ей здѣсь хорошо и что ей хочется быть тутъ одной, пока она совсѣмъ выздоровѣетъ».

Маня долго однако проболѣла. Зима проходила, а она все еще оставалась въ лечебницѣ. Ида Ивановна одна навѣщала сестру

два раза каждую недѣлю и привозила о ней домой самыя радостныя вѣсти. Мѣсяца за полтора до выхода Мани изъ заведенія, я одинъ разъ провожалъ Иду Ивановну и видѣлъ Маню. Она была очень блѣдна, и эта блѣдность еще болѣе увеличивалась отъ черной шелковой шапочки, которая была на ея обритой головкѣ; но въ общемъ Маня мнѣ показалась совершенно здоровою. Ея болѣзненная впечатлительность дѣйствительно замѣтно уменьшалась. Никогда я не видалъ ее болѣе спокойною, хотя Ида Ивановна разсказывала и самъ я замѣтилъ, что у нея за то явился свой новый пунктикъ, новое *вліяніе*. Маня всею душою привязалась къ доктору N. На сколько это чувство можно было анализировать въ Манѣ, оно имѣло что-то очень много общаго съ отношеніями нѣкоторыхъ молодыхъ религіозныхъ и несчастныхъ въ семьѣ русскихъ женщинъ къ ихъ духовнымъ отцамъ; но съ другой стороны это было что-то и не то. Что-то строгое и равноправное заявлялось въ каждомъ обращеніи Мани къ N., но въ то же время все это выражалось съ безграничнѣйшимъ довѣріемъ и теплѣйшей дружбой. Когда докторъ N позволялъ себѣ заговорить съ Манею о чемъ нибудь въ нѣсколько наставительномъ тонѣ, Маня выслушивала его съ глубокимъ вниманіемъ и спокойствіемъ; но тотчасъ же, какъ только онъ произносилъ послѣднее слово, Маня откашливалась и начинала возражать ему, сохраняя свое всегдашнее граціозное спокойствіе и тихую самостоятельность. Она писала дневникъ и всякій день давала его просматривать доктору. Этотъ дневникъ и служилъ у нихъ предметомъ разговоровъ, изъ которыхъ выходили ихъ временныя несогласія, но которыхъ, кромѣ ихъ двухъ, никто никогда не слышалъ.

Проходило лѣто; докторъ N давно говорилъ Манѣ, что она совершенно здорова и безъ всякой для себя опасности можетъ

уѣхать домой. Маня не торопилась. Она отмалчивалась и все чего-то боялась, но наконецъ въ половинѣ сентября, вдругъ сама сказала сестрѣ, что она хочетъ оставить больницу.

Пятнадцатаго числа Ида Ивановна взяла карету и поѣхала за Маней. Въ домѣ давно все было приготовлено къ ея пріему. Ида Ивановна перешла въ комнату покойной бабушки, а ихъ бывшая комната была отдана одной Манѣ, чтобы ее ужь ровно никто и ничѣмъ не обезпокоилъ. Положено было не надоѣдать Манѣ никакимъ особеннымъ вниманіемъ и не стѣснять ее ничьимъ сообществомъ, кромѣ общества тѣхъ, которыхъ она сама пожелаетъ видѣть.

Возвратясь домой, Маня немножко сплакнула, поблагодарила мать за ея любовь и вниманіе, и тихо заключилась въ свою комнатку. Съ тѣхъ поръ сюда не входилъ никто, кромѣ Иды, которая сообщала мнѣ иногда по секрету, что Маня до жалости грустна и все-таки повременамъ тяжело задумывается.

XVII.

Въ эту самую пору, съ птичьимъ отлетомъ въ теплыя страны, изъ теплыхъ странъ совершенно неожиданно возвратился Романъ Прокофьичъ Истоминъ. Онъ явился свѣтлымъ, веселымъ, сіяющимъ и невозмутимо-спокойнымъ. Было около девяти часовъ утра, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ какомъ-то щегольскомъ пиджакѣ и съ легкимъ саквояжемъ изъ лакированной кожи. Онъ обнялъ меня, расцаловалъ и попросилъ чаю. За чаемъ мы говорили обо всемъ, кромѣ Норковъ и загадочной дуэли. Истоминъ ни о тѣхъ, ни о другой не заговаривалъ, а я не находилъ удобнымъ наводить его теперь на этотъ разговоръ. Такъ, мы отпили чай, и Истоминъ, переодѣвшись, отправился куда-то изъ дома.

Послѣ обѣда мы опять начали кое о чемъ перетолковывать.

— А что это вы ничего не разскажете о вашей дуэли? спросилъ я Романа Прокофьича.

— Есть про что говорить! отвѣчалъ онъ, разматывая передъ зеркаломъ свой галстухъ.

— А мы тутъ совсѣмъ было васъ похоронили, особенно Фридрихъ Фридриховичъ.

— Ему о всемъ забота!

— А вы у Норковъ не были?

— Нѣтъ, не былъ.

— Вы знаете, что Маня-то выздоровѣла?

— Выздоровѣла! — скажите пожалуйста! Вотъ слава Богу. Очень радъ, очень радъ, что она выздоровѣла.—Я часто о ней вспоминалъ. Прелестная дѣвочка!

— Еще бы!—смѣло можетъ сказать, что «я вся огонь и воздухъ, и предоставляю остальныя стихіи низшей жизни»!

— Да, да; все остальное низшей жизни! чудное, чудное дитя! Я бы очень желалъ на нее взглянуть. Перемѣнилась она?

— Очень.

— Отцвѣла?

— Да, поотцвѣла.

— Странный народъ эти женщины! — какъ у нихъ это скоро. Я говорю, какъ онѣ скоро отцвѣтаютъ-то!

Истоминъ прошелся раза два по комнатѣ и продекламировалъ: «да, какъ фарфоръ бренны женскія особы».

— А что, какъ она?... спокойна она? спросилъ онъ, остановясь передо мною.

— Кажется, спокойна.

— Неужто таки совсѣмъ спокойна?

— Говорятъ, и мнѣ тоже такъ кажется.

— Таки вотъ совсѣмъ, *совсѣмъ спокойна?*

Я посмотрѣлъ на Истомина съ недоумѣніемъ и отвѣчалъ:

— Да, совсѣмъ спокойна.

Истоминъ заходилъ по комнатѣ еще скорѣе и потомъ сталъ тщательно надѣвать перчатки, напѣвая: «Гопъ, мои гречаники! гопъ, мои бѣлы»!

— Ну, а чортова Идища?

— Что̀ такое?

— Не больна, не уязвлена страстью?

— Это, говорю, забавный и странный вопросъ, Романъ Прокофьичъ.

— Забавно, быть можетъ, а чтобы странно, то нѣтъ, процѣдилъ онъ сквозь зубы, и уходя снова запѣлъ: «святой Ѳома, не вѣрю я...»

Опять Истоминъ показался мнѣ такимъ-же художественнымъ шалопаемъ, какъ въ то время, когда пѣлъ, что «любить мечту не преступленье» и стрѣлялъ въ карту, поставленную на головѣ Яна.

Онъ возвратился ночью часу во второмъ необыкновенно веселый и легъ у меня на диванѣ, потому что его квартира еще не была приведена въ порядокъ.

— Ѣли вы что нибудь? освѣдомился я, глядя какъ онъ укладывается.

— Ѣлъ, пилъ, гулялъ и жизнью наслаждался, и на сей разъ ничего отъ нея болѣе не требую, кромѣ вашего гостепріимнаго крова и дивана, отвѣчалъ не въ мѣру развязно Романъ Прокофьичъ.

«Шалопай ты былъ, шалопай и есть», подумалъ я, засыпая.

— Сдѣлайте милость, перемѣните вы эту ненавистную квартиру, произнесъ за моимъ стуломъ голосъ Иды Ивановны, когда на другой день я сидѣлъ одинъ-одинешенекъ въ своей комнатѣ.

— Я ужь забыла счетъ, продолжала дѣвушка:—сколько разъ являюсь я сюда къ вамъ, и всегда по милости какого нибудь самаго сквернаго обстоятельства, и всегда съ растрепанными чувствами.

— Что̀ опять такое сдѣлалось?

— Истоминъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ.

Ида Ивановна громко ударила ладонью по столу и проговорила:

— Я отгадала.

— Что̀ же, спрашиваю, далѣе?

— Маня не въ себѣ.

— Худо ей?

— Да я не знаю, худо это, или хорошо, только они видѣлись.

— Развѣ былъ у васъ Истоминъ?

— Тогда бы онъ былъ не Истоминъ. Онъ не былъ у насъ, но Манѣ, должно быть, было что нибудь передано, сказано, или ужь я не знаю, что̀ такое, но только она вчера первый разъ спросила про ту картину, которую онъ подарилъ ей; вытирала ее, переставляла съ мѣста на мѣсто и потомъ цѣлый послѣобѣдъ ходила по залѣ, а ночь не спала и теперь вотъ что: подайте ей Истомина! Сегодня встала, плачетъ, дрожитъ, становится на колѣни, говоритъ: «я не вытерплю, я опять съума сойду».—Скажите Бога-ради, что̀ мнѣ съ нею дѣлать? Ввести его къ намъ... при матери и при Фрицѣ... вѣдь это — невозможно, невозможно.

Рѣшили на томъ, что я переговорю съ Истоминымъ и постараюсь узнать, каковы будутъ на этотъ счетъ его намѣренія.

— Знаете что, говорила мнѣ, прощаясь у двери, Ида:—первый разъ въ жизни, я начинаю человѣка ненавидѣть! Я бы очень, очень хотѣла сказать этому генію, что онъ... самый вредный человѣкъ, какого я знаю.

— И будетъ случай, что я ему это скажу, добавила она, откинувъ собственною рукою дверную задвижку.

— Маня Норкъ очень хочетъ повидаться съ вами, передалъ я безъ обиняковъ за обѣдомъ Истомину.

— А! — это съ ея стороны очень мило, только къ несчастію неудобно; а то бы я и самъ радъ ее видѣть.

— Отчего же, говорю, неудобно? — Пойдемте къ нимъ вечеромъ.

Истоминъ ѣлъ и ничего не отвѣтилъ.

— Вы не пойдете? спросилъ я его, собираясь сумерками къ Норкамъ.

— Нѣтъ, не пойду, не пойду, отвѣчалъ онъ торопливо и сухо.

— Напрасно—говорю.

— Мой милый другъ! не тратьте лучше словъ *напрасно*.

— Надо васъ послушаться, отвѣтилъ ему я, и пошелъ къ Норкамъ, размышляя, что̀ за чушь такую я дѣлалъ, приглашая съ собою Истомина сегодня же.

Ида Ивановна выслушала мой рапортъ и пошла къ Манѣ, а прощаясь сунула мнѣ записочку для передачи Роману Прокофьичу и сказала:

— Если онъ этого не сдѣлаетъ, это ужь будетъ просто безчеловѣчно! Маня проситъ его униженно и если онъ не пойдетъ—я не знаю, что̀ онъ тогда такое. Приходите завтра вмѣстѣ въ пять часовъ — нашихъ никого не будетъ дома, потому что maman поѣдетъ съ Шульцами въ Коломну.

Я вручилъ Истомину манину записку. Онъ прочелъ ее и подалъ мнѣ.

«Милый! писала Маня, я не огорчу тебя никакимъ словомъ, приди только ко мнѣ на одну минутку».

— Да; она очень хочетъ васъ видѣть и завтра вечеромъ у нихъ кромѣ Иды Ивановны никого не будетъ дома, сказалъ я, возвращая Истомину манину записку.

Онъ взялъ у меня клочокъ, мелко изорвалъ его и ничего не отвѣтилъ.

На другой день, ровно въ пять часовъ вечера, Истоминъ вошелъ ко мнѣ въ пальто и шляпѣ.

— Пойдемте! сказалъ онъ съ сквернымъ выраженіемъ въ голосѣ, и лицо у него было злое, надменное, рѣшительное и тревожное.

Я всталъ, одѣлся и мы вышли.

— Вы увѣрены, что кромѣ дѣвушекъ у нихъ никого нѣтъ дома? спросилъ онъ меня, лѣниво сходя за мною съ лѣстницы.

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ я, и снова повторилъ ему слова Иды Ивановны.

Истоминъ позеленѣлъ и спряталъ руку за бортъ своего пальто. Мнѣ казалось, что, несмотря на теплый вечеръ, ему холодно и онъ дрожитъ.

Молча, не сказавъ другъ другу ни слова, дошли мы до квартиры Норковъ и позвонили.

— Гляди́те, можетъ быть, старуха дома? проговорилъ за моимъ плечомъ какимъ-то упавшимъ голосомъ Истоминъ. Я ничего не успѣлъ ему отвѣтить, потому что насъ встрѣтила Ида Ивановна.

Истоминъ поклонился ей молча, она тоже отвѣчала ему однимъ поклономъ.

— Подождите, сказала она, введя насъ въ залу, и сама вышла.

Истоминъ подошелъ-было къ окну, но тотчасъ же снова отошелъ вглубь комнаты и сѣлъ, облокотясь на фортепьяно.

Тревожно и съ замираніемъ сердца я ждалъ момента этого страннаго свиданія.

Минуты черезъ двѣ въ залу возвратилась Ида Ивановна.

— Потрудитесь идти за мною, сказала она Истомину.

Онъ всталъ и смѣло пошелъ черезъ спальню Софьи Карловны въ комнату Мани.

Ида Ивановна пропустила его впередъ и, взявъ меня за руку, пошла слѣдомъ за Романомъ Прокофьичемъ.

Идучи за Идой Ивановной, я чувствовалъ, что ея рука, которою она держала мою руку, была совершенно холодна. Я посмотрѣлъ ей въ глаза — они были спокойны, но какъ-бы ждали откуда-то неминуемой бѣды и были на стражѣ.

Истоминъ подошелъ къ двери маниной комнаты и остановился. Дверь была отворена и позволяла видѣть всю внутренность покоя. Комната была въ своемъ обыкновенномъ порядкѣ: все въ ней было безукоризненно чисто, и заходившее солнце тепло освѣщало ее сквозь опущенныя бѣлыя шторы. Маня, въ бѣломъ пеньоарѣ, съ очень коротко остриженными волосами на головѣ, сидѣла на своей постели и смотрѣла себѣ на руки.

— Сестра! тихо позвала ее Ида Ивановна.

Маня тихо подняла голову, прищурила свои глазки, взвизгнула и, не касаясь ногами пола, перелетѣла съ кровати на грудь Истомина.

Въ это же мгновеніе, Истоминъ рѣзко оттолкнулъ ее и, прыгнувъ на середину комнаты, тревожно оглянулся на дверь.

Отброшенная Маня держалась за голову и съ каждымъ дыханіемъ порывалась съ мѣста къ Истомину.

— Не отгоняй меня! не отгоняй! вскрикнула она голосомъ, который обрывался на каждомъ словѣ, и съ протянутыми впередъ руками, снова бросилась къ художнику.

Истоминъ однимъ прыжкомъ очутился на окошкѣ, открылъ раму и выскочилъ на желѣзную крышку кухоннаго крыльца.

Въ рукѣ его я замѣтилъ щегольскую оленью ручку дорогого охотничьяго ножа, который обыкновенно висѣлъ у него на коврѣ надъ постелью. Чуть только кровельные листы загремѣли подъ ногами художника, мимо оконъ пролетѣло большое полѣно и, ударившись объ стѣну, завертѣлось на камняхъ.

Я выглянулъ въ окно, и увидалъ на кухонномъ крыльцѣ Вермана. Истомина ужь не было и помину. Соважъ стоялъ съ взъерошенными волосами и въ лѣвой рукѣ у него было другое полѣно.

— Я, это я! говорилъ Соважъ, потрясая полѣномъ.

Маня тихо и молча перебирала ручками свои короткіе волосы.

Я рѣшительно не помню, что́ послѣ было и ка̀къ я вышелъ. Я опомнился за воротами, столкнувшись лицомъ къ лицу съ Верманомъ. Соважъ стоялъ на улицѣ въ однихъ панталонахъ и толстой серпинковой рубашкѣ и страшно дымилъ гадчайшею сигарой.

— Германъ! зачѣмъ вы это сдѣлали? спросилъ я его въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Да! отвѣчалъ Соважъ:—да!... бревномъ сакрамента... мерзавца... О, я его здѣсь подожду! я долго подожду, съ этой самой орудія! Германъ кивнулъ головою назадъ и позволилъ мнѣ разглядѣть лежавшее у него за пятками полѣно.

— Другъ мой, это безполезно.

— Я не другъ вашъ! отвѣчалъ сердито Верманъ:—понимайте! Я не другъ того, у кого другъ такой портной.

— Какой портной, Верманъ?

— Какой? какой портной?—Какой безъ узла шьетъ—вотъ какой. Нѣтъ; ти каналья съ узломъ нитка шей! да съ узломъ, съ узломъ, чортъ тебя съѣшь съ твой шляпой и съ палкой!

Соважъ вдругъ поднялъ надъ головою лежавшее у него за каблуками полѣно, и заскрипѣвъ зубами какъ-то не проговорилъ, а *прогавкалъ*:

— Портной безъ узла! я тебя... въ столбъ вобью!

Полѣно треснулось съ этимъ словомъ о тумбу, и одно и другая одновременно раскололись.

Соважъ стоялъ и ерошилъ свои волосы надъ разбитою тумбою. На улицѣ не было ни души.

Я долго смотрѣлъ на безмолвнаго Германа—и представьте себѣ, о чомъ размышлялъ я? — Маня, вся только что разъигравшаяся сцена, все это улетѣло изъ моей головы, а я съ непостижимѣйшимъ спокойствіемъ вспомнилъ о томъ коренастомъ, малоросломъ германскомъ дикарѣ, который въ вѣнскомъ музеѣ стоитъ передъ долговязымъ римляниномъ, и мнѣ становилось понятно, какъ этотъ коренастый дикарь могъ побить и выгнать рослаго, въ шлемъ и латы закованнаго потомка Германика и Агрипины.

Это непостижимо, какимъ это образомъ въ такія страшныя, критическія минуты вдругъ иной разъ вздумается о томъ, о чемъ бы, кажется, нѣтъ никакой стати и думать въ подобныя минуты.

XVIII.

Возвратясь домой, я не пошелъ къ Истомину. Было ясно, изъ-за чего онъ разыгралъ всю эту гадкую исторію: ему вообразилось, что его женятъ на Манѣ, и все это свиданіе онъ счелъ за подготовленную сцену — за засаду. Досадно было, зачѣмъ же онъ шелъ на это свиданіе? чего же онъ хотѣлъ, чего еще добивался отъ Мани?

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день ко мнѣ является Шульцъ—блѣдный и оскорбленный.

— Здравствуйте, говоритъ, и одѣвайтесь — пойдемте къ Истомину.

— И что̀, спрашиваю, будетъ?

— Будетъ?—дуэль будетъ. Я убью его.

— Или онъ васъ.

— Или онъ меня.

— Зачѣмъ же вамъ я-то?

— А я хочу имѣть свидѣтеля при этомъ разговорѣ.

Мы вошли къ Истомину; онъ лежалъ на диванѣ, закинувъ руки за затылокъ и уложивъ ногу на ногу. При нашемъ приходѣ онъ прищурилъ глаза, но не приподнялся и не сказалъ ни слова.

— Господинъ Истоминъ! началъ сухо Шульцъ:—я много ошибся въ васъ...

— Сдѣлайте милость со всѣмъ этимъ къ чорту! вскрикнулъ порвавшись съ дивана Истоминъ.—Я терпѣть не могу присутствовать при составленіи обо мнѣ критическихъ приговоровъ. Мнѣ все равно, что̀ обо мнѣ думаютъ.

— Да; это очень можетъ быть; говорятъ, что въ Россіи есть такіе люди, которымъ все равно, что̀ о нихъ думаютъ; но я во всякомъ случаѣ увѣренъ, что вы честный человѣкъ, господинъ Истоминъ.

— А мнѣ доставляетъ большое удовольствіе замѣтить вамъ, что вы еще разъ ошибаетесь: я нечестный человѣкъ, господинъ Шульцъ.

Шульцъ немного сконфузился и спросилъ:

— Отчего?

Истоминъ разсмѣялся; онъ всталъ на ноги и, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ:

— Оттого, господинъ Шульцъ, что я нѣсколько разъ хотѣлъ быть какъ слѣдуетъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ это никогда не удавалось — теперь охоты болѣе къ этому не имѣю. Еще оттого, господинъ Шульцъ, что не стоитъ быть честнымъ человѣкомъ, и наконецъ, оттого, господинъ Шульцъ, что быть честнымъ человѣкомъ, значитъ, или быть дуракомъ, или походить на васъ, а я не хочу ни того, ни другого.

— Я, господинъ Истоминъ, хочу не замѣчать вашихъ невѣжливостей... Шульцъ поперхнулся, сдавилъ рукою горло и добавилъ. — Я удивляюсь только, господинъ Истоминъ, какъ вы можете быть такъ покойны.

— Значитъ, вы не большой мудрецъ, г. Шульцъ; большіе мудрецы ничему не удивлялись.

— Можетъ быть... Простите, пожалуйста; я не для разговоровъ къ вамъ пришелъ... у меня горло сдавливаетъ, г. Истоминъ.

— Ага! сдавливаетъ — это хорошо, что сдавливаетъ; я слыхалъ, что съ приближеніемъ къ полюсамъ, всѣ собаки всегда перестаютъ лаять!

Шульцъ такъ и подпрыгнулъ.

— Лаять! вскрикнулъ онъ:—лаять! Я лаю, господинъ Истоминъ; я лаю, да я молчкомъ не кусаюсь, да-съ; я вѣрная собака господинъ Истоминъ; я не кусаюсь. Одинъ человѣкъ на свѣтѣ, котораго я захотѣлъ загрысть—это *вы*. Я вызываю васъ на дуэль, г. Истоминъ.

— Сдѣлайте милость! мнѣ давно хочется убить кого-нибудь, и я очень радъ, что это будетъ такой почтенный человѣкъ, какъ вы. Позвольте, вотъ одно короткое распоряженіе только сдѣлаю.

Истоминъ подошелъ къ столу и написалъ:

«Я застрѣлился оттого, что мнѣ надоѣло жить».

Онъ подалъ эту записку мнѣ, и сказалъ не глядя мнѣ въ глаза:

— Это про всякій случай, если я подвернусь подъ негоціантскую пулю. Съ этимъ вмѣстѣ Истоминъ досталъ изъ стола пару пистолетовъ, и подалъ ихъ оба на выборъ Шульцу.

— Извольте; я могу стрѣляться безъ секунданта, а моя квартира, надѣюсь, гораздо безопаснѣе парголовскаго лѣса. Лицо у Истомина было злое и кровожадное.

— Я такъ не могу, отвѣчалъ Шульцъ:—у меня жена, дѣти и состояніе: мои распоряженія нельзя сдѣлать въ одну минуту. Будемте стрѣляться послѣ-завтра за Коломягами.

— Извольте, я могу подождать. — Янъ! подай пальто господину Шульцу, крикнулъ громко Истоминъ, и снова повалился на диванъ и уткнулся лицомъ въ подушку.

Дуэли однако не было — ее не допустила Ида Ивановна.

XIX.

— Господинъ Истоминъ! сказала Ида, входя къ нему вечеромъ въ тотъ же день, когда произошло это объясненіе. — Я увѣрена, что вы меня не выгоните и не оскорбите.

Истоминъ вскочилъ съ дивана, вѣжливо поклонился ей и подалъ стулъ.

— Вы, взамѣнъ того, можете быть спокойны, что я пришла къ вамъ не съ объясненіями. Никакія объясненія ненужны.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Истоминъ.

— Прошедшему нѣтъ ни суда, ни порицанія. Если это была любовь—она не нуждается въ прощеніи; если это было увлеченіе—то... пусть и этому проститъ Богъ, давшій вамъ такую натуру. Вотъ вамъ моя рука, Истоминъ, въ знакъ полнаго прощенія вамъ всего отъ всей нашей семьи и... *отъ ней самой.*

Истоминъ взялъ, и съ жаромъ поцаловалъ протянутую ему руку Иды.

Дѣвушка тихо высвободила свою руку и отошла къ окну.

— Ида Ивановна! сказалъ, подходя ближе къ ней, Истоминъ.— Столько презрѣнія къ себѣ, сколько чувствую я, повѣрьте, не испытывалъ ни одинъ человѣкъ.

— Радуюсь, узнавая, что вы способны осуждать себя.

Истоминъ остановился.

— Ида Ивановна, неужто вы въ самомъ дѣлѣ меня простили!

— Monsieur Истоминъ, если я сказала, что я пришла къ вамъ не затѣмъ, чтобы вызывать васъ на объясненія, то я и не затѣмъ пришла, чтобы шутить съ вами для своего удовольствія, отвѣчала спокойно Ида.—Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, то я бы желала знать, что̀ такое именно вы считаете непростительнымъ изъ вашихъ поступковъ?

— Мое гадкое охлажденье къ вашей сестрѣ, которая меня любила!

Ида пожала плечами и сказала:

— Ну, къ несчастію, не всякій человѣкъ умѣетъ не охлаждаться. — Вы виноваты въ другомъ: въ вашемъ недостойномъ вчерашнемъ подозрѣніи; но не будемъ лучше говорить объ этомъ! Я пришла не затѣмъ, чтобы вынесть отъ васъ въ моемъ сердцѣ вражду, а я тоже человѣкъ и .. не трогайте этого лучше.

— Я все готовъ сдѣлать, чтобъ заслужить ваше прощеніе.

— Все?... а что̀ это такое, напримѣръ, вы можете сдѣлать *все*, чтобы *заслужить* прощеніе въ такомъ поступкѣ? спросила она, слегка покраснѣвъ, Истомина.

— Я знаю, что мой поступокъ заслуживаетъ презрѣнія.

— Да! вѣчнаго презрѣнія!

— Да; презрѣнія, презрѣнія; но... я могу имѣть наконецъ добрыя намѣренія...

— Добрыя намѣренія! Можетъ быть. Добрыми намѣреніями, говорятъ, весь адъ вымощенъ.

Истоминъ промолчалъ.

— Вы можете получить прощеніе, какъ милостыню, а не заслужить его!... Видите, я говорила вамъ, чтобъ вы меня не трогали.

— Говорите все; казните какъ, хотите.

— Это все равно, продолжала сдвигая строго брови Ида:—мы васъ простили; а ваша казнь?... она придетъ сама, когда вы вспомните вчерашнюю свою продѣлку.—Мой Боже! такъ оскорбить женщину, которая васъ такъ любила, и послѣ жить!... Нѣтъ; сдѣлавши такое дѣло, я, женщина, я-бъ не жила пяти минутъ на свѣтѣ.

Истоминъ сильно терзался.

— Простите, не упрекайте вы меня: я хоть сейчасъ готовъ на ней жениться, говорилъ онъ, ломая руки.

— Какая честь высокая! сказала, презрительно кусая губы, Ида:—да вы спросите лучше: какая женщина за васъ пошла бы? Конечно, дуръ и всякихъ низкихъ женщинъ много есть на свѣтѣ; но какъ же Маню-то вы смѣете равнять со всякой дрянью?... Вы, слушайте, Истоминъ! вы знайте, что я теперь бѣшусь и я вамъ, можетъ быть, скажу такое, что̀ я вовсе не хотѣла вамъ сказать и чего вы, вѣрно, давно не слыхивали... Вы должны были сберечь мою сестру отъ увлеченій; да, сберечь, сестра *любила* васъ; она за васъ не собиралась *замужъ*, а такъ *любила*, сама не зная почему; вы увлекли ее... Богъ знаетъ для чего, на что? и теперь...

— И теперь она меня не любитъ больше? произнесъ съ оскорбленіемъ и испугомъ Истоминъ.

— Гм! часъ отъ часа не легче... Какой вы жалкій человѣкъ, m-r Истоминъ! Утѣшу васъ: нѣтъ, *любитъ*. Радуйтесь и торжествуйте—*любитъ*. Но вы... Вотъ отгадайте-ка, что̀ я хочу вамъ досказать?

— Что я любви не стою? это вѣрно?

— Совсѣмъ не то; къ несчастью, женщинамъ перебирать-то много некѣмъ, m-r Истоминъ! Нѣтъ, вѣрно стоите, пожалуй. Когда бы не

было въ васъ ничего, что̀ на несчастье женщины, ей можетъ нравиться при нынѣшнемъ безлюдьи, такъ васъ бы этакъ не любили; но вы... да вы сами, подумайте, развѣ вы можете кого нибудь любить? У васъ была худая мать, Истоминъ, худая мать; она дурно васъ воспитывала, дурно, дурно воспитывала! докончила Ида и, чего бы кажется никакъ нельзя было отъ нея ожидать, она съ этимъ словомъ вдругъ сердито стукнула концомъ своего бѣлаго пальца въ красивый лобъ Романа Прокофьича.

Художникъ не пошевелился.

— Вы правы; вы безконечно правы, шепталъ онъ потерянно.— Но вы повѣрьте... это все не такъ... вы судите по жалобамъ однимъ...

— Оставьте! перестаньте, monsieur Истоминъ, говорить такіе вздоры! Какія жалобы? Кто слышалъ эти жалобы отъ порядочной женщины? Куда? кому можетъ честная женщина жаловаться за оскорбленіе ея чувства?... Для этихъ жалобъ земля еще слишкомъ тверда, а небо слишкомъ высоко.

Вышла минутная пауза. Ида покачала головою и, какъ будто что-то вспомнивъ, заговорила:

— А васъ любили въ самомъ дѣлѣ, и еще какъ преданно, какъ жарко васъ любили! Не Маня можетъ быть одна, а и другія, серьёзнѣе и опытнѣе Мани женщины въ своемъ пріятномъ заблужденіи васъ принимали за человѣка, съ которымъ женщинѣ пріятно было бы идти объ руку...

Ида Ивановна на минуту остановилась; Истоминъ смотрѣлъ на нее, весь дрожа, млѣя и волнуясь.

— Но этого не можетъ быть! прошепталъ онъ послѣ новой паузы, отодвигаясь со страхомъ на шагъ далѣе отъ Иды.

— Чего?

— Того, что̀ вы сказали.

— Отчего? продолжала спокойно глядя дѣвушка.

— Нѣтъ; этого не можетъ быть!

Дѣвушка опять долго, безъ устали смотрѣла въ лицо художнику и наконецъ она его поняла и поблѣднѣла. Въ эту же терцію бѣлый червячокъ шевельнулся у нея надъ верхней губою.

— Что̀ дѣлаютъ изъ человѣка его дурныя страсти! начала она, покачавъ головою.—И это вамъ не стыдно подумать то, что̀ вы подумали? О, боже мой! простая дѣвушка, которая ни разу никому не объяснялась въ чувствахъ, которая и говорить-то объ нихъ не умѣетъ, и безъ всякаго труда, безъ всякаго особаго старанья, въ какое она васъ ставитъ теперь положенье? Что̀ вы даете мнѣ читать по вашему лицу? Я такой страшной надписи никогда не читывала. Неужто вы подумали, что женщина, которая любила васъ окромѣ Мани—*я?*... И вы бы, Истоминъ, хотѣли этого? Возвысьтеся хоть разъ до правды передъ женщиной: вѣдь это правда?... такъ?... вы-бъ этого хотѣли?

Истоминъ не зналъ, что̀ говорить и думать.

— Боже! Боже!... ну, такъ ужь далеко моя фантазія не уходила! продолжала, не выдержавъ, Ида.—Польщу вамъ лишнею побѣдой, и вы со всею вашей силой, со всѣмъ своимъ талантомъ громкимъ, какъ пудель ляжете вотъ здѣсь къ моимъ ногамъ и поползете куда вамъ прикажу!... И все изъ-за чего? изъ-за того, чтобы взойти въ паѳосъ, потоки громкихъ фразъ пустить на сцену и обмануть еще одну своимъ минутнымъ увлеченьемъ... да?

— Не понимаю, зачѣмъ намъ говорить о томъ, чего не будетъ.

— О, да! о, да! мнѣ кажется, что этого не будетъ; вы это вѣрно угадали, подхватила съ полной достоинства улыбкой Ида.—А вѣдь смотрите: я даже не красавица, Истоминъ, и что̀ изъ васъ я сдѣлала?... Смѣшно подумать, право, что̀ я, *я*, Ида Норкъ, теперь для васъ, должно быть, первая красавица на свѣтѣ? что я силь-

нѣй всѣхъ этихъ умницъ и красавицъ, которыя сдѣлали васъ такимъ, какъ вы теперь... обезоруженнымъ, несчастнымъ человѣкомъ, рабомъ своихъ страстей.

— Спасибо вамъ за эти горькія слова! Я не забуду ихъ, покорно отвѣчалъ художникъ, протягивая дѣвушкѣ съ благодарностью обѣ руки.

Ида ему не подала ни одной своей руки и проговорила:

— Я не хотѣла васъ учить: вы сами напросились на урокъ. Запомните его; богъ-знаетъ, можетъ быть еще и пригодится.

— Ида Ивановна! честью клянусь вамъ, меня первый разъ въ жизни такъ унижаетъ женщина, и еслибы эта женщина не была вы, я бы не снесъ этихъ оскорбленій.

— Гм!... Что̀ же такое, однако, я для васъ въ самомъ дѣлѣ? проговорила она, сдвигая брови и поднимая голову.

Ида измѣнила позу и сказала, вздохнувъ:

— Ну, однако, довольно, monsieur Истоминъ, этой комедіи. Униженій передъ собою я не желаю видѣть ничьихъ, а вашихъ всѣхъ менѣе; взволнована же я вѣроятно не менѣе васъ. Въ двадцать-четыре года выслушать, что̀ я отъ васъ выслушала, да еще такъ внезапно, и потомъ въ ту пору, когда семейная рана пахнетъ горячей кровью, согласитесь, этого нельзя перенесть безъ волненія. Я запишу этотъ день въ моей библіи; замѣтьте и вы его на томъ, что̀ у васъ есть завѣтнаго.

Лицо Иды вдругъ выразило глубокое негодованіе; она сдѣлала одинъ шагъ ближе къ Истомину и, глядя ему прямо въ лицо, заговорила:

— Забыто все! и мать моя, и бабушка, и Маня, и нашъ позоръ семейный — все позабыто! Все *молодость*, передразнила она его съ презрѣніемъ. — По вашему, на всѣ гадости молодость право имѣетъ. Ахъ вы этакой молодой палачъ! Что̀ мать

моя?... что̀ ея за жизнь теперь?... Вѣдь вы въ нашъ тихій домъ взошли какъ волкъ въ овчарню, вы нашъ палачъ? Вы молоды, здоровы и думаете, что старость—это ужь... дрова гнилыя, соръ, такая дрянь, которая и сожалѣнія даже ужь не стоитъ?... Какая почтенная у васъ натура? Скажите мнѣ... Вамъ никогда не говорила ваша мать, что тотъ проклятъ, чья молодость положитъ лишнюю морщину на лбу у старости? Нѣтъ? не сказала?... Говорите же, вѣдь не сказала? О, да! пускай ее за это Господь проститъ, но я... я, женщина, и я скорѣе васъ прощу, а ей... хотѣла бы простить, да не могу: столько доброты нѣтъ въ моемъ сердцѣ.

Ида сложила на груди руки, быстро сѣла въ стоявшее возлѣ нее кресло, посмотрѣла минуту въ окно и, снова взглянувъ въ лицо Истомину, продолжала:

— Не знаю, да, клянусь вамъ, истинно не знаю, кого могли вы увлекать когда нибудь? Дѣтей, подобныхъ Манѣ, или такихъ, которыхъ нечего и увлекать... а я!... Да, впрочемъ, вѣдь за что-жь бы для меня вамъ сдѣлать исключенье? Ну да! скорѣй, скорѣй теперь Истоминъ на колѣни! Вы будете прекрасны, я не устою передъ этимъ, и мы двойнымъ, нигдѣ, мнѣ кажется, еще неслыханнымъ стыдомъ, покроемъ нашу семью. Старуха выдержитъ: она молиться будетъ и снесетъ; не то, не выдержитъ— стара, туда ей и дорога... Ну, что-жь вы стали? руку! давайте руку на позоръ!

Истоминъ молча пряталъ глаза въ темный уголъ; на лбу его были крупныя капли пота и волосы вспутались, точно его кто растрепалъ.

— Вамъ поздно думать о любви, начала медленно приподнимаясь съ кресла Ида... Мы васъ простили, но за вами, какъ авелева тѣнь за Каиномъ, пойдетъ повсюду тѣнь моей сестры. Каждый цвѣтокъ, которымъ она невинно радовалась; птичка, за ко-

торой она при васъ слѣдила по небу глазами, само небо, подъ которымъ мы ее лелѣяли, для того, чтобы вы отняли ее у насъ—все это за нея заступится.

Истоминъ все слушалъ, все не двигался и не издавалъ ни звука.

— Я вамъ сказала минуту назадъ, что женщинамъ, къ несчастію, перебирать-то много некѣмъ, а вѣдь любить... кому же съ живою душою не хотѣлось любить. Но, m-r Истоминъ, есть женщины, для которыхъ лучше отказаться отъ малѣйшей крупицы счастія, чѣмъ связать себя съ нулемъ, да еще... съ нулемъ, нарисованнымъ въ квадратѣ. Я одна изъ такихъ женщинъ.

Истоминъ сверкнулъ глазами, и тотчасъ же усмирѣлъ снова. Но Ида тѣмъ же самымъ тономъ продолжала:

— Молитесь лучше, чтобы вашей матери прощенъ былъ тяжкій грѣхъ, что вамъ она не вбила вонъ туда въ тотъ лобъ и въ сердце хоть пару добрыхъ правилъ, что не внушила вамъ, что женщина вамъ не игрушка; и вотъ за то теперь, когда вамъ тридцать лѣтъ—вамъ дѣвушка читаетъ наставленія! А вы еще ее благодарите, что васъ она, какъ мальчика, бранитъ и учитъ! и вы не смѣете въ лицо глядѣть ей, и самому себѣ теперь вы гадки и противны.

— Больнѣй, больнѣй меня казните, бога-ради!

— Ахъ, какъ это противно, еслибы вы знали! Вы, бога-ради, бросьте всѣ эти фразы и эту, вовсе мнѣ ненужную покорность, отозвалась нетерпѣливо Ида.—Какая казнь! На что она кому-нибудь?... Я къ вамъ пришла совсѣмъ за другимъ дѣломъ, а не казнить васъ: отвѣтьте мнѣ, если можете, искренно: жаль вамъ мою сестру, или нѣтъ?

— Вы знаете впередъ, что̀ я вамъ отвѣчу.

— Нѣтъ, не знаю. Я васъ спрашиваю по истинѣ, искренно. Я еще такихъ словъ отъ васъ не слыхала.

— Жаль.

— И способны вы хоть что нибудь принесть ей въ жертву?

— Все! мой боже! все, что̀ вы прикажете!

— Ни жизни и ни чести я у васъ не попрошу. Садитесь и пишите, что̀ я вамъ буду говорить.

Это было сказано тихо, но съ такою неотразимой внушительностью, съ какою развѣ могло соперничать только одно приказаніе королевы Маргариты, когда она велѣла встрѣченному лѣсному бродягѣ беречь своего королевскаго сына.

Такихъ приказаній нельзя не слушаться безъ разбора, даетъ ли ихъ мѣщанка, или королева и, дабы властительная способность отдавать такія приказанія не сдѣлалась банальной, природа отмѣчаетъ ею мѣщанокъ съ неменьшею строгостію, чѣмъ королевъ.

Истоминъ подошелъ къ столу и взялъ перо; Ида стала у него за стуломъ и глядѣла черезъ плечо въ бумагу.

— Пишите, начала она твердо:—«Милостивый государь, Фридрихъ Фридриховичъ!»

— Это къ Шульцу? спросилъ Истоминъ, какъ смирный ребёнокъ, пораженный величиною урока - спрашиваетъ: «это всю страницу выучить?»

— «Милостивый государь, Фридрихъ Фридриховичъ!» продолжала Ида. Художникъ написалъ. Дѣвушка продолжала далѣе:

«Я искренно раскаяваюсь во всемъ, что̀ дало вамъ поводъ вызвать меня на дуэль. Я считаю себя передъ вами виноватымъ и прошу у васъ прощенія»...

Истоминъ остановился и, не поднимая головы, закусилъ зубами перо.

— «И прошу у васъ прощенія», повторила, постоявъ съ секунду, Ида.

— *И прошу у васъ прощенія!* выговорила она, еще настойчивѣе и слегка толкнувъ Истомина концами пальцевъ въ плечо.

Художникъ вздохнулъ и четко написалъ: «прошу у васъ прощенія».

— «И даю мое честное слово, продолжала, стоя въ томъ же положеніи дѣвушка:—что мое присутствіе болѣе не нарушитъ спокойствія того лица, за которое вы благородно потребовали меня къ отвѣту: я завтра же уѣзжаю изъ Петербурга и надолго».

— Позвольте мнѣ послѣднее слово замѣнить другимъ?

— Какимъ?

— Я желаю написать: «навсегда».

— Напишите, сказала, подумавъ, Ида, и когда Истоминъ подписалъ, какъ принято, свое письмо, она тихо засыпала золотистымъ пескомъ исписанный листокъ, тщательно согнула его ногтемъ и положила подъ корсажъ своего строгаго платья.

— Проводите меня до двери— я боюсь вашей собаки.

Истоминъ ударилъ ногою своего водолаза и пошелъ немного сзади Иды.

— Прощайте, сказала она ему у двери.

Онъ ей молча поклонился.

— Послушайте! позвала Ида снова, когда Истоминъ только что повернулъ за нею ключъ и еще не успѣлъ отойдти отъ двери. Художникъ отперъ.

— Въ несчастіи трудно владѣть собою и быть справедливымъ: — я много сегодня сказала вамъ, начала сдвинувъ брови Ида.—Я не довольна этимъ; я васъ обидѣла болѣе, чѣмъ имѣла права.

Истоминъ опять отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ.

— Да, заключила дѣвушка. — Я это чувствую и я вернулась сказать вамъ, что и васъ мнѣ тоже жаль искренно.

Ида протянула Истомину руку.

— Прощайте, добавила она тихо, отвѣтивъ на его пожатіе, и снова вышла за двери.

Романъ Прокофьичъ сдержалъ обѣщаніе, данное Идѣ: онъ уѣхалъ на другой же день, оставивъ всѣ свои дѣла въ совершенномъ безпорядкѣ. Недѣли черезъ три я получилъ отъ него вѣжливое письмо съ просьбою выслать ему нѣкоторыя его вещи въ Тифлисъ, а остальныя продать и съ квартирою распорядиться по моему усмотрѣнію.

Въ своемъ письмѣ Истоминъ, между прочими строками дѣлового характера, лаконически извѣщалъ, что намѣренъ изучать природу Кавказа, а тамъ, можетъ быть, проѣдетъ посмотрѣть на берега Сыр-Дарьи.

XX.

Прошелъ годъ, другой — о Романѣ Прокофьичѣ не было ни слуха, ни духа. Ни о самомъ о немъ не приходило никакихъ извѣстій, ни работъ его не показывалось въ свѣтѣ, и великія ожиданія, которыя онъ когда-то посѣялъ, рухнули и забылись, какъ забылись многія большія ожиданія, рано возбужденныя и рано убитыя многими подобными ему людьми. Норки жили попрежнему; Шульцъ тоже. Онъ очень долго носился съ извинительной запиской Истомина и даже держался слегка дуэлистомъ, но наконецъ и это надоѣло, и это забылось.

Маня Норкъ жила совсѣмъ невидная и неслышная; но черная тоска не переставала грызть ее. Мѣста, стѣны, люди — все видимо тяготило ее. Пользуясь своей безграничной свободой въ домѣ, она часто уходила ко мнѣ и просиживала у меня цѣлые дни, часто не сказавъ мнѣ ни одного слова. Иногда, впрочемъ, мы бесѣдовали, даже варили себѣ шоколадъ и даже смѣивались, но никогда не говорили о прошломъ. Чего ждала она и чего ей сколько нибудь хотѣлось отъ жизни—она никогда не высказывала. Разъ только помню, когда въ какомъ-то разговорѣ, я спросилъ ее, какая доля, по ея мнѣнію, самая лучшая? она отвѣчала, что доля пушкинской Татьяны.

— А почему? спросилъ я.

— Да потому, что для бѣдной Тани всѣ были жребіи равны, отвѣчала Маничка.

Такъ это все и жилось тихо. Во все это время насъ потревожило немножко только одно газетное извѣстіе о какой-то битвѣ русскихъ съ черкесами въ ущельяхъ Дарьяла. Романическая была исторія! Писали, какая была ночь, какъ вечеръ быстро смѣнился тьмою, какъ осторожно наши шли обрывомъ взорванной скалы, какъ сшиблись въ свалкѣ и крикнулъ женскій голосъ въ толпѣ чеченцевъ; что на этотъ голосъ изъ-за нашихъ рядовъ вынесся находившійся въ экспедиціи художникъ И., что онъ рубилъ своихъ за басурманку, съ которой былъ знакомъ, и считался кунакомъ ея брату, и что храбрѣйшій офицеръ, какой-то N., или Z ему въ лицо стрѣлялъ въ упоръ, и если не убилъ его, такъ-какъ пистолетъ случайно былъ лишь съ холостымъ зарядомъ, то вѣрно ослѣпилъ. «Измѣнникъ обнялъ дѣвушку и вмѣстѣ съ ней скатился въ бездну», было написано въ газетѣ.

Всѣ мы были увѣрены, что это дѣянія Истомина и тщательно скрывали это отъ Мани. Такъ это наконецъ и прошло. Маня попрежнему жила очень тихо и словно ни о чемъ не заботилась; словно она все свое совершила и теперь ей все равно; и вдругъ, такъ мѣсяца за полтора передъ лондонской всемірной выставкой, она совершенно неожиданно говоритъ мнѣ:

— А знаете, я съ Фридрихомъ Фридриховичемъ поѣду за границу.

Смотрю, и въ самомъ дѣлѣ у Норковъ идутъ сборы — снаряжаютъ Маню за границу.

— Чего это ѣдетъ Маня? спросилъ я разъ Иду.

— А отчего жь, отвѣчаетъ, ей и не ѣхать?

Старуха-мать ходитъ съ наплаканными глазами, но тоже собираетъ Маню бодро.

— А вы, спрашиваю Маню, какъ ѣдете:—радуетесь или нѣтъ?

— Мнѣ все равно, отвѣтила Маня спокойно и равнодушно.

Ида знала пружины, выдвигавшія Маню изъ Россіи за границу, но молчала какъ рыба, и только когда Маня сѣла въ вагонъ, а Фридрихъ Фридриховичъ съ дорожною сумкою черезъ плечо цаловалъ руку плачущей старухи Норкъ, Ида Ивановна посмотрѣла на него долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и, закусивъ губы, съ злостью постучала кулакомъ по своей ладони.

Черезъ три мѣсяца Шульцъ писалъ изъ одного маленькаго шверинскаго городка, что Маня выходитъ замужъ за одного машиннаго фабриканта родомъ изъ Сарепты, но имѣющаго въ мѣстечкѣ Плау свою наслѣдственную фабрику. Маня тоже писала объ этомъ матери и сестрѣ и просила у старухи благословенія.

— Вотъ нашъ милый Фрицынька, какія штучки устраиваетъ! сказала съ ироніей Ида, сообщивъ мнѣ извѣстіе о маниномъ замужествѣ.—Смылъ семейное пятно съ громкаго имени Норковъ.

— Вы, Ида Ивановна, противъ этого замужества?

— Я ни противъ чего; но помилуйте, что̀ жь это можетъ быть за замужество, да еще для такой восторженной и чуткой женщины, какъ Маня? И представьте себѣ, что еще когда онъ только заговаривалъ, чтобы повезть ее *поразвлечься*, я тогда очень хорошо предвидѣла и знала все, чѣмъ это окончится.

— Чего жь вы ей объ этомъ не сказали?

— Я говорила ей—она отвѣтила: «мнѣ все равно»—и только.

— Дай Богъ одно теперь, сказалъ я: — чтобъ это, по крайней-мѣрѣ, было что-нибудь похожее на человѣка.

— На ангела, на ангела, а не на человѣка! перебила Ида.— Человѣка мало, чтобы спасти ее. Ангелъ! Ангелъ! продолжала она, качая головою:—слети же, въ самомъ дѣлѣ, разъ еще на землю; вселися въ душу мужа, съ которымъ связана жена, до-

стойная любви, безъ силъ любить его любовью, и покажи, что̀ можетъ сдѣлать этотъ бѣдный человѣкъ, когда въ его душѣ живутъ не демоны страстей, а ты, святой посланникъ неба?

Фридрихъ Шульцъ возвратился совсѣмъ отцомъ и покровителемъ. Маня, по его мнѣнію, была пристроена прекрасно и сама она два или три раза писала мнѣ и Идѣ Ивановнѣ, что ей хорошо. «Одно только, добавляла она въ послѣднемъ письмѣ: — тяжкія бываютъ минуты тоски, хочется куда-то бѣжать, куда-то броситься и все представляется, будто я еще сдѣлаю что-то ужасное».

Въ семьѣ Норковъ такъ всѣ чего-то и ожидали: ни Ида матери, ни мать Идѣ не говорили другъ другу ни про какія опасенія; но стоило только кому-нибудь при нихъ невзначай произнесть слово: *новость*, какъ обѣ эти женщины блѣднѣли и окаменѣвали.

Софья Карловна старѣлась не по днямъ, а по часамъ и даже часто совсѣмъ теряла память.

XXI.

Переносимся на короткое время далеко въ Германію, въ Сѣверный Шверинъ.

Маленькое мѣстечко Плау, расположенное при небольшомъ Плаускомъ озерцѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Доберана, все на праздничной ногѣ. Изъ высокой дымовой трубы на фабрикѣ изобрѣтателя качающихся паровыхъ цилиндровъ, доктора Альбана, уже третій день не вылетаетъ ни одной струи дыма; пронзительный фабричный свистокъ не раздается въ покрытыхъ снѣгомъ поляхъ; на дворѣ сумерки; густая, сѣрая луна изъ-за горы поднимается тускло; деревья индевѣютъ. Вездѣ тихо-тихохонько: только въ полумракѣ на синемъ льду озера катается на конькахъ нѣсколько прозябшихъ мальчиковъ; на улицѣ играютъ и вертятся на спинахъ двѣ собаки; но Плау не спитъ и не скучаетъ; въ окошкахъ его чистенькихъ красныхъ домиковъ вездѣ горятъ веселыя огоньки и суетливо бѣгаютъ мелкія тѣни; нѣсколько тѣней чешутся передъ маленькими гамбургскими зеркальцами; двѣ тѣни шнуруютъ на себѣ корсеты, одна даже пудритъ себѣ шею. Все это прекрасно видно съ улицы, на которой играютъ двѣ собаки, но собаки не обращаютъ на это никакого вниманія и

продолжаютъ вертѣться въ мягкомъ снѣжку. Сегодня вечеромъ все Плау намѣрено танцовать у преемника Альбана, доктора Риперта. Каждый годъ докторъ Рипертъ даетъ своимъ сосѣдямъ очень веселый вечеръ на третій день Рождества Христова, и у него въ этотъ день обыкновенно бываетъ все Плау; но нынче дѣло не ограничится одними плаузсцами. Нынче у Риперта будетъ на вечерѣ Беръ — человѣкъ, который цѣлый вѣкъ сидитъ дома, самъ дѣлаетъ сбрую на своихъ лошадей; ложится спать въ девять часовъ непремѣнно, и къ довершенію всѣхъ своихъ чудачествъ, женился на русской, которая однако заболѣла, захирѣла и, говорятъ, непремѣнно скоро умретъ съ тоски. Это очень романическая пара: одни говорятъ, что Беръ увезъ свою жену; другіе разсказываютъ, что онъ купилъ ее. «Гдѣ же купить? Помилуйте, гдѣ же въ нашъ вѣкъ въ Европѣ продаются на рынкахъ женщины?» Этакъ говорили скептики, но какъ скептиковъ даже и въ Германіи меньше, чѣмъ легковѣрныхъ, то легковѣрные ихъ перекричали и рѣшили на томъ, что «а вотъ же купилъ!» Но это ужь были старые споры; теперь говорилось только о томъ, что эта жена умираетъ у Бера, въ его волчей норѣ, и что онъ наконецъ рѣшился вывезти ее, дать ей вздохнуть другимъ воздухомъ, показать ее людямъ. По правдѣ сказать, все Плау таки ужь давно скандализировано тѣмъ, что Беръ никому не покажетъ своей жены. Многіе считали это сначала просто пренебреженіемъ, и успокоились только, когда распространился слухъ, что Беръ сектантъ, гернгутеръ, пуританинъ и даже ханжа, но тѣмъ интереснѣе, что этотъ пуританинъ сегодня явится въ обществѣ, да еще вдобавокъ съ своей русской женою. А что они сегодня явятся, въ этомъ не было никакого сомнѣнія, потому что madame Рипертъ сама объявила объ этомъ дочерямъ кузнеца Шмидта и столяра Тишлера, и совѣто-

вала имъ пріодѣться. Весь вопросъ теперь могъ заключаться только въ томъ, будетъ ли сектантъ Беръ играть въ карты, и позволитъ ли онъ танцовать своей женѣ. Всѣ, впрочемъ, довольно единогласно рѣшали, что играть въ карты онъ, можетъ быть, и станетъ, но танцовать своей женѣ ужь навѣрно не позволитъ.

— Я, мама, ни за что не пошла бы замужъ за гернгутера, говорила матери одна изъ дочерей Тишлера.

— И я тоже, подкрѣпила другая.

Съ этими словами онѣ вошли на высокое каменное крыльцо фабриканта.

То же самое говорили черезъ нѣсколько минутъ, всходя на это крыльцо, дочери Шмидта.

Самъ Рипертъ, встрѣчая гостей въ углу своей залы и подавая имъ толстую руку съ огромнымъ перстнемъ на большомъ пальцѣ, тоже выразился кому-то о гернгутерѣ очень неблагопріятно.

Тѣмъ не менѣе, конечно, при каждомъ шумѣ въ сѣняхъ, всѣ съ любопытствомъ взглядывали на двери.

Изчужа можно было предполагать, что сюда на этотъ вечеръ ожидаютъ прибытія Кармакдойля, или Рауля Синей-бороды.

Наконецъ они пріѣхали. Это была по истинѣ очень торжественная минута. Они пріѣхали на какихъ-то оригинальныхъ саняхъ, запряженныхъ парою очень хорошихъ лошадей, но безъ кучера. За ними прибѣжала огромная лохматая собака, которую Беръ назвалъ Рапò, и велѣлъ ей лечь въ сани. Собака въ ту же секунду вспрыгнула въ сани, свернулась кольцомъ и легла на указанное ей мѣсто. Беръ вынулъ изъ кармана шубы тонкій ременный чембуръ и собственноручно привязалъ своихъ лошадей къ столбу. Конюхъ Риперта предложилъ-было Беру свои услуги поберечь его лошадей, но тотъ коротко отвѣчалъ: «не надо». Всѣ, которымъ послѣ захотѣлось поближе полюбоваться заиндивѣвшей

парой прекрасныхъ коней Бера, согласились, что беречь ихъ дѣйствительно было *не надо*. Каждому человѣку, подходившему къ лошадямъ ближе пяти шаговъ, Рапò давалъ самый энергическій знакъ удалиться. Покрытый морозною пылью, лохматый песъ былъ такъ же немногорѣчивъ, какъ его хозяинъ; онъ не рычалъ, при приближеніи человѣка, а молча вскакивалъ во весь свой ростъ въ саняхъ, становился передними лапами на край и выжидалъ перваго движенія подходившаго, чтобы броситься ему на грудь и перекусить горло.

Слесарный подмастерье, который, бывши одинъ разъ въ Лейпцигѣ, купилъ себѣ тамъ на ярмаркѣ иллюстрированный экземпляръ «Парижскихъ тайнъ», и зналъ эту книгу какъ свои пять пальцевъ, увѣрялъ, что точно такая собака была у Дагобера.

— Можетъ быть, это она и есть? заподозрилъ рипертовъ конюхъ.

— Я много не прозакладую, что это не она, отвѣчалъ слесарный ученикъ.

Все дышало какою-то таинственностью около саней страннаго гостя: словно все это прилетѣло изъ какого-то другого міра. Лошади сильныя, крѣпкія какъ львы, вороныя и всѣ покрытыя серебряною пылью инея, насѣвшаго на ихъ потную шерсть, стоятъ тихо какъ вкопанныя; только сѣдыя, заиндивѣвшія гривы ихъ топорщатся на морозѣ и изъ ноздрей у нихъ вылетаютъ четыре дымныя трубы, широко расходящіяся и исчезающія высоко въ тихомъ, морозномъ воздухѣ; сани съ непомѣрно высокимъ переднимъ щиткомъ похожи на адскую колесницу; страшный песъ напоминаетъ Цербера: когда онъ встаетъ, луна бросаетъ на него тѣнь такъ странно, что у него вдругъ являются три головы: одна смотритъ на поле, съ котораго пріѣхали всѣ эти странныя существа, другая на лошадей, а третья на тѣхъ, кто на нее смотритъ.

*

— Я бы, однако, далъ довольно дорого, чтобы посмотрѣть на самого этого гостя, проговорилъ слесарный ученикъ, который, впрочемъ, потому и былъ такъ щедръ, что никому не могъ ничего дать.

— Это можно сдѣлать очень просто, отвѣчалъ безкорыстный конюхъ: — ты становись мнѣ на плеча, смотри въ окно и хорошенько мнѣ все разсказывай.

Они такъ и сдѣлали: конюхъ сталъ опершись руками въ стѣну, а слесарный ученикъ взмостился ему на плечи, но морозъ очень густо разрисовалъ окна своими узорами, и слесарный ученикъ увидѣлъ на стеклахъ только однѣ сѣдыя полосы, расходящіяся рогами.

— Я тебѣ скажу, говорилъ съ конюховыхъ плечъ слесарный ученикъ: — что я вижу что-то странное: я вижу какъ будто огонь и какіе-то ледяные рога...

И онъ не договорилъ, что̀ онъ видѣлъ, еще болѣе, потому, что въ это время стоявшаго противъ дверей конюха кто-то ужасно сильно толкнулъ кулакомъ въ брюхо и откинулъ его отъ стѣны на цѣлую сажень. Слесарный ученикъ отлетѣлъ еще далѣе, и вдобавокъ чрезвычайно несчастливо воткнулся головою въ кучу снѣга, которую онъ самъ же и собралъ, чтобы слѣпить здѣсь бѣлаго великана, у котораго въ пустой головѣ будетъ горѣть фонарь, когда станутъ расходиться по домамъ гости.

Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно странно вязались съ какою-то святочной чертовщиной, потому что когда слесарный ученикъ и конюхъ встали, у нихъ у обоихъ звенѣло въ ушахъ, и они оба были поражены самымъ неожиданнымъ зрѣлищемъ: по бѣлому, ярко освѣщенному луною полю, дѣйствительно несся чортъ. Онъ скакалъ на той самой парѣ серебряныхъ лошадей, извергавшихъ изъ ноздрей цѣлые клубы дыма; у самаго чорта

лежало что-то бѣлое на колѣняхъ, а сзади его, трепля во всю мочь лохматыми ушами, неслась дагоберова собака. И когда этотъ адскій поѣздъ быстро выѣхалъ въ мелкій перелѣсокъ, что̀ начинался тотчасъ за полемъ, то и чортъ и собака разомъ закричали что-то неимовѣрно страшное. На этомъ разстояніи и слесарному ученику и конюху стало видно, что паръ, которымъ дышали лошади, болѣе не поднимался вверхъ расходящимися трубами, а ложился конямъ на спины и у нихъ на спинахъ выросли громадныя крылья, на которыхъ они, чортъ ихъ знаетъ куда и дѣлись, вмѣстѣ съ санями, собакой и хозяиномъ.

— Я никогда въ жизнь мою не ожидала такого скандала, говорила, возвращаясь домой, кузнечиха Шмидтъ столярихѣ Тишлеръ.

— И я тоже, отвѣчала Тишлеръ.

Старшая дѣвица Шмидтъ хотѣла-было блеснуть образованностью и выговорила «et moi aussi», но мать ее тотчасъ остановила и сказала:

— Я полагаю, что ты еще слава-богу не русская барышня, чтобы не умѣть говорить на своемъ языкѣ.

Мѣстечко было до того взволновано этимъ событіемъ, что нѣсколько человѣкъ тотчасъ же отправились къ старому кузнецу Шмидту, разбудили его и заставили ударить три раза молотомъ по пустой наковальнѣ, и только тогда успокоились, когда онъ это исполнилъ, такъ-какъ извѣстно, что эти три удара совершенно прочно заклепываютъ цѣпь сорвавшагося чорта сѣверо-германскихъ прибрежій.

А вотъ въ чемъ въ самомъ дѣлѣ состояло происшествіе: все это надѣлала русская барышня.

Madame Шмидтъ такъ разсказывала дома эту исторію мужниному молотобойцу, которому она имѣла привычку приносить ужинъ въ особую каморку, когда уже все ея честное семейство засыпало, или мнилось заснувшимъ.

— Они вошли, говорила madame Шмидтъ.—Онъ такой, какъ этотъ чортъ, который нарисованъ въ Кёльнѣ. Ты, можетъ быть, не видалъ его, но это все равно: онъ маленькій, голова огромная, но волосы всѣ вверхъ. Я полагаю, что онъ непремѣнно долженъ ѣсть сырое мясо, потому что у него глаза совершенно красные, какъ у пьянаго француза. Фи, я терпѣть не могу французовъ.

Молотобоецъ сдѣлалъ «гм!» такъ, какъ будто онъ въ этомъ сомнѣвался, и залилъ свое сомнѣніе новою кружкой пива.

— А Робертъ Вейсъ, который долженъ былъ играть на фортепьяно, ушелъ къ совѣтнику... и онъ былъ пьянъ къ тому же. Да! я и забыла тебѣ сказать, что съ нимъ пріѣхала его жена. Она изъ Россіи. Она очень недурна, но я думаю, что она глупа, и послѣ я въ этомъ еще больше убѣдилась. У нея, во-первыхъ, нѣтъ роста: она совершенно карманная женщина. Я думаю, это вовсе не должно нравиться мужчинамъ. Хотя у мужчинъ бываютъ и очень дикіе вкусы, но большой ростъ все-таки очень важное дѣло.

Madame Шмидтъ была очень большого роста.

Молотобоецъ опять только промычалъ: гм!

— Да; я увѣрена, что это не можетъ нравиться, продолжала madame Шмидтъ.—Это, конечно, строго соображая, не ея вина, и я ее за это строго не осуждаю, но все-таки такая женщина не можетъ дѣйствовать на человѣка.

Молотобоецъ опять промычалъ: гм!

— Да все это еще простительно, если смотрѣть на вещи снисходительнымъ глазомъ: она вѣдь могла быть богата, а Беръ, говорятъ, слишкомъ жаденъ и самъ своихъ лошадей кормитъ. Я этому вѣрю, потому что на свѣтѣ есть всякія скареды. Но Вейса не было, а онъ долженъ былъ играть на фортепьяно.

Позвали этого русскаго Ивана, что̀ лѣпитъ формы, и тутъ-то началась потѣха. Ты знаешь, какъ онъ страшенъ? Онъ вѣдь очень страшенъ, ну, и потому ему надѣли на глаза зеленый зонтикъ. Все равно, онъ такъ распорядился, что ему глаза теперь почти ненужны.

— Ненужны, произнесъ молотобоецъ.

— Онъ сѣлъ за фортепьяно съ зонтикомъ. Но онъ ужасно сбивалъ всѣхъ съ такта. Я никогда не слыхала, чтобы хотя одинъ музыкантъ игралъ такъ дурно. Это, конечно, очень понятно, потому что у него почти все равно, что нѣтъ глазъ, но дѣвицы были этимъ очень недовольны, всѣ молодые люди хотѣли его выслать... Штромъ сказалъ: я дамъ одинъ пять талеровъ тому, кто намъ съиграетъ хорошо, хоть два вальса. А она... нужно тебѣ сказать, что она не танцовала, она сѣла за фортепьяно и съиграла пять вальсовъ. Я не могу сказать, чтобы она играла хуже madame Рипертъ. Но ты себѣ представь, что̀ она за то сдѣлала! Ей, конечно, никто не смѣлъ заплатить пять талеровъ; но она сама взяла его шляпу и пошла у всѣхъ собирать для него деньги! Со мною, разумѣется, не было ничего, ни одного зильбергроша, потому что я шла вѣдь, надѣюсь, въ семейный домъ, а не на складчину. Но мужчины наклали ей очень много денегъ. Ея мужъ положилъ десять талеровъ, а Рипертъ, ты знаешь, какой онъ пустой человѣкъ: онъ изъ тщеславія положилъ двѣнадцать. Это, я говорю, неправда ли, такъ очень бы хорошо играть, за такую цѣну? Это и ты бы, я думаю, радъ былъ играть, еслибы умѣлъ.

— Да, еслибъ имѣлъ, отвѣчалъ молотобоецъ.

— Вотъ тутъ за то и вышла цѣлая исторія. Да; я ужасно жалѣла, что я взяла туда съ собою моихъ дочерей. Тутъ онъ снялъ свой зонтикъ; она закричала: «ахъ!» онъ закричалъ: «ахъ!» онъ затрясся и задрожалъ; она упала, а этотъ ея звѣрь, этотъ про-

клятый гернгутеръ-то, взялъ ее въ охапку, выбѣжалъ съ нею на дворъ и уѣхалъ. Каково, я тебя спрашиваю, это перенесть madame Рипертъ? Согласенъ ли ты, что вѣдь это можно назвать происшествіемъ?

Молотобоецъ отвѣчалъ, что онъ съ этимъ согласенъ.

Madame Рипертъ это дѣйствительно не могло понравиться, тѣмъ болѣе, что черезъ три дня послѣ этого она имѣла удовольствіе прочитать всю эту исторію въ игривомъ фёльетонѣ трехгрошовой доберанской газеты. Да и скажите, пожалуйста, что̀ здѣсь такого, что̀ могло бы понравиться-то уважающей себя женщинѣ?

Вотъ другое бы дѣло, еслибы въ доберанской газетѣ напечатали другую исторію, которая случилась гораздо послѣ; но про эту исторію доберанская газета рѣшительно не могла узнать ничего, потому что исторія эта разъигралась въ очень темномъ яру и съ такою скромностью, съ которою обыкновенно совершаются дѣйствительно любопытныя исторіи. Въ этомъ узкомъ, темномъ яру, заваленномъ тучами бѣлаго снѣга, стояло странное красное зданіе: это были двѣ круглыя, красныя башни, соединенныя узкимъ корпусомъ, внизу котораго помѣщались кузня и точильня, а вверху жилье въ пять высокихъ готическихъ оконъ. Зданіе это въ Плау называли «норою Бера».

У этого страннаго зданія, въ темномъ яру, куда никогда не западалъ блѣдный лучъ мѣсяца, остановилась пара посребренныхъ лошадей, ускакавшихъ на третій день Рождества изъ Плау.

Изъ саней тогда вышелъ тотъ же приземистый Кармакдойль, и вынесъ на рукахъ молодую женщину, которую онъ всю дорогу согрѣвалъ въ своей шубѣ. Онъ внесъ ее въ длинную комнату, занимавшую половину коридора, который соединялъ двѣ башни; свиснулъ своей собакѣ, повернулъ въ дверяхъ ключъ и вышелъ.

Въ этомъ, конечно, нѣтъ еще никакой исторіи. Исторія началась собственно на другой день, или на другую ночь, а разыгралась еще гораздо позже.

На слѣдующую ночь, въ лѣвой башнѣ, подъ которой приходилась конюшня, гдѣ стояла пара лошадей, изумлявшихъ своею силой и крѣпостью плаузскаго рипертова конюшаго, въ круглой, красной комнатѣ горѣлъ яркій-преяркій огонь. Этотъ огонь пылалъ въ простомъ кирпичномъ каминѣ, куда сразу была завалена цѣлая куча колючаго, сухого вереска.

Передъ каминомъ, въ углу, на старомъ креслѣ, обитомъ зеленымъ сафьяномъ, помѣщался Беръ, одѣтый въ толстые лосинные штаны, и желтую, стеганую нанковую куртку. У ногъ его, на шкурѣ дикой козы, лежалъ, протянувъ морду къ камину, Рапо̀.

Еслибы я искалъ случая *подражать*, въ чемъ меня такъ любезно упрекаютъ добрые друзья мои, то я могъ бы списать здѣсь цѣлую картину у Вальтера Скота, и она пришлась бы сюда какъ нельзя болѣе кстати. На дворѣ была морозная ночь; полная луна ярко свѣтила на полѣ и серебрила окраины яра, но не заходила въ ущелье, гдѣ было бы темно совсѣмъ, какъ въ преисподней, еслибы изъ кузнечнаго горна, передъ которымъ правили насѣки, не сыпались красныя искры, да не падалъ красный пукъ свѣта изъ окна хозяйской, круглой комнаты. Въ дальнемъ углу оврага, выли въ перекличку два волка, вторя другъ другу раздирающимъ унисономъ.

Беръ сидѣлъ въ своей комнатѣ одинъ, съ своей лахматой собакой. Каминный огонь прихотливо озарялъ его круглую нору. Это была комната въ башнѣ, увѣшанная кругомъ машинными ремнями, конскими хомутами, тяжелыми насѣками, буравами и винтовыми досками. Въ одномъ заворотѣ у камина стоялъ тяжелый токарный станокъ съ подвижнымъ патрономъ, въ другомъ—

желѣзная кровать хозяина, покрытая верблюжьимъ войлокомъ. Противъ нея помѣщался старинный комодъ съ львиными лапами вмѣсто ручекъ. На стѣнѣ висѣли два двуствольныя ружья, а между ними огромное, черное распятіе. Болѣе здѣсь не было никакой мёбели и никакихъ украшеній.

Робертъ Беръ сидѣлъ здѣсь, не выходя никуда съ самаго утра. Правда, онъ вышелъ на минуту передъ вечеромъ, но только для того, чтобы велѣть принесть себѣ новую кучу вереска, но тотчасъ же возвратился сюда снова, сѣлъ противъ камина, и съ тѣхъ поръ уже не вставалъ съ этого мѣста. Онъ даже не зашелъ сегодня къ своимъ лошадямъ, чѣмъ онъ не манкировалъ ни одинъ день въ жизни.

Теперь онъ сидѣлъ тихо, какъ человѣкъ, одержавшій побѣду надъ внутреннимъ врагомъ своимъ и довольный своею силою. Передъ нимъ лежала большая книга, развернутая на страницѣ, на которой широкою красною чертою была подчеркнута строка: *И не восхотѣ обличити ю, но восхотѣ тай пустити ю.*

Робертъ Беръ былъ очень разстроенъ: окружающіе его замѣтили это потому, что онъ былъ необыкновенно тихъ, и бездѣйствовалъ, тогда какъ обыкновенно у него въ крови всегда бѣгала ртуть, и руки его постоянно искали работы.

Ровно въ одиннадцать часовъ, въ толстую дубовую дверь круглой комнаты раздались три легкіе удара. Услыхавъ этотъ стукъ, Беръ вскочилъ съ своего кресла, сжалъ руки у сердца, и пошевеливъ беззвучно устами передъ распятіемъ, произнесъ: «войдите», и снова опустился на прежнее мѣсто.

Изъ темнаго пространства, открытаго повернувшеюся на широкихъ петляхъ дубовою дверью, тихо вступила бѣлая, женская фигура.

Беръ не шевелился и не поднималъ кверху опущенной го-

ловы; уста его продолжали тихо двигаться, а глаза смотрѣли на сложенныя на колѣняхъ руки.

Женщина подошла къ самому креслу Бера, сбросила съ головы бѣлую, шерстяную косынку, которою была покрыта, и опершись локтемъ на карнизъ камина, проговорила:

— Я пришла въ тотъ часъ, когда вы хотѣли.

Эта женщина была Марія Норкъ.

— Да, отвѣчалъ Беръ: — да, я хотѣлъ этого, Марія: намъ надо поговорить съ тобой.

— Я васъ слушаю.

— Ты сядь, разговоръ можетъ выйдти немного продолжителенъ.

Онъ подвинулъ ей ногою простой деревянный табуретъ, и опять сказалъ: «сядь!»

Она сѣла. Вышла очень продолжительная пауза. Положеніе молодой женщины становилось невыносимымъ: она была слаба, волновалась ожиданіями предстоящаго тяжелаго объясненія, и ее томилъ неосвобождающій ее ни на минуту проницательный взглядъ мужа.

Наконецъ, Беръ положилъ конецъ этой сценѣ. Онъ переложилъ лѣвую ногу на правую, и проговорилъ:

— И такъ, Марія...

Женщина вскинула голову, и замѣтя новую склонность Бера къ паузамъ, спокойно сказала:

— Я васъ слушаю.

— Вы... его любите?

— Нѣтъ.

Беръ подумалъ и произнесъ тихо:

— Будемъ откровенны.

— Я вамъ отвѣчала откровенно, подтвердила Маня.

Беръ остановился, и стоялъ, то широко раскрывая вѣки, то быстро захлопывая ихъ, и затѣмъ опять снова раскрывая.

Маня молчала, собирая рукою подъ подбородкомъ свои разбѣжавшіеся пепельные волосы.

— Вы однако любили его, пробурчалъ Беръ.

— Онъ сдѣлалъ все, чтобы убить мою любовь къ себѣ.

— Какъ?

Маня задумалась, покраснѣла, и глядя въ огонь добавила:

— Если ему удалось унизить меня одинъ разъ—я не хочу увеличивать мое униженіе разсказомъ, какъ я его понимаю. Вамъ не нужно это. Я не знаю, чего вы отъ меня хотите? Теперь глухая ночь; здѣсь всѣ вамъ преданы, начиная отъ этой собаки, которая готова загрызть меня, если вы ей это прикажете; отойдя кругомъ на пять миль, нѣтъ человѣческаго жилья; зима, морозъ, въ оврагѣ волки воютъ; вы — всѣ говорятъ, вы страшный человѣкъ; никто еще ни жалости, и ни улыбки не видывалъ на вашемъ лицѣ ужасномъ; и вы меня, силою позвали на допросъ!... Вы здѣсь меня хотите пытать? Пытать меня будете?—Пытайте.

Маня сдѣлала два шага къ мужу и прошептала:

— Я не боюсь васъ!

— Вы слышали? повторила она громко: — *я не боюсь васъ.* Поймите вы, что тѣмъ, кому, какъ мнѣ — жизнь бремя, тѣмъ смерть есть высшее блаженство.

— Вамъ въ тягость жизнь?

— Да; она давно, давно мнѣ въ тягость.

— Вамъ скучно здѣсь?

— Вездѣ равно мнѣ скучно.

— Вы ненавидите меня?

— Я не люблю васъ.

— Не ненавидите, однако?

— Не ненавижу, потому что я не умѣю ненавидѣть. — Я не

люблю васъ; мнѣ съ вами тяжело. Я думаю, и этого довольно, чтобъ для меня всю цѣну потеряла жизнь.

— А еслибъ Богъ вамъ далъ теперь другую жизнь?

— Я бъ не взяла ея.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что для меня жить снова невозможно.

— Я вѣрю вамъ, Марія: и я бы тоже не взялъ.

Беръ снова опустилъ голову, и снова задумался.

— Прощайте, проговорила тихо, вставая, Маня.

— Нѣтъ; пару словъ еще.

Маня снова безропотно сѣла.

— Такъ жить нельзя, произнесъ Беръ.

— Живу, какъ Богъ судилъ мнѣ, отвѣчала, нервно подергиваясь, Маня.

— Да, какъ Богъ судилъ... Нѣтъ, Богъ такъ не судилъ, Марія. Богъ не судилъ намъ жить съ тобой.

Беръ взялъ жену сильно за руку, и еще разъ добавилъ:

— Богъ не судилъ.

Маня спокойно смотрѣла на мужа.

— Но Богомъ суждена для всѣхъ одна дорога: то путь къ добру, Марія. Нѣтъ положенія, въ которомъ человѣкъ не нашелъ бы средства быть полезнымъ людямъ, и помириться съ собою.

Беръ приподнялся, и сказалъ:

— Марія! — жить одному, это... несносно тяжело!

— Да, это тяжело.

— А жить вдвоемъ и врознь желать и порознь думать, и вѣчно тяготить другъ друга, и понимать все это — еще тяжеле.

— Еще тяжеле!

— Да, еще тяжеле. Одинъ въ постелю ляжетъ, поплачетъ въ изголовье, въ своемъ углѣ онъ перемучитъ горе свое, помолится,

когда душа молитвы хочетъ, и станетъ выше, чище — приблизится страданьемъ къ Богу.

— Да.

— Союзъ хорошъ, когда одна душа святитъ собой другую.

— Что̀ жь вы хотите?

— Ты не раба моя. Я далъ обѣтъ тебя сберечь, и я хочу его исполнить. — Разстанемся.

Маня молча, изумленными глазами, смотрѣла на мужа.

— Съ тобою въ провожатые я не пошлю своихъ упрековъ. *Я* виноватъ во всемъ. Я думалъ, если я соединю въ одномъ гнѣздѣ два горя, два духа, у которыхъ общаго такъ мало съ міромъ, какъ у меня и у тебя, то, наконецъ, они поймутъ другъ друга. Я, сирота сѣдой, хотѣлъ ожить, глядясь въ твои глаза Марія, и какъ уродъ обезобразилъ зеркало своимъ лицомъ. Не ожилъ я, и ты завяла. Ты хочешь умереть, а я хочу тебѣ дать жизнь. Хотѣла бы ты жить съ нимъ? съ тѣмъ... кого любила?

— Нѣтъ, спокойно отвѣчала Маня.

— Скажи еще! скажи еще мнѣ это слово!

— Я не хочу съ нимъ жить, твердо повторила Маня.

— О, не ходи! о, не ходи къ нему!

Беръ тихо взялъ ее за руку, и показывая другою черезъ окно вдаль, заговорилъ:

— Тамъ, за этою норой Марія — цѣлый міръ, прекрасный, вѣчно юный; тамъ поля, лѣса, тамъ рѣки свѣжія, моря и люди, тамъ божій міръ: я весь его тебѣ открою. Кто ошибается любя, тотъ всѣхъ способнѣй съ любовью жь поправлять самъ ошибки. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ, но ты жива и жива душа моя, чтобы оставить тебя. Тебѣ не за что умереть. Великая тоска въ душѣ живой должна создать великія рѣшенья. Марія! посмотри, одна ли ты несчастлива! Есть много женщинъ, кото-

рымъ какъ тебѣ, не посчастливилось у очага, и онѣ не изнывали духомъ; онѣ себѣ у Бога не просили смерти, и не пошли путемъ лукавымъ. Онѣ создали себѣ мѣсто въ жизни; создали его себѣ у каждаго огача, гдѣ вечеромъ тихо горитъ обрубокъ дерева, передъ которымъ садится мать съ дѣтьми. Да, Марія, когда семейство садится у этого камина и мать, читая добрую книгу дѣтямъ, ведетъ ихъ дѣтскую фантазію по дѣвственнымъ лѣсамъ, черезъ моря, черезъ горы, къ тѣмъ жалкимъ дикарямъ, которые не знаютъ ни милосердія, ни правды, тогда надъ яркимъ огонькомъ вверху— я это самъ видалъ въ былые годы—тогда является дѣтямъ старушка, въ фланелевомъ капотѣ, съ портфёликомъ у пояса и съ суковатой палочкой въ рукѣ. Она киваетъ бѣленькимъ чепцомъ оттудова ребёнку; онъ улыбается, глядитъ ей въ добрые глаза и засыпаетъ, слушая ея разсказы. И въ этотъ часъ, когда такое множество людей найдти не могутъ во снѣ покоя, невинное дитя спитъ сладкимъ сномъ, и въ этомъ снѣ еще все улыбается ей, доброй бабушкѣ, старушкѣ Идѣ Пфейферъ. Иди за ней, иди, моя Марія! Тебѣ со мной тоска. Изломанную жизнь клеить напрасно. Тоска, какъ цѣпкая трава, перѐростаетъ дерево, вокругъ котораго она завьется. Иди, у ногъ твоихъ прошу тебя, иди! Беръ сталъ передъ женою на колѣни и добавилъ:—Она, старушка Пфейферъ, зоветъ тебя себѣ на смѣну; она тебѣ примѣръ и подкрѣпленье. Не отдавай напрасно жизнь тоскѣ и возврати талантъ сребра, который далъ тебѣ Создатель.

— А ты? спросила тихо Маня.

— Ты говоришь мнѣ *ты*. Благодарю тебя.

Беръ поднялся съ колѣнъ и продолжалъ:

— Я... я, какъ жилъ встарь, опять попрежнему я буду жить въ моей норѣ и буду счастливъ.

Онъ сморгнулъ слезу и добавилъ:

— Повѣрь, мнѣ будетъ хорошо; да, хорошо. Блаженнѣйшимъ покоемъ полна будетъ моя душа, когда я вспомню о тебѣ. Тогда я стану здѣсь, вотъ здѣсь, передъ крестомъ, вздохну... быть можетъ, и заплачу, но тогда я буду *мужъ*, Марія. Я буду гордый мужъ, мужъ силы, мужъ, который не сгубилъ, а спасъ тебя и поднялъ.

— Марія! продолжалъ Беръ, складывая у подбородка кисти своихъ рукъ: — чтобы соблюсти душу твою, я долженъ потерять ее для себя: иначе нѣтъ спасенья. Впередъ, мой другъ! Впередъ, моя Марія! Тоска... мечтанія безплодныя... конецъ, конецъ всему! На бой, на жизнь! Иди, иди, молю тебя, моя Марія!

Маня тихо подала обѣ свои прозрачныя ручки мужу, положила ему на грудь свою голову и прошептала:

— Иду! Благослови меня, мой Робертъ!

Беръ взялъ ея руки и молча подвелъ ее къ окну: луна совсѣмъ садилась; синее небо подергивалось легкою предразсвѣтною пеленою, и на горизонтѣ одиноко мерцала одна утренняя звѣзда.

— Она одна, произнесъ съ чувствомъ Беръ:—и мы съ тобою будемъ одиноки. Всегда вотъ въ этотъ часъ, когда она одна становится на небѣ, я стану на нее смотрѣть и думать о тебѣ; проснись и ты тогда и, тоже погляди, и трое одинокихъ будемъ вмѣстѣ.

— Мы будемъ вмѣстѣ, прошептала Маня.

— И будемъ чисты, какъ она.

— Да, да, мы будетъ чисты.

— О, да, мы будемъ чисты; мы счастливы, и всегда вспоминая другъ друга, будемъ смотрѣть вверхъ. Душа! несись, лети отсюда за туда и встрѣться тамъ съ сіяющей душой моей Маріи! проговорилъ онъ въ молитвенномъ созерцаніи, и тотчасъ же добавилъ:—теперь иди засни, Господь съ тобой, моя малютка!

Онъ проводилъ жену съ свѣчою до двери, потомъ вернулся и простоялъ у окна, пока утренняя звѣзда совершенно исчезла въ заревѣ разсвѣта.

XXII.

Весной распускались сирени, въ поляхъ пробивалася травка; очистилось море отъ льда, и тихо у пристани колыхался большой пароходъ, готовый на завтра отчалить далеко.

Въ нижнемъ этажѣ беровой башни, какъ разъ подъ той комнатой, гдѣ происходила послѣдняя сцена, въ такой же точно по размѣрамъ, но въ совершенно иной по убранству комнатѣ, густые сумерки застаютъ двухъ человѣкъ. Молодая женщина, одѣтая въ сѣрой фланелевой блузѣ, сидитъ въ старинномъ креслѣ спиной къ открытому окну, въ которое лѣзутъ густыя вѣтки сирени. Голова этой женщины покоится на слабой бѣленькой ручкѣ, опирающейся локтемъ о столъ и поддерживающей ладонью подбородокъ; большіе голубые глаза ея устремлены въ уголъ, гдѣ въ густой темнотѣ помѣщается мужская фигура, нѣсколько согбенная и опустившаяся. Мужчина сидитъ на креслѣ съ опущенной головой и руками, схваченными у себя на колѣнахъ.

Это Маня и Истоминъ, котораго Беръ привезъ сегодня, чтобы онъ могъ проститься завтра съ Маней.

Самого хозяина здѣсь не было: онъ съ кривымъ ножомъ въ рукахъ стоялъ надъ грушевымъ прививкомъ, въ углѣ своего сада,

и съ такою пристальностью смотрѣлъ на солнце, что у него безпрестанно моргали его красные глаза и безпрестанно на нихъ набѣгали слезы. Губы его шептали молитву, читанную тоже въ саду. «Отче! шепталъ онъ: не о всемъ мірѣ молю, но о ней, которую ты далъ мнѣ, молю тебя: спаси ее во имя твое!»

Въ комнатѣ была тишина невозмутимая.

«И это онъ!» думала Маня, глядя на человѣка, котораго она нѣкогда такъ страстно любила. Онъ самъ, тотъ чудный человѣкъ, который блисталъ такою гордой смѣлостью и вызывалъ ея младенческую душу на подвигъ Анны Денманъ. Какъ это было? И передъ нею Петербургъ, ея совершеннолѣтіе, и бабушка съ своею канарейкой, и Верманъ съ домикомъ, и Ида... Воспоминанья обрываются при этомъ дорогомъ имени, и вдругъ выступаетъ какая-то дѣйствительность, но такая смутная, точно ѣдешь въ крытомъ возкѣ по скрипучему первозимку — и кажется, что ѣдешь, и кажется, что и не ѣдешь, а будто какъ живешь какой-то сладкою забытой жизнью; и все жужжитъ, жужжитъ по снѣгу гладкій полозъ подъ ушами и все, и взадъ, и впередъ дергается разомъ и память, и дорога.

Имя Иды, какъ толчокъ, какъ пень заѣзженный, какъ придорожная могила толкнула на минуту Маню, и снова поползли предъ ней воспоминанья. Ей вспомнилось, какъ снилась ей тогда всю ночь до утра Анна Денманъ, и эта Анна Денманъ была сама она; а онъ былъ Джономъ Флаксманомъ. Иль просто онъ былъ—онъ, а она — она, и они шли вмѣстѣ. *Она* была *нужна* ему. О, сколько было въ этомъ счастьи! о, какъ ей хотѣлось жить, какъ все свѣтло ей свѣтилось въ будущемъ. Они пришли въ деревню; былъ вечеръ тихій; собака лаяла; имъ дали уголъ на сѣновалѣ: онъ спитъ, она его лелѣетъ... Потомъ ей видится Италія, Неаполь, Римъ и Палестина — она вездѣ ему нужна, она ему подруга; у

ней нѣтъ для себя желаній, она вся жертва, и это жизнь ея — та жизнь, какой она хотѣла. И наконецъ, ужь онъ великъ и говоритъ ей: «ты, Анна Денманъ, ты была нужна мнѣ; ты была моею силой; у насъ теперь есть домъ, и въ палисадникъ окна, и съ нами будетъ мать твоя, и бабушка, и Ида» .. И вновь толчокъ: проснулась бабушка и встала съ кресла, и пошла, и прокляла ее... Все это ничего: проклятьямъ Богъ не внемлетъ. Тяжелый сонъ опять: садъ въ домѣ сумасшедшихъ; душа больна, и надъ всѣмъ преобладаетъ одно желанье спрятаться, бѣжать куда-то, а изъ кустовъ ей все киваетъ кто-то и говоритъ ей: «здравствуй! здравствуй!» Опять жужжатъ полозья: и вдругъ дребезжитъ разбитое окно; стукъ, трескъ, хаосъ кругомъ, и снова Ида И все идетъ, идетъ какое-то все ближе уясненіе, и наконецъ, разражается огненной молоньею и гремитъ небесной грозою. Все стало ясно... Такъ вотъ на что̀! *Такъ вотъ на что̀ была нужна я!* восклицаетъ Маня, и передъ нею прямо *онъ* и *завтра*. *Завтра*— это день, которому довлѣетъ его міръ и его злоба. *Онъ* — это кумиръ поверженный и втоптанный судьбой въ болото. Но съ восходомъ на востокъ этого *завтра*, *ему* никто ужь не подастъ руки и не поможетъ. Маня задумалась и заплакала и сквозь застилавшіе взглядъ ея слезы увидала, что среди комнаты, на сѣромъ фонѣ сумеречнаго свѣта, какъ братья обнялись и какъ враги боролись два ангела: одинъ съ кудрями свѣтлыми и легкими, какъ горный лёнъ, другой — съ лицомъ, напоминающимъ египетскихъ красавицъ. Они боролись долго, и свѣтлый ангелъ одолѣлъ.

Маня встала и подошла къ Истомину.

— Не думайте, что вы виновны такъ, какъ вамъ сказала Ида, и это я прошу васъ сдѣлать въ память обо мнѣ. Да; я прошу васъ: въ память обо мнѣ.

Проговоривъ эти слова, Маня подала руку художнику; онъ сжалъ ее.

— Мы поднимались на ходули; мы въ самомъ дѣлѣ ниже, чѣмъ мы думали.

Истоминъ выронилъ молча ея руку.

«О», думалъ онъ: «какъ ты растешь! какъ ты растешь, моя одинокая Денманъ!»

Маня продолжала.

— Мы упали. Не будемъ плакать и простимъ другъ другу все прошлое передъ разлукой.

Истоминъ не удержался и зарыдалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо слезъ — не надо ихъ, не надо! Миръ прошлому. — Я ѣду съ миромъ въ сердцѣ, не возмущайте тишины, которая теперь въ душѣ моей. Не думайте, что вы несчастливѣй другихъ: здѣсь всѣ несчастны, и вы, и я, и *онъ*... Онъ, можетъ быть, несчастнѣй всѣхъ, и онъ всѣхъ меньше насъ достоинъ своего несчастья.

Маня нѣжно положила ручку на плечо Истомина и сказала съ болью: «онъ все свое горе отъ меня спряталъ; не дайте жь никому превзойдти васъ въ послѣднемъ великодушіи ко мнѣ!»

Слѣпой художникъ утихъ.

— Я хотѣла вамъ сказать слово «миръ» — это все, что̀ я могу сдѣлать. Онъ разгадалъ это, и привезъ васъ. Благодарю, что вы пріѣхали. — Теперь все кончено.

Маня коснулась своей рукою головы Истомина и проговорила: — Забвенье прошлому; моей душѣ покой... а вамъ... моя слеза и вѣчное благословенье.

Маня сама тихо заплакала, прислонясь къ стѣнѣ своею головкой.

— Аминь, произнесъ стоя въ саду и глядя внутрь комнаты въ окно гернгутеръ.

— Аминь, аминь, повторили въ одно и то же время Маня и художникъ.

Сѣрое утро, взошедшее за этой ночью, освѣтило несшуюся по дорогѣ отъ норы Бера ресорную таратайку, запряженную парою знакомыхъ намъ вороныхъ коней. Лошадьми, по обыкновенію, правилъ Беръ; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена; сзади ихъ, на особомъ сидѣньи, помѣщался художникъ.

Они ѣхали шибко, и въ седьмомъ часу утра остановились у пристани, гдѣ величаво качался собравшійся въ далекую экспедицію паровой корабль.

— Накрапываетъ дождь — путь добрый будетъ, проговорилъ, высаживая жену, молчавшій во всю дорогу Беръ.

— О чемъ же мы съ тобой попросимъ одинъ другого передъ разлукой? спросилъ Беръ, держа въ своихъ рукахъ женины руки.

Маня молча взглянула на Истомина — Беръ отвѣтилъ ей крѣпкимъ пожатіемъ.

— А когда пройдутъ... многіе, многіе годы... заговорилъ онъ и остановился.

— Тогда я возвращусь къ тебѣ, договорила Маня.

— Чтобы мой старый слухъ могъ упиваться гармоніей твоихъ бесѣдъ, про безпредѣльный міръ, который ты увидишь.

— Про миръ души моей, который ты создалъ, закончила становясь ногою на трапъ Маня.

Черезъ полчаса, дымящійся пароходъ, качаясь, отчаливалъ отъ берега, и на его палубѣ стояла Маня. Она была во вчерашнемъ сѣромъ платьѣ, въ широкой шляпѣ, и съ лакированной сумкой на груди.

На берегу стояли Беръ и, рядомъ съ нимъ, Истоминъ.

— Завидую, и въ первый разъ завидую въ жизни, Марія, заговорилъ, глядя на жену, Беръ. — Передъ тобою раскроется широкій океанъ чудесъ, и какъ ласточка глотаетъ на лету муху, проглотитъ онъ твою кручину.

Маня, въ отвѣтъ, молча перекрестила мужа.

Тяжелыя колеса парохода заколотили, вода запѣнилась, задрожали трубы, и пароходъ пошелъ скорымъ ходомъ въ море.

Не сводя глазъ съ жены, Беръ показалъ ей рукою по направленію, гдѣ предъ зарей стоитъ утренняя звѣзда; туда же поднялась и снова опустилась окутанная тяжелымъ, сѣрымъ рукавомъ слабая ручка Мани.

Пароходъ скрылся на горизонтѣ.

— Садитесь, пригласилъ Истомина Беръ, подбирая свои возжи.

Художникъ махнулъ рукой.

— На васъ лежитъ ея благословенье, и я хочу, чтобы оно принесло покой вамъ.

Истоминъ сѣлъ молча, какъ автоматъ, и они поѣхали, не говоря во всю дорогу другъ другу ни слова.

Они уже долго ѣхали. Утро оставалось такое же сырое и тихое; воздухъ не согрѣвался; по сѣрому небу не ползло ни облачка: все сѣрѣло, какъ опрокинутая миска, и только съ сѣвера на югъ какъ будто тянулся какой-то крошечный обрывокъ мокрой бичевки; не было это облако, не была это и бичевка.

Истоминъ сидѣлъ закрывши глаза и сложивъ на груди руки; Беръ молча правилъ лошадьми и заставлялъ себя спокойно слѣдить за тѣмъ, что̀ тамъ ползло по небу снурочкомъ.

Истоминъ былъ въ тупомъ состояніи деревяннаго покоя. У несчастья есть свое милосердіе; какъ кредиторъ, чтобы вѣрнѣй получить по документу долгъ, оно даетъ душѣ передышку. Человѣкъ самъ этой передышки себѣ ни за что не съумѣлъ бы устроить. И такая льгота дается намъ только при большомъ горѣ, при несчастіи, такъ-сказать, вдосталь доконбающемъ человѣка. Извѣстно, что многіе изъ людей, приговоренныхъ къ смерти, въ послѣднюю ночь передъ казнью, останавливались воспомина-

ніемъ на какомъ-нибудь мелкомъ, самомъ незначительномъ случаѣ своей юности; забывали за этимъ воспоминаньемъ ожидавшую ихъ плаху, и какъ-бы усыпали не закрывая глазъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами разсказывали, что они въ это время видѣли лучшіе сны. Умный и весьма наблюдательный священникъ, которому печальная обязанность поручаетъ послѣдніе дни осужденныхъ на смерть, говорилъ пишущему эти строки, что ему никогда не случалось видѣть осужденнаго въ такомъ настроеніи, о какомъ Викторъ Гюго такъ неловко разсказываетъ въ своемъ «Dernier jour d'un condamné». Бываетъ въ большинствѣ случаевъ гораздо проще. Въ большинствѣ случаевъ, если несчастный не находится подъ вліяніемъ горячаго раскаянія, возвышающаго человѣка до игнорированія ожидающей его завтра смерти, и если онъ въ такомъ настроеніи не молится и не плачетъ, то чаще всего онъ впадаетъ въ какое-то мечтательное забытье. Онъ забудется и мечтаетъ: мечтаетъ совершенно нехотя, непроизвольно. Въ этомъ забытьѣ вдругъ, совершенно внезапно врывается въ мозгъ искра сознанія дѣйствительности, и человѣкъ вскакиваетъ, трепеща, какъ осиновый листъ. Въ эту минуту, онъ, вѣроятно, всадилъ бы себѣ въ бокъ ножъ съ стоическимъ спокойствіемъ Катона, или разбилъ бы себѣ голову объ уголъ мрачной амбразуры входа; но громъ цѣпей, ночная лампа и неподвижный часовой, довершаютъ пробужденіе, и завтрашній мертвецъ тяжело опускается, иногда стонетъ и снова забывается. Одному изъ такихъ несчастныхъ постоянно грезилась мать: она подходила къ нему, развязывала воротъ у его рубашки и, крестя его лицо, шептала: «Христосъ съ тобой, усни спокойно; а завтра»... Осужденный ни одного раза не могъ дослушать, что̀ обѣщала ему его мать «завтра». Это роковое слово будило его, и онъ стоная повторялъ: «Охъ, куда дѣться?... куда дѣваться?» — и забы-

вался снова, и сновамать выходила къ нему изъ черной стѣны казамата.

Есть что-то непостижимое въ этой, такъ-сказать, физіологіи безвозвратнаго отчаянья.

Въ интересной, но надоѣдающей книжкѣ «Послѣдніе дни самоубійцъ», есть разсказъ про одну дѣвушку, которая, рѣшившись отравиться съ отчаянія отъ измѣны покинувшаго ее любовника, поднесла уже къ губамъ чашку съ ядомъ, какъ вдругъ вспомнила, что грустя и тоскуя, она уже болѣе десяти ночей не ложилась въ постель. Въ это мгновенье она почувствовала, что ей страшно хочется спать. Она тщательно спрятала чашку съ ядомъ, легла, выспалась и, вставъ на утро, съ свѣжею головою записала все это въ свой дневникъ и затѣмъ отравилась.

Трудно было предсказать, что̀ разбудитъ теперь Истомина изъ того забытья, въ которое впалъ онъ. Изъ всей окружающей его дѣйствительности онъ только сознаетъ одно, что онъ ѣдетъ; но кто онъ такой, и куда, и зачѣмъ онъ ѣдетъ—это ему совершенно непонятно. Что̀ это за мѣстность, какой это день и какая пора дня?—тоже не уясняется. Но вотъ наконецъ-то... теперь все это ясно: это лѣтніе сумерки на степяхъ за Окою. Двѣ косматыя лошадки, меньше похожія на лошадей, чѣмъ на вылинявшихъ медвѣжатокъ, частятъ некованными ногами по мягкой грунтовой дорожкѣ. Мужичокъ съ желтой мычкой на подбородкѣ и въ разноцвѣтномъ зипунишкѣ сидитъ и трясется на грядкѣ, на которой бы воробью сидѣть впору. Ему скучно. И вотъ онъ метится, метится во что-то волжанковымъ кнутовищемъ. Увидѣвъ такіе прицѣлы изъ-подъ рогожной кибитки, покрытой сѣдою дорожною пылью, на четвереньках выползаетъ черненькій мальчикъ: онъ тихо, затаивъ дыханіе, подвигается къ переднему вязку телеги. Волжанковая палочка все надходитъ надъ свою цѣль: эта цѣль—

зеленоголовый слѣпень—онъ блаженствуетъ, сидя у перекрестныхъ ремней шлеи и внизъ отъ этого мѣста по шерсти лохматой лошадки сочатся кровавыя капли. Но щелкнула волжанка, слѣпень кувырнулся, и въ то же мгновенье упалъ покатясь подъ телегу. Ребёнокъ выкрикнулъ отъ радости, обнялъ рученкой загорѣлую шею сосѣда-охотника, и поцаловалъ его въ его желтую мычку.

Засмѣялся мужикъ и еще кто-то назади засмѣялся, въ кибиткѣ. Смѣхъ это, или не смѣхъ? Что-то какъ будто не смѣхъ, или смѣхъ вмѣстѣ съ кашлемъ.

— У, да какъ же хорошо-то кругомъ, то-есть что̀ жь тутъ, по правдѣ говоря, и хорошаго-то? Ничего очень хорошаго, да такъ легко, и ото всего, отъ чего вы хотите, вѣетъ этой тихою радостью русской картины. Вонъ на пыльной дорогѣ ряды перекрестныхъ колей, отъ тележныхъ колесъ; по высокому рубежу куда-то спѣшитъ голубокъ, и безпрестанно путаясь ножками въ травкѣ, идетъ поневолѣ развалистымъ шагомъ: онъ тащитъ въ клювѣ вѣтку и высоко закидываетъ головку, чтобъ перекинуть свою ношу черезъ высокіе стебли; на вспаханномъ полѣ свищетъ овражекъ и, свиснувъ, тотчасъ же нырнетъ, а потомъ опять выскочитъ, сядетъ и утирается бархатной лапкой. Солнце садится за лѣсомъ, луга закрываются на ночь фатой изъ тумана; зеленыя сосны чернѣютъ, а тамъ гдѣ-нибудь замелькаютъ кресты и встаетъ за горой городочекъ, покрытый соломой — вотъ ты и вся здѣсь родная картинка, а тепло на душѣ каждый разъ, когда про тебя вспомянется.

Полно и крѣпко забилось въ мятежной груди Истомина его русское сердце. Еще чутче становится онъ къ давно минувшему. Нетолько мысленное око его не знаетъ преградъ, его ухо тоже слышитъ богъ-вѣсть когда и гдѣ раздавшіеся звуки.

— А вотъ это видишь, говоритъ ему изъ-подъ пыльной ки-

битки слабый женскій голосъ, перебиваемый удушливымъ кашлемъ.—Гляди вонъ туда, вонъ высоко, высоко подъ небомъ—это летятъ журавли.

— На ночлегъ поспѣшаютъ, досказываетъ мужичокъ съ жолтой мычкой.

Сколько разсказовъ начинается объ этихъ журавляхъ! И какіе все хорошіе разсказы! — вѣкъ бы ихъ слушалъ, еслибы только опять ихъ точно такъ же разсказывали. Рѣчь идетъ про порядки, какіе ведутъ эти птицы, про путину, которую каждый годъ они держатъ, про судъ, которымъ судятъ преступившихъ законы журавлинаго стада. Все это такъ живо, веселѣй чѣмъ у Брёма. Какъ памятны всѣ впечатлѣнія первой попытки вздохнуть однимъ дыханьемъ съ природой.

Впечатлѣніе это вспоминается необыкновенно рѣдко, случайно, безъ всякой стати, какъ вспоминается иногда вещь давно-давно забытая когда-то на грязномъ столѣ почтовой станціи глухого, пустыннаго тракта.

Стрѣлою, пущенною съ тугой тетевы, несется въ памяти въ погоню за этой порою другая пора: пора сладкой юности, годы тревогъ и страстей. И недвижно стоитъ только одинъ какой-то день; одинъ изъ множества дней, стоитъ онъ какъ звѣзда, уснувшая на зенитѣ. Стоитъ онъ долго—ничто его не сдвигаетъ, ничто не трогаетъ съ мѣста. Это и есть тотъ день, отъ котораго въ виду смерти станешь спрашивать: «куда дѣться? — куда дѣваться?» Этотъ день бѣлъ, какъ освѣщенное солнцемъ сжатое поле, на которомъ нѣтъ ни жнецовъ, ни птицъ, уносящихъ колосья; на которомъ не слышно ни дѣтскаго плача, ни жалобъ клянущей жизнь плоти, ни шелеста травы, ни стрекота букашекъ—все мертво и тихо, какъ въ опаленной долинѣ Іерихона, и надо всѣмъ этимъ безмолвіемъ шагаетъ, не касаясь ногами земли, одинъ ужас-

ный призракъ. Этотъ призракъ измѣнчивъ, какъ хамелеонъ —это женщина, появляющаяся то съ головой, остриженной какъ у цезарскаго рекрута, то съ лакированной сумочкой на груди. Но и она исчезаетъ, и въ ту минуту, когда она уже исчезла, когда не стало ея, художникъ вернулся къ дѣйствительности. Онъ сдѣлалъ этотъ переходъ съ такою быстротою, что его трудно опредѣлить словомъ. Какъ быстро упалъ съ поднебесья внезапный крикъ пролетавшей журавлиной стаи, такъ быстро, услыхавъ этотъ крикъ, Истоминъ выпрыгнулъ изъ таратайки, сталъ на ноги и прижавъ къ груди руки, затрясся отъ внутренняго зноба.

Онъ не видалъ этихъ птицъ, когда онѣ подлегали тянувшись по небу шнурочкомъ: одинъ Беръ видѣлъ, какъ этотъ шнурокъ все подвигался въ треугольникъ, состоящій изъ отдѣльныхъ точекъ, расположенныхъ какъ камни, обозначающіе могилу араба, похороненнаго среди песчаной Сахары, и когда съ неба неожиданно упало это рѣзкое, заунывное турчанье, оно для Истомина было безъ сравненія страшнѣе слова матери, которое нарушало покой ночи осужденнаго на смерть.

— Ага! летятъ ужь Ивиковы журавли... да, да, пора конецъ положить, подумалъ Истоминъ, стоя съ открытой головою внизу пролетающей стаи. А стая все летитъ и летитъ, и все сильнѣе и чаще падаютъ отъ нея къ низу гортанные звуки.

Этотъ крикъ имѣетъ въ себѣ что-то божественное и угнетающее. У кого есть сердечная рана, тотъ не выноситъ этого крика, онъ ее разбередитъ. Убійцы Ивика, закопаннаго въ лѣсу, вздрогнули при этихъ звукахъ и сами назвали дѣла свои.

— Простимтесь же лучше здѣсь, чѣмъ подъ вашей кровлей, заговорилъ проводя глазами журавлей Истоминъ.—Не думайте, что я неблагодаренъ. Въ благодарность вамъ я буду отъ васъ очень далеко.

— А мой уголъ, хлѣбъ и мой привѣтъ...

— Да, да, пусть они подождутъ меня.

Истоминъ почесалъ себя когтями по голой груди и добавилъ:

— Кончаю тѣмъ, что и за это не въ правѣ обижаться, но только вотъ что: Каину угла-то ничьего не нужно... Прощайте, Беръ — вамъ здѣсь направо, а я пойду налѣво — такимъ манеромъ, дастъ Господь, мы другъ другу на дорогѣ не встрѣтимся. Я, должно быть, ужь не обойду вокругъ свѣта.

— Иди, сказалъ ему спокойно Беръ.

— Аминь — иди пока споткнешься на свою могилу, отвѣтилъ ему Истоминъ и пошелъ влѣво.

Такъ они и разстались на этой дорогѣ.

Въ домѣ Норкъ обо всемъ этомъ не знали ничего, но попрежнему страшно боялись слова *новость*.

XXIII.

Наконецъ, чего долго ждешь, того иногда и дождешься: въ домъ Норковъ, какъ съ неба упала новость. Религіозное настроеніе Софьи Карловны такъ и приняло ее, какъ посланницу неба, несмотря на то, что новость эту принесъ имъ полицейскій городовой Васильевскаго острова.

Городовой явился въ магазинъ Норковъ передъ вечеромъ пятаго мая, и заставъ здѣсь одну Иду, просилъ ее немедленно послать кого-нибудь въ мертвецкій покой, чтобы «обознать» принадлежащее имъ *тѣло*, найденное у берега въ Чекушахъ.

Ида поблѣднѣла. Вермана четвертый день не было дома и новость эта могла касаться его непосредственно. Соважъ перваго мая отправился на екатерингофское гулянье и не могъ встрѣтить серьёзныхъ препятствій отыскаться на пятый день въ видѣ *тѣла*, принадлежащаго Норкамъ.

Въ это время Ида также припомнила странную исторію, которую на другой день екатерингофскаго гулянья принесла домой Авдотья, ходившая навѣстить свою сестру въ Чекуши.

Въ исторіи этой тоже былъ замѣшанъ чортъ, и притомъ замѣшанъ и скомпрометированъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ святоч-

ной исторіи въ Плау, потому что здѣсь онъ напалъ на людей не легковѣрныхъ и остался въ дуракахъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ: ночью съ перваго на второе мая, очередные рыбаки на тоняхъ, при свѣтѣ бѣлой ночи, видѣли, какъ кто-то страшный и издали немножко схожій съ виду съ человѣкомъ, бросился съ екатерингофскаго берега въ Неву. Рыбаки, имѣющіе безпрестанныя столкновенія съ водяными чертями, служащими по ихъ департаменту, тотчасъ сообразили, что это ни болѣе, ни менѣе, какъ одна изъ тысячи продѣлокъ потѣшающагося надъ ними дьявола, ибо человѣку не могло придти въ голову попробовать переплыть Неву въ этомъ мѣстѣ. Пока рыбаки разсуждали, для какой бы цѣли было дьяволу морочить ихъ такимъ образомъ, дьяволъ началъ кряхтѣть. По водѣ далеко было слышно, какъ онъ тяжело отдувался. Рыбаки отвернулись къ гаваньской церкви и стали молиться. Огорченный обращеніемъ ихъ къ храму, дьяволъ, чтобъ увеличить соблазнъ, началъ кричать человѣческимъ голосомъ и звать себѣ на помощь. Рыбаки опустились въ лодкахъ на колѣни и стали молиться еще жарче. Какъ ни выбивался злой духъ изъ послѣднихъ силъ своихъ, чтобы подмануть христіанскую душу, это не удалось ему, потому что, хотя онъ и очень вѣрно подражалъ человѣческому голосу, но прежде чѣмъ рыбаки, глядя на гаваньскую церковь, окончили ограждающую ихъ молитву, на правомъ берегу въ Чекушахъ пропѣлъ полночный пѣтухъ, и съ его третьимъ крикомъ и видѣнье, и крики о помощи смолкли.

Третьяго-дня чортъ этотъ благополучнѣйшимъ образомъ былъ выкинутъ волненьемъ на берегъ въ тѣхъ же Чекушахъ, и былъ отправленъ въ мертвецкій покой.

Быстро сочетавъ всѣ эти обстоятельства въ своемъ соображеніи, Ида, не говоря ни слова матери, бросилась къ зятю. Шульцъ

тотчасъ поѣхалъ и, возвратясь черезъ полчаса, объявилъ, что утопленникъ дѣйствительно есть токарный подмастерье Германъ Верманъ, которому на гробъ и погребенье, онъ, Шульцъ, оставилъ двадцать-пять рублей, прося знакомаго квартальнаго доставить ихъ пастору.

— А все-таки это страшная мерзопакость, порѣшилъ Шульцъ.— На меня это такъ дурно подѣйствовало, что я просто самъ не своей теперь.

Шульцъ не любилъ первой бѣды, хотя бы она его обходила и издалека. Изъ наблюденій собственныхъ, изъ старческихъ повѣрій, какъ и изъ словъ великаго Шекспира, Шульцъ состроилъ убѣжденіе, что радости рѣзвятся и порхаютъ въ одиночку, а «бѣды ходятъ толпами» и старушка горе неспѣшлива.

Торопиться ей ненужно;
Посидѣть съ работой любитъ.

Тому, что «бѣды ходятъ толпами», вѣрили, впрочемъ, всѣ въ семействѣ Норковъ, и потому, когда Шульцъ объявилъ, что по случаю этого несчастья онъ откладываетъ на недѣлю переходъ въ свой новый домъ, отстроенный на Среднемъ проспектѣ, то и Берта Ивановна и Софья Карловна это совершенно одобрили.

— Непріятно, чтобъ это осталось воспоминаніемъ въ одинъ и тотъ же день, объявилъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Берта Ивановна и m-me Норкъ обѣ сказали то же самое.

Ида, правда, ничего не сказала, но это вѣроятно потому, что ее вообще очень мало занималъ вопросъ о новомъ домѣ зятя. Она стояла возлѣ кресла матери, которая, разстроившись смертью Вермана, совсѣмъ распадалась, сидѣла опустя руки и квахтала, какъ изслабѣвшая на гнѣздѣ куриная насѣдка. Ида молча соеди-

няла въ небольшомъ стеклянномъ пузыречкѣ немного выдохшуюся нашатырную соль съ какимъ-то безцвѣтнымъ спиртомъ. Она нюхала эту смѣсь, встряхивала ее, держа пузырекъ между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки, смотрѣла на нее прищуря одинъ глазъ на свѣтъ и, снова понюхавъ, опять принималась трясти снова.

— Стòитъ ли, сестра, возиться съ этой дрянью? проговорилъ ей Шульцъ.

Ида, не отвѣчая зятю, молча дала понюхать матери спирту, и опустивъ склянку въ карманъ, молча облокотилась на материно кресло.

— Сядь Ида—не люблю, когда ты стоишь надо мною, произнесла старуха.

Ида сѣла на первый ближайшій стулъ. Старуха опять начала квахтать и водить по угламъ своими старческими глазами.

— Бѣдняжка, заговорила она:—какая смерть-то страшная; теперь вода еще холодная... Мученье, бѣдненькій, какое перенесъ... а? Идочка! я говорю, мученье-то какое—правда?

— Это, мама, одна минута.

— Ну, какъ одна минута! Какъ, право, ты все, Идинька, какъ-то такъ легкомысленно все любишь говорить! — Кричалъ, вѣдь, онъ, говорятъ тебѣ, такъ это не минута.

Старуха опять заквахтала, и закашлявшись отъ поднесеннаго ей снова Идой спирта, слегка толкнула ее по рукѣ и досадливо проговорила: «поди на мѣсто».

Старушка, съ самаго отъѣзда Мани, во всѣ тяжелыя минуты своей жизни, позволяла себѣ капризничать съ Идою, какъ иногда больной ребёнокъ капризничаетъ съ нѣжно-любимой матерью, отталкивая ея руку, и потомъ молча притягивая ее къ себѣ снова поближе.

— Не старъ еще вѣдь былъ? заговорила черезъ минуту Софья Карловна.—А, впрочемъ... пятьдесятъ-четвертый годъ...

— Что̀ вы говорить изволите, маменька? отозвался Шульцъ, быстро подходя къ тещи отъ окна, у котораго стоялъ во время ея послѣднихъ словъ.

— Я говорю, что покойникъ-то. . Онъ и въ тотъ годъ, когда Іоганусъ умеръ, онъ также закутился и переплылъ сюда съ гулянья... А нынче, вѣрно старъ... Ужь какъ хотите, а пятьдесятъ-четвертый годъ... не молодость.

— Лѣта хорошія.

— Да; пожилъ.

— Другіе не живутъ и этого.

Старуха засмутилась и тихо сказала:

— Ну, да; кутятъ все.

Ида опустила глаза и пристально посмотрѣла на Шульца.

— Да, все кутидъ, кутилъ покойникъ. Я тридцать лѣтъ его ужь знаю—все кутилъ.

— Неужто тридцать лѣтъ?

Ида опять пристальнѣе и еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ поглядѣла черезъ плечо на зятя и обернулась къ матери. Старушка провела рукою по рукѣ, какъ будто она зябла, и опять тихимъ голосомъ отвѣчала:

— Что жь, тридцать лѣтъ! Да, вонъ, твоей женѣ теперь ужь двадцать-девять. Года мои считать не мудрено: я въ двадцать замужъ шла, а къ году родилася Бертинька, вотъ вамъ и всѣ пятьдесятъ... А умирать еще не хочется... пока не съѣзжу къ Манькѣ. Теперь ужь я къ ней непремѣнно поѣду.

Шульцы ушли къ себѣ довольно поздно Старуха оставила Иду спать на диванѣ въ своей комнатѣ и нѣсколько разъ начинала

безпокойно увѣрять ее, что кто-то стучится. Ида разъ пять вставала и ходила удостовѣряться.

— Намъ велика, Идинька, двоимъ эта квартира, старалась старушка заговоривать съ дочерью, когда та возвращалась.

— Подумаемъ, мама, что̀ сдѣлать, отвѣчала укладываясь Ида.

— Непремѣнно надо подумать.

— Подумаемъ.

— И то... я, знаешь, Идочка, безъ шутокъ, право, въ нынѣшнемъ году поѣду къ Манѣ.

— Что жь, мама, и прекрасно; поѣзжайте съ богомъ.

— А то тоска мнѣ.

— Да; поѣзжайте душка, поѣзжайте.

Старуха заснула.

XXIII.

Прошла недѣля, Вермана схоронили; Шульцъ перебрался въ свой домъ, надъ воротами котораго, на мраморной бѣлой доскѣ, было изсѣчено имя владѣльца и сочиненный имъ для себя гербъ. Шульцъ нигдѣ не хлопоталъ объ утвержденіи ему герба и не затруднялся особенно его избраніемъ; онъ, какъ чисто русскій человѣкъ, зналъ, что «у насъ въ Разсеи изъ эстого просто» и изобразилъ себѣ муравейникъ съ извѣстной надписью голандскаго червонца: «Concordia res parvae crescunt».

У Фридриха Фридриховича переходъ въ свой домъ совершился со всякой торжественностью: утромъ у него былъ приходскій православный священникъ, пѣлъ въ залѣ молебенъ и служилъ водосвятіе; потомъ священникъ взялъ въ одну руку крестъ, а въ другую кропило, а Фридрихъ Фридриховичъ поднялъ новую суповую чашу съ освященною водою и они вмѣстѣ обошли весь домъ, утверждая зданіе во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Въ залѣ, когда священникъ разоблачился и сталъ благословлять подходящую прислугу, Шульцъ тоже испросилъ и себѣ его благословенія и поцаловалъ его руку. Священникъ сконфузился.

— Батюшка! проговорилъ Шульцъ: — этого нашъ долгъ требуетъ.

*

Священникъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Шульцъ предупредилъ его. «Оно, конечно, это ни для меня, и ни для васъ не нужно; но это такъ долгъ повелѣваетъ».

Шульцъ пригнулся къ уху священника и слегка кося глазами на суетившуюся прислугу добавилъ:

— Для нихъ этотъ примѣръ совсѣмъ необходимый.

Священникъ согласился.

— Основательно, весьма основательно Фридрихъ Фридриховичъ, отвѣтилъ онъ Шульцу.

— Эхъ, батюшка, да зовите меня просто Ѳедоръ Ѳедорычемъ. Вѣдь это вшистко едно, що конь, що лошадь.

— Такъ-съ, Ѳедоръ Ѳедорычъ; такъ-съ.

— Ну, такъ этому и оставаться.

Два дня происходила переноска мёбели и установка хозяйской квартиры, на третій день вечеромъ былъ назначенъ банкетъ. Берта Ивановна говорила, что банкетъ слѣдуетъ отложить, что она рѣшительно не можетъ такъ скоро устроиться—но Шульцъ пригналъ цѣлую роту мёбельщиковъ, драпировщиковъ и оффиціантовъ и объявилъ, чтобъ завтра все непремѣнно было готово.

— Ужасно это, ей-богу, у тебя все какъ вдругъ, Фрицъ, говорила слегка морщась Берта Ивановна.

— А вы вотъ лучше смотрите-ка, Берта Ивановна, какъ бы мы съ вами въ новомъ домѣ не поссорились, отвѣчалъ ей супругъ, собственноручно приколачивая съ обойщикомъ карнизы драпировокъ.

Берта Ивановна съ этихъ поръ не возражала уже мужу ни слова.

Банкетъ былъ громкій: были здѣсь всѣ, кого зналъ Шульцъ и кто зналъ Шульца: старый хозяинъ, новые жильцы собственнаго дома, пасторъ, русскій священникъ и три конторщика.

— У насъ, батюшка, похристіански, съ чадами и домочадцы, говорилъ Шульцъ, указывая священнику на жавшихся въ уголкѣ трехъ младшихъ конторщиковъ, вступающихъ завтра въ должность по новооткрываемой конторѣ.

Выпито было столько, что самъ Шульцъ, поправляя потный хохолъ, шепталъ: «однако, чортъ возьми, мы, что называется, кажется, засвѣтили!» Но тѣмъ не менѣе онъ, однако, опять насѣдалъ на гостей съ новой бутылкой и самыми убѣдительными доводами. Наливая стаканъ своему домовому доктору, который выразилъ опасеніе, не будетъ ли въ новомъ домѣ сыро? Шульцъ говорилъ: «Это, Альбертъ Вилибальдовичъ, сырость вытягиваетъ».—Докторъ отвѣчалъ: «Но для здоровья—особенно у кого короткая шея... это...»—Докторъ лукаво погрозилъ Шульцу съ улыбкою пальцемъ.

— Да; но иногда-то? иногда?

— Ну, иногда... да, это конечно! заканчивалъ докторъ.

Шульцъ нападалъ на священника.

— Вино, батюшка, веселитъ сердце человѣка.

— До извѣстной мѣры-съ, Ѳедоръ Ѳедорычъ, до извѣстной мѣры, отвѣчалъ священникъ.

— Ну, этого въ писаніи не сказано.

— А, не сказано-съ, но тамъ за то сказано: «не упивайтесь, въ немъ-бо»... Священникъ кашлянулъ и договорилъ: «въ немъ бо есть грѣхъ».

Шульцъ разрѣшалъ и это затрудненіе. Ударяя рукою по столу, онъ проговорилъ:

— «Грѣхъ, батя, это пусть будетъ самъ собою, а вы вотъ это выкушайте.

Священникъ отвѣчалъ: «оно конечно», и хлебнувъ вина, досказалъ: «не всегда все въ своей совокупности».

На другой день послѣ этого пира, Шульцъ сидѣлъ вечеромъ у

тещи, вдвоемъ съ старушкой въ ея комнатѣ, а Берта Ивановна съ сестрою въ магазинѣ. Авдотья стояла пригорюнясь и подпершись рукой въ коридорѣ: все было пасмурно и грустно.

— Я не знаю, право, Ида, что̀ тебѣ такое; изъ-за чего ты споришь? говорила глядя на сестру Берта Ивановна.

— Я и не спорю, отвѣчала Ида.

— Мама этого хочетъ.

— А, мама хочетъ, такъ такъ и будетъ, какъ она хочетъ.

— Но непріятно, что ты дѣлаешь это съ неудовольствіемъ.

— Это все равно, Берта.

— Ты, Ида, дѣлаешься какая-то холодная.

Ида промолчала.

— Я знаю, что Фридрихъ добрый родной и онъ васъ любитъ, и я люблю... не знаю, что̀ тебѣ такое?

— Я вѣрю этому, отвѣчала Ида.

— Но, что̀ жь тебѣ такое? что̀ тебѣ этого не хочется?

— Не хочется? проговорила вздохнувши Ида.—Не хочется мнѣ, Берта, потому, что просторнѣй жить, тѣснѣе дружба.

— Мы не поссоримся.

— И не поссорившись не всегда хорошо бываетъ.

— Да отчего же, Ида? отчего? ты разскажи.

— Неровныя отношенія.

— Мой Господи, какъ-будто мы чужіе! Вѣкъ цѣлый прожили, всякій день видались: вѣдь все равно и такъ, какъ вмѣстѣ жили. Ты посуди, въ самомъ дѣлѣ, какая жь разница?

— Большая, Берта, разница. Жить порознь, хоть и всякій день видѣться, не то, что вмѣстѣ жить. Надо очень много деликатности, Берта, чтобы жить вмѣстѣ.

— Все у тебя, Ида, деликатность и деликатность; неужто ужь и между родными все деликатность?

— Съ родными больше, чѣмъ съ чужими.

— Не понимаю; Фрицъ, кажется, очень деликатный человѣкъ. Развѣ я чѣмъ нибудь — такъ ты вѣдь мнѣ прямо все говоришь.

— Вмѣстѣ живя, Берта, нужна постоянная деликатность; пойми ты—*постоянная*: кто не привыкъ къ этому — это очень нелегко, Берта. Твой мужъ — онъ, говоришь ты, добрый родной — я противъ этого не скажу ни слова; но онъ, напримѣръ, недавно говорилъ же при матери такъ, что она какъ будто стара ужь.

— Господи, какія мелочи! Я, богъ-знаетъ, какъ увѣрена, что онъ и не замѣтилъ этого.

— Мелочи! Я знаю, что это мелочи, и что онъ даже не замѣтилъ, какъ это дѣйствуетъ на маму, и я на него за это ни крошечки не сержусь. Понимаешь, это *теперь* ровно ничего не значило, кромѣ неловкости.

— А еслибы вы жили у насъ?

— А еслибы мы жили у васъ и онъ бы сказалъ это, это была бы ужасная неделикатность. Ты не сердись—я не хочу непріятностей — я говорю тебѣ, что онъ сказалъ бы это безъ умысла, но мнѣ бы это показалось... могло бы показаться... что мать моя въ тягость, что онъ рѣшилъ себѣ, что ей довольно жить; а это-бъ было для меня ужасно.

— Я скажу это Фридриху.

— Сдѣлай милость, скажи, отвѣчала спокойно Ида.

Черезъ минуту m-me Норкъ позвала ее къ себѣ. Дѣвушка взошла и молча стала передъ матерью. Софья Карловна взяла ея руки и сказала:

— Ну, какъ же, Ида?

— Какъ вамъ угодно, мама.

— Ты согласись.

— Мама, я съ вами всегда согласна.

— Да, согласись. Гдѣ намъ теперь искать другого подмастерья? Я старая, ты дѣвушка... похлопотали... У насъ свое есть — мы въ тягость имъ не будемъ. — Дай ручку — согласись?

Ида подала матери руку.

— Ну, Берточка! позвала старушка: — согласна — пусть будетъ такъ, какъ вы хотите съ мужемъ.

Берта Ивановна опустилась у материнскаго кресла на колѣни, и поцаловавъ ея руку, осталась въ этомъ положеніи.

M-me Норкъ долго ласкала обѣихъ дочерей и проговорила сквозь слезы:

— Вотъ и Манька моя будетъ рада, дурка, какъ узнаетъ! — Ида! я говорю, Манька-то наша: она какъ узнаетъ, что мы вмѣстѣ живемъ—она обрадуется.

— Обрадуется, мама, отвѣтила Ида, проводивъ Шульцевъ, уложила старушку въ постелю, а сама до самаго свѣта просидѣла у ея изголовья.

XXIV.

Фридрихъ Шульцъ самъ взялся разверстать и покончить всѣ дѣла тещи. На другой же день онъ явился къ тещѣ съ двумя старшими дѣтьми и съ большимъ листомъ картона, на которомъ въ собственной торговой конторѣ Фридриха Фридриховича было мастерски награвировано на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ:

«*Токарное заведеніе, магазинъ и квартира передаются. Объ условіяхъ отнестись въ контору негоціанта Шульцъ et Cnie, В. О. собственный домъ на Среднемъ проспектѣ*».

Шульцъ собственноручно поставилъ этотъ картонъ на окно, у котораго обыкновенно помѣщалась за прилавкомъ Ида. Далеко можно было читать эту вывѣску и имя негоціанта Шульца. Впрочемъ, вывѣска эта не принесла никакой пользы. Преемниковъ госпожѣ Норкъ Шульцъ отъискалъ безъ помощи вывѣски и самъ привелъ ихъ къ тещѣ. Заведенье, квартира, готовый товаръ и мёбель, все было продано разомъ. Старушка удержала за собою только одну голубую мёбель, къ которой она привыкла.

— А вы, сестра, не оставите ли себѣ чего? отозвался Шульцъ, надѣвая въ магазинѣ свою высокую негоціантскую шляпу.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала Ида.

— Любимое, что-нибудь?

— У меня вещей любимыхъ нѣтъ.

— Фортепьянъ, Идочка, фортепьянъ-то себѣ оставь, послышался изъ залы голосъ Софьи Карловны.

— Нѣтъ, мамочка, ненадо, отвѣчала встрепенувшись Ида.

— Оставь, дружокъ, убѣждала выползая старушка.

— Мама, да какая я музыкантша?

— Мнѣ когда-нибудь вечеркомъ поиграешь; я люблю, когда ты играешь.

— Я вамъ на сестриномъ поиграю, когда прикажете, отвѣчала разсмѣявшись Ида.

— И то дѣло; есть у насъ и своя этакая балалайка, зарѣшилъ Шульцъ, и отправился домой писать съ преемникомъ условіе.

Въ этотъ же день Шульцъ, обогнавъ меня на своемъ гнѣдомъ рысакѣ, остановился и разсказалъ, что онъ перевозитъ свояченицу и тещу «въ свою хату».

— Что-жь имъ тормошиться-то больше? разсуждалъ онъ.—Слава-богу, есть своя изба, хоть плохенькая, да собственная, авось размѣстимся. Онъ понизилъ голосъ до тона глубокой убѣдительности и заговорилъ: — я вѣдь еще какъ строилъ, такъ это предвидѣлъ, и тамъ, помилуйте, вы посмотрите вѣдь, какъ я для нихъ устроилъ. Вѣдь не чужіе-жь въ самъ дѣлѣ, да наконецъ у нихъ вѣдь и свое есть.

— Есть развѣ?

— Ну да еще бы! Тысячь восемь теперь всего-то наберется. Случись вѣдь что́ съ старушкой, такъ вѣдь сестрѣ на всемъ готовомъ и процентовъ истратить некуда. Да, что̀: я вамъ скажу, еще дай-богъ всякому такъ кончить, какъ они. Шульцъ крикнулъ кучеру: пошелъ!

Вотъ ужь и слово *кончить* примѣнилось къ тебѣ, дорогая

Ида Ивановна! Вотъ и масштабъ для тебя составленъ и дорога твоя предусмотрѣна: непочатыми будутъ твои капиталы и процентовъ тебѣ не прожить.

«Еще и всякому такъ дай Богъ кончить!»...

О, Боже! Боже! какъ страшно и какъ холодно становится на свѣтѣ живому человѣку, когда сведешь его на этотъ узкій, узкій путь, размѣренный масштабомъ теплаго угла, кормленья и процентовъ! А еще и тебѣ скажутъ ближніе твои: благо тебѣ искренній, зане многимъ на землѣ и еще того хуже; зане у многихъ на землѣ нѣтъ ни угла, ни крова, ни капитала въ карманѣ, ни капитала въ головѣ, ни капитала въ характерѣ и въ нравѣ. Но и чрезъ золото такъ точно льются слезы, какъ льются онѣ и черезъ лохмотья нищеты, и если поражаетъ насъ желтолицый голодъ и слеза униженія, текущая изъ глазъ людей нищихъ духомъ, то, можетъ быть, мы нашли бы еще болѣе поражающаго, опустясь въ глубину могучихъ душъ, молчащихъ вѣчно, душъ замкнутыхъ въ средѣ, гдѣ одинаковы почти на видъ и сила, и безсилье. Мы ужаснулись бы, глядя какъ ихъ гнететъ и давитъ спящая ихъ собственная сила; какъ ихъ духъ, вѣдунъ нѣмой, томится и цѣлый вѣкъ все душитъ человѣка. Такъ Святогоръ, народный богатырь нашего эпоса, спитъ въ желѣзномъ гробѣ; накипаютъ на его гробѣ закрытомъ все новые обручи; душитъ, бьетъ Святогора его богатырскій духъ; хочетъ витязь кому-бъ силу сдать, не беретъ никто; и все крѣпче спирается могучій духъ и все тяжче онъ томитъ витязя, а желѣзный гробъ все качается.

XXV.

Я вечеромъ пошелъ къ Норкамъ. Ида Ивановна сидѣла одна въ магазинѣ, закрытая отъ окна неснятою еще вывѣскою о передачѣ магазина.

Подавая мнѣ руку, она только молча кивнула головою.

Я сѣлъ въ простѣнкѣ, такъ что еслибы кто подошелъ съ улицы даже къ самому окну, то меня ему все-таки не было бы видно.

Ида сама разсказала мнѣ, что они прекращаютъ торговлю и переселяются къ Шульцу.

— Вы вѣдь, спросилъ я, нехотя это дѣлаете, Ида Ивановна?

Дѣвушка помолчала, сдвинула слегка брови и отвѣчала:

— Нѣтъ... все равно ужь! Пусть будетъ, какъ мамѣ угодно.

— Вашъ вѣкъ, можно думать, длиннѣе Софьи Карловнинаго.

— Если мама умретъ, я тогда пойду къ Манѣ, произнесла Ида скороговоркой, и быстро распахнувъ окно добавила: — фу, Господи, какъ жарко!

Она высунула головку за окно, и мнѣ кажется, она плакала, потому что когда она черезъ минуту откинулась и снова сѣла на стулъ, у нея на лбу были розовыя пятна.

— Фрицъ идетъ, проговорила она, принимаясь за оставленную работу.

Я посмотрѣлъ въ окно, никого не было видно.

— Онъ далеко еще, не увидите.

— А какъ же вы-то его увидали?

— Я не вижу его. Ида улыбнулась и добавила: — мой носъ полицеймейстеръ, я его сигару слышу.

Въ эту минуту щелкнула калитка палисадника и подъ окномъ дѣйствительно явился Шульцъ.

Не знаю почему, я не поднялся, не заявилъ ему о своемъ присутствіи, а остался вовсе незамѣчаемый имъ попрежнему за простѣнкомъ.

— Ну, да, началъ Шульцъ:—я всегда говорилъ, что бѣды ходятъ толпами.

— Тише, проговорила Ида. Она встала, затворила дверь изъ магазина въ комнаты, и снова сѣла на свое мѣсто.

— Что̀ такое?

— Вотъ что, началъ Шульцъ: — Маня оставила мужа.

Ида вскочила и стала у шкафа. Шульцъ говорилъ голосомъ нервнымъ и дрожащимъ.

— Мнѣ вотъ что̀ пишетъ мужъ ея. Не безпокойтеся давать мнѣ свѣчки, я вамъ прочту и такъ, и Шульцъ прочелъ холодное, строгое и сухое письмо Бера, начинавшееся словами: «На девятое письмо ваше имѣю честь отвѣчать вамъ, что переписка между нами дѣло совершенно излишнее.» Далѣе въ письмѣ было сказано, что «мы съ Маріей разстались, потому что я не хотѣлъ видѣть ее ни въ саванѣ, ни въ сумасшедшемъ домѣ». Извѣстное намъ дѣло было изложено самымъ короткимъ образомъ и затѣмъ письмо непосредственно оканчивалось казенною фразой и крючковатой подписью Бера.

— Какъ вамъ это нравится? спросилъ Шульцъ, дочитавъ письмо.

Ида молчала.

— Вѣдь этого не можетъ быть! Вѣдь это вздоръ! все это выдумка!

— Не говорите только пожалуйста объ этомъ матери.

— Да нечего и говорить... это невозможно!... das ist nicht möglich!

— Конечно, уронила Ида.

Шульцъ посмотрѣлъ въ глаза свояченницѣ и, черкнувъ по зажигательницѣ спичкой, сказалъ:

— Я думаю, однако, пѣнію время, а молитвѣ часъ. Вы еще молоды, чтобы надо мною смѣяться.

— А!... Вотъ то-то-бъ вамъ поменьше хлопотать! Да! да не das ist nicht möglich, а это gewiss Herr Schulz, gewiss... *вы* погубили нашу Маню.

— Покорно васъ благодарю, произнесъ съ шипѣніемъ Шульцъ.

— Вы! вы! и вы! послала ему въ напутствіе Ида, и съ этими словами, съ этимъ взрывомъ гнѣва она уронила на грудь голову, за нею уронила руки, вся пошатнулась на бокъ всей своей стройной фигурой и заплакала цѣлыми рѣками слезъ, ничего не видя, ничего не слыша и не сводя глазъ съ одной точки по серединѣ пола.

Она плакала какими-то мертвыми, ледяными слезами. О такихъ слезахъ никто не разсказывалъ ни въ одной исторіи, ни въ одной сказкѣ. Обыкновенно думаютъ, что самая больная слеза есть слеза самая теплая, «горючая», какъ называютъ ее сказки и былины нашего эпоса. Усталый витязь, уснувшій непробуднымъ сномъ на колѣнахъ красавицы, которую онъ долженъ былъ защитить отъ выходившаго изъ моря чудовища, пробудился отъ одной слезы, павшей на его лицо изъ глазъ дѣвушки при видѣ вышедшаго змѣя. Такъ горяча слеза молодой жизни, просящей защиты. Но есть еще другія, болѣе страшныя слезы, и хотя ихъ нельзя на-

звать горючими, но онѣ заставляютъ васъ трепетать, когда текутъ по женскимъ щекамъ.

Есть много извѣстныхъ женскихъ лицъ, трудясь надъ изображеніями которыхъ, даровитые художники представили этихъ женщинъ плачущими. Таковы извѣстныя изображенія: нѣжной дочери короля Лира, *Корделіи;* цѣломудренной римлянки *Лавиніи*, дочери Тита Андроника; развѣнчанной *Маріи Антуанеты* въ минуту ея прощанія съ дѣтьми; *Алиціи Паули Монти*; *Орлеанской Дѣвы;* св. *Маріи Магдалины*, изъ русскихъ — *Ксеніи Годуновой* и наконецъ еще такъ изображена *Констанція*, вдова, устами которой Шекспиръ сказалъ краснорѣчивѣйшее опредѣленье скорби. Изучая эти плачущія лица, вы чувствуете, что каждое изъ нихъ плачетъ *своими слезами* и даже, какъ будто чувствуете температуру этихъ слезъ. *Корделія*, молящаяся за сумасшедшаго отца; *Лавинія*, обезчещенная съ обрубленными руками; *Марія Антуанета*, утопшая въ крови и бѣдахъ; царевна *Ксенія Годунова*, эта благоуханная, чистая роза, кинутая въ развратную постель самозванца, и *Констанція*, научающая скорбь свою быть столь гордой, чтобы пришли къ ней короли

«Склоняться предъ величьемъ тяжкой скорби»,

все это женщины съ различными скорбями. Пересчитавъ столько женскихъ обликовъ, я, кажется, имѣю довольно большой выборъ для сравненія; но какъ ни многорѣчивы эти прекрасныя, высокохудожественныя изображенія, я ни передъ однимъ не смѣлъ бы вамъ сказать: мнѣ кажется, что Ида плакала вотъ этакъ!—Она плакала совсѣмъ иначе.

Еще одно женское лицо, также плачущее, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе въ роскошномъ изданіи L'Abbé и G. Darboy: *Les femmes de la Bible*. Это высокая и стройная библейская кра-

савица, которая стоитъ передъ вами полуобнажонная: она плачетъ только ступивши ногою съ постели, ея станъ едва лишь прикрытъ ветхозавѣтною восточною рубашкой, то-есть кускомъ холста, завязаннымъ надъ лѣвою ключицей. Другое плечо, грудь, шея и правая рука обнажены. Рука въ запястьяхъ, которыя не были сняты ночью — виситъ, какъ стебель, лѣвая, также нагая отъ самаго локтя, держитъ упавшую голову. Изъ глазъ тихо катятся холодныя, крупныя слезы, и катятся какъ градины на раскаленную ниву. За этою фигурой вы видите двуспальную постель, часть смятаго изголовья и больше ничего: все остальное закрываетъ пестрое восточное одѣяло, которое женщина потянула проснувшись, и судорожно сжавъ его край плачетъ ледяною слезою.

Я не знаю, беретесь ли вы отгадать, кто эта библейская женщина?... Это дочь Рагуила, та несчастная красавица Сара, которая семь разъ всходила на брачное ложе и видѣла всѣхъ семерыхъ мужей своихъ умершими и оставившими ее дѣвой. Художникъ изобразилъ моментъ пробужденія ея въ первую ночь седьмого брака: она ужь не въ испугѣ, не въ ужасѣ и не въ отчаяньи. Ей не идетъ *горючая* слеза скорбей, живыхъ еще хотя бъ *надеждою*, хотя бъ однимъ *желаньемъ*, переживающимъ надежду: у ней даже желаній нѣтъ. Она не ждетъ еще пришествія Товіи, который долженъ сжечь въ ея опочивальнѣ рыбье сердце: она одна теперь съ умершею надеждой жить и съ улетѣвшими желаньями; она застыла и ея слезы падаютъ оледенѣлыми.

Такова была плачучи Ида.

XXVII.

(Глава вмѣсто эпилога).

Съ тѣхъ поръ, какъ передъ нами плакала Ида, до дня, въ который вы прочтете эту повѣсть, минули не одна весна и не одно лѣто. Въ это время въ трехъ прекрасныхъ комнатахъ на антресоляхъ въ домѣ богатаго негоціанта Шульца, умерла Софья Карловна Норкъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, которые старушка провела у дочери и у зятя, ни она, ни Ида не имѣли ни малѣйшаго основанія пожалѣть о томъ, что онѣ оставили свое хозяйство. Шульцъ угождалъ матери и благоговѣлъ передъ Идой. Старушка умерла отъ рака въ желудкѣ. Цѣлый годъ ее томили голодомъ, чтобы удерживать развитіе болѣзни и облегчить ей послѣдній шагъ въ вѣчность. Софья Карловна сдѣлалась младенцемъ.

— Идочка! часто шептала она потихоньку, вскакивая на своей кроваткѣ:—дай ты мнѣ, мой другъ, немножко булочки.

— Мамочка, невозможно вамъ, голубчикъ, булочки! отвѣчала Ида.

— Ну, съ булавочную головку дай.

— Ну, стоитъ ли, мама, съ булавочную головку?

— Стоитъ, мама моя, стоитъ, отвѣчала старушка, называя дочь своей матерью.

Ида будто не слыхала, и начинала про себя читать, или работать.

— Ну, что жь, и Богъ съ тобой, говорила старушка.—Я все, бывало, видѣла во снѣ, какъ тебя носила, что ты меня кормишь— а ты не хочешь, ну и Богъ съ тобой: стало-быть, это неправда.

Ида не выдерживала и давала матери кусочекъ съ гороховину.

— Да я не хочу изъ твоихъ рукъ, хитрила старушка.—Что ты мнѣ не вѣришь! Я не дитя. Ты дай мнѣ, я и сама отломлю.

Ида знала, чѣмъ это кончится, но подавала матери ломтикъ и Софья Карловна скоро, скоро выколупывала дрожащими пальцами мякишь, совала его себѣ въ ротъ и махая руками шептала: убери! убери поскорѣй, убери, а то сестра придетъ!

День ото дня старушка все болѣе и болѣе уподоблялась младенцу невинному и попрежнему все хитрила съ Идой, подговариваясь то подъ кофе, то подъ бисквиты, которые она будто видѣла во снѣ.

— Мама, вамъ этого не снилось, отвѣчала Ида.

— Какъ не снилось! Вотъ новости! Какъ это не снилось?

— Не снилось, мама, не снилось, потому что вамъ этого невозможно.

— Да! невозможно, а все-таки снится, отвѣчала обижаясь и отстаивая свою хитрость Софья Карловна.

Наконецъ дни Софьи Карловны были сочтены и загорѣлася ея послѣдняя заря. Дѣти знали это отъ доктора, но старушка не знала своего положенія.

— Мнѣ, Идочка, сегодня снилось, говорила она:—будто мнѣ можно полчашки кофею.

— Можно, мама, отвѣчала Ида.

— Можно! переспросила изумленная старушка, и посмотрѣвши съ упрекомъ на дочь, вдругъ горько заплакала.

— Подать вамъ, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, не надобно... Мнѣ это вредно, отвѣчала Софья Карловна и закрыла свои прозрачныя вѣки, тонкія какъ перепонки крыла летучей мыши. Изъ-подъ этихъ вѣкъ выдавились и остановились въ углахъ глазъ двѣ тощія слезинки.

— Почитай, попросила она дочь.

На небѣ садился ранній зимній вечеръ, съ однимъ изъ тѣхъ странныхъ закатовъ, которые можно видѣть въ сѣверныхъ широтахъ зимою — закатъ жолтый, какъ отблескъ янтаря и сухой. По этому янтарному фону, снизу отъ краевъ горизонта клубится словно дымъ куреній, возносящійся къ таинственному престолу, сокрытому этимъ удивительнымъ свѣтомъ.

Съ антресолей Шульца, если сидѣть въ глубинѣ комнатъ, не видно было черты горизонта, и потомъ, когда загорается зимою надъ Петербургомъ такая янтарно-огненная заря, отсюда не видать тѣней, которыя туманными рубцами начинаютъ врѣзываться снизу впоперегъ янтарной зари, и задвигаютъ, словно гигантскими заставками , эту гигантскую дверь на усыпающее небо.

Такая зоря горѣла, когда Ида взяла съ этажерки свою библію. Одна самая нижняя полоса уже вдвигалась въ янтарный фонъ по красной чертѣ горизонта. Эта полоса была похожа цвѣтомъ на полосу до красна накаленнаго чугуна. Черезъ нѣсколько минутъ она должна была остывать, синѣть и наконецъ сровняться съ темнымъ фономъ самого неба.

Ида знала эту доску, знала, что за нею нѣсколько выше скоро выдвинется другая, потомъ третья, и каждая будетъ выдвигаться одна послѣ другой и каждая будетъ, то цѣлыми тонами, то по-

лутонами свѣтлѣе нижней, и наконецъ на самомъ верху, вслѣдъ за полосами, подобными прозрачнѣйшему розовому крепу, на мгновенье сверкнетъ самая странная — бѣлая, словно стальная пружина, только что нагрѣтая въ бѣлокалильномъ пламени, и когда она явится, то всѣ эти доски вдругъ сдвинутся, какъ легкія дощечки зеленыхъ жалюзи въ окнѣ опочивальнаго покоя, и плотно закроютъ двери на небо.

Евреи вѣрятъ, что небо запирается каждый вечеръ, и если вы хотите, то вы можете видѣть, какъ это производится невидимыми руками, задвигающими зорю и повертывающими послѣднюю пружину этихъ задвижекъ.

При такой зорѣ, покуда не забрана половина облитаго янтаремъ неба, въ комнатахъ Иды и ея матери держится очень странное освѣщеніе—оно не угнетаетъ какъ бѣлая ночь, и не радуетъ, какъ свѣтъ, падающій лучомъ изъ-за тучи, а оно приноситъ съ собою что-то фантасмагорическое: при этомъ освѣщеніи измѣняются цвѣта и положенія всѣхъ окружающихъ васъ предметовъ: лежащая на столѣ головная щетка оживаетъ, скидывается черепахой, и шевелитъ своею головкой; у стараго жасмина выростаютъ вмѣсто листьевъ голубиныя перья; по лицу сидящаго противъ васъ человѣка протягиваются длинные, тонкіе, фосфористые блики и хорошо знакомые вамъ глаза свѣтятъ совсѣмъ не тѣмъ блескомъ, который всегда вы въ нихъ видѣли.

То же самое происходитъ въ это время съ вашимъ лицомъ и со всѣми лицами, которыя будутъ освѣщены этимъ свѣтомъ.

Ида знала всю прихотливость этого освѣщенія; любуясь его причудами, она посмотрѣла вокругъ себя на стѣны, на цвѣты, на картины, на манинъ портретъ, на усаживающуюся на жердочкѣ канарейку: все было странно — все преображалось. Ида оглянулась на мать: лицо Софьи Карловны, лежавшей съ закрытыми

вѣками, было словно освѣщенный трафаретъ, на которомъ прорѣзаны линіи лба, носа, губъ, а остальное все темно.

Дѣвушка открыла вѣчную книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ въ ней лежала широкая, матовая, голубая лента, и вѣчная книга приготовилась разсказывать своимъ торжественно простымъ языкомъ свои удивительныя повѣсти.

«Упалъ погрязая во злѣ народъ израилевъ до того, что не было мужа способнаго спасти его, и возопили сыны израилевы ко Господу», начала читать Ида.

«И была въ то время судьею Израиля Девора пророчица, жена Лапидофова.

«Она жила подъ пальмою Деворриною, между Раммою и Вефилемъ на горѣ Ефремовой и приходили къ ней туда сыновья Израилевы на судъ.

«И призвала Девора Варака и сказала ему: повелѣваетъ тебѣ Іегова: возьми десять тысячъ мужей, а я приведу къ тебѣ, къ потоку Киссону Сисару, врага народа моего, и колесницы его, и многолюдное войско его и предамъ ихъ въ руки твои.

«Варакъ же сказалъ ей: если *ты* пойдешь со мною, я пойду; а если не пойдешь со мною, я не пойду.

«И сказала Девора: хорошо, пойду съ тобой, но не тебѣ будетъ слава на семъ пути, а въ руки женщины предастъ Господь врага народа своего.

«И встала Девора и пошла съ Варакомъ въ Кедошъ.

Проходитъ шумъ битвы; убитый Сисара лежитъ, лежитъ съ нимъ и все его войско, а Девора опять стоитъ подъ своею пальмою и Варакъ у ногъ ея и поетъ Девора:

«Слышите цари, внемлите вельможи: я пою, я бряцаю Іеговѣ-Богу, передъ которымъ, когда шелъ онъ, земля тряслась, небо капало, горы растаявали и облака проливали воду.

«Ѣздящіе на ослицахъ бѣлыхъ, сидящіе на коврахъ, пойте пѣснь.

«Не было вождей у Израиля, ни одного не было, пока не возстала я, Девора, пока не возстала *я*, мать народа моего».

Бряцаетъ Девора, стоя подъ пальмою Девориною между Раммою и Вефилемъ, и поетъ долгую пѣснь Іеговѣ сердце и умъ пророчицы, видя возставшую доблесть народа своего. И на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ списана пѣсня Деворы, вѣчная книга уже начинаетъ новую повѣсть: тутъ не десять тысячъ мужей боятся идти и зовутъ съ собою женщину, а горсть въ три сотни человѣкъ идетъ и гонитъ несметный станъ враговъ своихъ. И какъ это сдѣлано! и какъ это разсказано въ вѣчной книгѣ! Оживляется Ида, читая объ этомъ страшномъ подходѣ героевъ съ свѣтильниками, опущенными въ глиняные кувшины; тише дышетъ больная старушка, въ сотый разъ слушающая эту исторію, и поворачиваетъ къ свѣту свое лицо; и нынѣ, какъ въ дѣтствѣ, она ждетъ, когда разлетится въ черепья кувшинъ гедеоновъ и за нимъ треснутъ другіе кувшины и разольется во тмѣ полуночи, свѣтъ, въ нихъ скрытый... И вотъ это свершилось... звѣня разлетѣлись кувшины и идетъ облако свѣта во тьмѣ. О, какъ чуденъ сегодня этотъ свѣтъ свѣтильника, долго бывшаго заключеннымъ въ глиняномъ сосудѣ; какимъ блистаньемъ покоя осѣнилъ онъ мать сестеръ Норковъ. Да; это самъ, «одѣянный свѣтомъ, какъ ризою» сталъ у ея изголовья и назвалъ ея душу, и душа вопросила его: «Какъ имя твое?» но онъ отвѣтилъ ей, что отвѣтилъ видѣвшему его лицомъ къ лицу Іакову — онъ сказалъ ей, «что тебѣ въ имени моемъ?—*оно чудно*».

Въ комнатѣ вовсе стемнѣло; Ида свернула книгу, положила ее на прежнее мѣсто и, опершись локтемъ о подоконникъ, отдыхала глазами на густѣвшемъ закатѣ.

Уже почти всѣ звѣнья янтарныхъ дверей были забраны, и въ яркихъ просвѣтахъ между темныхъ полосъ клубилися легкія струйки тумана. Густой массой сначала мятутся онѣ внизу, потомъ быстро несутся кверху, какъ легкія тѣни въ длинныхъ одеждахъ, и исчезаютъ вверху, гдѣ смыкается небо.

«Да, закрывается небо и отошедшія души спѣшатъ, чтобъ не скитаться до утра у запертой двери», подумала Ида, и съ этою мыслью невольно вздрогнула: ей показалось, что въ это мгновенье ея тихая мать тоже стоитъ у порога той двери, откуда блистаетъ фантастическій свѣтъ янтаря, догорѣвъ надъ полуночнымъ краемъ.

Это такъ и было: Софья Карловна умерла во время идиннаго чтенія — умерла счастливо, покушавъ долго спившейся ей булочки, слушая чудную повѣсть, которую читалъ для нея милый голосъ, и сохраняя во всей свѣжести вчера принесенную Шульцомъ новость о Манѣ.

Вчера, Фридрихъ Фридриховичъ прочелъ въ «Allgemeine Zeitung» статью, посвященную разбору дѣтской книжки путешествій, написанную путешественницей Маріей Норкъ. О самой путешественницѣ и до сихъ поръ нѣтъ очень подробныхъ извѣстій; но книга говоритъ за нее, гдѣ она была и какими очами на все смотрѣла. Это было событіе, давшее много чистыхъ и теплыхъ минутъ семейству Шульца, и особенно Идѣ и ея матери. Вѣроятно, не менѣе радостей принесла эта книжка одинокому Беру, такъ горячо хлопотавшему «поднять душу живую».

Одного Истомина она могла бы потревожить. Эта радостная новость, можетъ быть, опять взлетѣла бы надъ намъ Ивиковыми журавлями, и напомнивъ ему отринутое счастье, заставила бы задрожать за неузнатую Денманъ. Но Истоминъ давно куда-то безслѣдно исчезъ, и навѣрное, никогда объ этомъ не узнаетъ.

Фридрихъ Фридриховичъ и сегодня такой же русскій человѣкъ, какимъ почиталъ себя цѣлую жизнь. Даже сегодня, можетъ быть, больше, чѣмъ прежде: онъ выписываетъ *Московскія Вѣдомости*, очень сердитъ на поляковъ, сочувствуетъ русскимъ въ Галиціи, трунитъ надъ гельсингфорскими шведами, участвовалъ въ подаркѣ Комисарову, и говорилъ двѣ рѣчи американцамъ. Въ театры онъ ѣздитъ только, когда даютъ Островскаго.

— Ужасно люблю этихъ канальевъ самодуровъ, говоритъ онъ женѣ.—Какъ ты думаешь, Берта Ивановна, отчего бы это у меня вкусъ такой?

Берта Ивановна на это ему ничего не отвѣчаетъ.

— Оттого, можетъ быть, Фрицъ, что вы сами... шутя говоритъ за сестру Ида.

— Что̀-съ? — оттого, что я самъ самодуръ, вы это хотите сказать, Ида?

— Да.

— Въ самой вещи!

— Такъ — немножечко.

Фридрихъ Фридриховичъ задумывается, и нимало не обижаясь, отвѣчаетъ:

— Что̀ жь, очень можетъ быть, что вы и правы, потому, матушка-сестрица, что я отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ.

Берта Ивановна вся въ мужѣ, въ вязаньѣ и въ хозяйствѣ.

Иду Норкъ вы, если хотите, можете видѣть даже не будучи знакомы съ Фридрихомъ Щульцемъ. Домъ Шульца отыскать нетрудно; а необыкновенно чистыя, большія окна одной половины перваго этажа, завѣшенныя дорогими гардинами, укажутъ вамъ собственное помѣщеніе хозяйскаго семейства. Въ эти свѣтлыя окна видна вся внутренность просторныхъ покоевъ негоціанта,

и особенно видна огромная свѣтлая зала, въ углахъ которой красуются двѣ довольно дорогія, гипсовыя статуи новогородскаго мужика и бабы, которыхъ со дня перенесенія ихъ сюда съ художественной выставки, Фридрихъ Фридриховичъ назвалъ Иваномъ Коломенскимъ и Марьей Коломенской. Лѣтомъ, у средняго окна залы, на спокойномъ креслѣ, передъ опрятнымъ рабочимъ столикомъ, почти всегда сидитъ молодая женщина, которой нынче уже лѣтъ за̀ тридцать. На бѣлой шеѣ, плечахъ и груди у нея уже слегка образуется полнота; но она еще очень граціозна и необыкновенно мила: строгое платье ея сдѣлано прекрасно, фигура стройна, пепельные волосы ложатся по плечамъ длинными локонами. Это Ида Норкъ. Наружно она только пополнѣла, сильный подбородокъ ея немножко еще приподнялся, да она перемѣнила прежнюю простую прическу на болѣе сложную. Въ тотъ день, когда она шутя завила себѣ въ первый разъ локоны и вышла такъ къ чаю, сестра ея и Фридрихъ Фридриховичъ невольно вскрикнули, а дѣти бросились за кресло Берты Ивановны, и шептали: «бабушка! бабушка!»

— Я такъ теперь и останусь бабушкой, отвѣчала весело Ида:— и она такъ и осталась съ прекрасными локонами, которые еще нескоро посѣдѣютъ, чтобы довести сходство Иды съ матерью до нераздѣлимаго подобія.

Около Иды всегда кругомъ дѣти, и они ей не мѣшаютъ, потому что въ нихъ-то и ожили снова ея глубокія симпатіи.

Зимою, когда дни коротки и сумрачны, вамъ удобнѣе разсмотрѣть Иду Ивановну вечеромъ. Фридрихъ Фридриховичъ, возвратясь въ эту пору съ биржи домой, и плотно пообѣдавъ, а потомъ поцаловавъ руки жены и свояченицы, обыкновенно отправляется всхрапнуть на мягкомъ диванѣ въ жениной спальнѣ. Въ это время, попрежнему красивая, хотя сильно располнѣвшая Берта

Ивановна расхаживаетъ на цыпочкахъ по столовой, и охраняетъ мужнино спокойствіе, а въ залѣ, въ огромномъ изящномъ каминѣ, работы Сан-Галли, стараніями дѣтей, разводится яркое пламя. Къ этому огню прикатывается большое, стальное, качающееся кресло: на немъ садится Ида. Около нея цѣлая дѣтская группа: одинъ у нея лежитъ на колѣнахъ и весело грѣется; старшіе трое тѣснятся у тёткиныхъ плечъ и съ жадностью ловятъ ея каждое слово, а пятый, кудрявый мальчишка, по пятому году, постоянно любитъ дремать, какъ котёнокъ, у нея за спиною.

Долго пылаетъ этотъ привѣтный огонь, и долго, и плавно текутъ передъ нимъ живыя бесѣды. Картина бываетъ такая прекрасная и внушающая, что на нее поневолѣ засматривается и дѣловой человѣкъ съ наморщеннымъ лбомъ, поспѣшающій къ дѣлу на истерзанной клячѣ петербургскаго ваньки, и веселая компанія, отправляющаяся на нанятой вскладчину тройкѣ, чтобы убить гдѣ-то и время, и деньги — и пѣшеходъ, тихо плетущійся къ своей одинокой каморкѣ. Пѣшеходъ даже часто останавливается здѣсь передъ окнами шульцевой залы, и иногда въ темный вечеръ ихъ столкнется здѣсь и двое, и трое: тотъ изъ Уфы, другой — изъ Кіева, а третій изъ дальней Тюмени, и каждый, стоя здѣсь на этомъ тротуарѣ, переживаетъ хотя одну изъ тѣхъ минутъ, когда собственная душа его была младенчески чиста, и раскрывалась для воспріятія благого слова, какъ чашечка ландыша раскрывается зарею, для принятія капли питающей росы.

И долго, долго иной разъ застоится здѣсь забывшись мой прохожій, и потомъ, закрывшись воротникомъ, зашагаетъ, выглядывая однимъ глазомъ, какъ Оденъ сѣверной саги, потерявшій свой другой глазъ при покушеніи украсть меду поэзіи у Гунледа.

Не нянькины сказки, а полныя смысла прямого ведутся у Иды бесѣды. Читаетъ она здѣсь изъ Плутарха про великихъ людей;

оворитъ она дѣтямъ о матери Вольфганга Гёте; читаетъ имъ Смайльса Self-Help—книгу, убѣждающую человѣка «самому себѣ помогать»; читаетъ и про тебя, кроткая Руфь, обрѣтшая себѣ, ради достоинствъ души своей, отчизну въ землѣ чуждой.

И крѣпнетъ дѣтскій духъ въ этихъ бесѣдахъ, и какъ шептунъ-трава, тихо ростутъ и вырастаютъ въ нихъ и рѣшимость и воля, и воспитывается то, что́ далекій потомокъ, можетъ быть, условится называть въ человѣкѣ прямою добродѣтелью гражданина.

Но не слыхать этихъ бесѣдъ Иды за окнами шульцева дома, и проносящіеся мимо этихъ оконъ сами себѣ надоѣвшіе, праздные, скучные люди, и молчаливо бредущій прохожій, слышатъ и понимаютъ изъ нихъ не болѣе, чѣмъ каменный коломенскій Иванъ и его расплывшаяся Марья, истуканами стоящіе въ залѣ, гдѣ василеостровская Ида, своимъ незримымъ рукоположеніемъ, низводитъ наслѣдственную благодать духа на дѣтей василеостровскаго Шульца.

Конецъ.

W119

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.-Oct. 1988
We're Quality-Bound